ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА.

Предисловіе.

НѢ СЛУЧАЙНО досталось нѣсколько тетрадей съ рисунками, повидимому, принадлежавшими рукѣ опытнаго, незауряднаго рисовальщика. Здѣсь и эскизы жанра и пейзажа, фрески, головки и цѣлыя законченныя иллюстраціи, преимущественно къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, Гоголя и другихъ. Типичныя изображенія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, мощная, дышащая отвагою фигура Тараса Бульбы, цѣлый рядъ иллюстрацій изъ «Горе отъ ума», сцены «Донъ-Жуана» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Что это за иллюстраціи! Великій поэтъ, вдохновившій талантливую руку художника, создавшаго на бумагѣ его типы, самъ бы пришелъ въ умиленіе отъ этихъ рисунковъ. Да, это Гриневъ, это Швабринъ, это Маша, чистая, невинная, кроткая. Тутъ есть и сцена дуэли, и арестъ, и обученіе инвалидовъ комендантомъ, и Бѣлогорская крѣпость, и первый поцѣлуй, и сцена съ тулупомъ и т. д...

Я, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ такимъ рисункамъ и дѣятельно началъ доискиваться автора этихъ талантливыхъ произведеній.

Отправившись въ музей императора Александра III, я прежде всего показалъ ихъ хранителю музея, Альберту Николаевичу Бенуа, который съ большимъ вниманіемъ пересмотрѣлъ ихъ, пришелъ въ восхищеніе и почти увѣренно призналъ въ этихъ рисункахъ произведенія Павла Соколова. «Впрочемъ, я навѣрное не берусь вамъ утвердить этого,—сказалъ онъ:—а вотъ я вамъ дамъ письмо къ его

брату, хранителю музея академіи художествъ—Александру Петровичу, онъ вамъ дастъ положительный отвѣтъ. Рисунки очень интересны и желательны для коллекціи музея,—прибавилъ онъ. «Cargime! Обрати вниманіе на замѣчательные рисунки твоего брата, ихъ бы желательно имѣть въ музеѣ», писалъ Бенуа Александру Соколову.

Въ тотъ же день я былъ на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи академіи художествъ, у Александра Петровича. Въ квартирѣ, сплошь увѣшанной картинами и портретами, меня встрѣтили два старика: мужъ и жена Соколовы; они съ живѣйшимъ любопытствомъ отнеслись къ показываемымъ мною рисункамъ и видно было, что каждый штрихъ, каждый набросокъ былъ для нихъ полонъ значенія.

— Да, это онъ, это Павелъ, какъ же не узнать его,—говорилъ со слезами на глазахъ старикъ:—это его юношескія произведенія. Сколько таланту было въ этомъ человѣкѣ!..

— Да гдѣ же онъ теперь? Не можете ли сообщить мнѣ его адресъ?—спросилъ я.

Старушка принесла какую-то книжку и прочитала: Кавалергардская улица, д. № 1, кв. 2.

Я отправился къ Павлу Петровичу.

— Здѣсь живетъ художникъ Соколовъ?—спросилъ я у дѣвушки, открывшей мнѣ дверь.

— Пожалуйте. Павелъ Петровичъ! къ вамъ...—крикнула она, снимая съ меня пальто.

— Entrez!—раздался старческій голосъ, и я вошелъ въ маленькую, довольно мрачную комнату со сводами. По стѣнамъ висѣло нѣсколько картинъ. Около окна стоялъ мольбертъ съ начатой женской головкой. Посреди комнаты, на постаментѣ возвышалась почти законченная глиняная ваза, изображающая группу изъ «Русалки» Пушкина. Такая же ваза съ группою изъ «Золотой рыбки» стояла возлѣ одной изъ стѣнъ. Хозяинъ, повидимому, только что закончилъ свою работу и, отдыхая, всматривался въ изваяніе. При появленіи моемъ онъ всталъ.

Это былъ выше средняго роста, сухой, но весьма благообразный старикъ лѣтъ за 70, съ признаками на лицѣ безусловной красоты. Его симпатичное лицо привѣтливо улыбалось мнѣ, и онъ любезно предложилъ мнѣ стулъ. На головѣ у старика была надѣта бархатная ермолка, придававшая ему въ окружавшей обстановкѣ средневѣковый видъ. Убогое помѣщеніе, жалкій, жесткій диванъ, ветхая мебель, все говорило о томъ, что старикъ очень нуждался. Выслушавъ меня, онъ пришелъ въ сильное волненіе и, увидѣвъ рисунки, заплакалъ, и эти слезы были слезами, пролитыми надъ своимъ настоящимъ безсиліемъ. Я невольно взглянулъ на мольбертъ, на которомъ былъ начатый рисунокъ,—въ немъ не было той жизни,

того взмаха, который былъ замѣтенъ въ каждомъ штрихѣ разсматриваемыхъ альбомовъ, и старикъ, повидимому, сознавалъ это.

Долго я просидѣлъ у Павла Петровича, много интереснаго разсказывалъ онъ мнѣ о своей жизни, благодарилъ меня за то, что я отыскалъ его, подписалъ мнѣ свои рисунки и просилъ объ одномъ, чтобы я хранилъ ихъ, или бы помѣстилъ туда, гдѣ бы они не могли пропасть. «Вѣдь это прототипы тѣхъ иллюстрацій, которыя впослѣдствіи были воспроизведены мною и имѣли огромный успѣхъ, но эти, по-моему, лучше, удачнѣе», сказалъ онъ.

— А я вѣдь немножко и писатель,—улыбаясь прибавилъ старикъ и подалъ при этомъ литографированную брошюрку «Дубровскій» А. С. Пушкина, передѣланную имъ въ драму. Эта пьеса шла въ 1900 г. въ Василеостровскомъ театрѣ и имѣла успѣхъ; присутствовавшій на спектаклѣ авторъ удостоился овацiи. «Также вотъ скоро выйдетъ въ свѣтъ и «Капитанская дочка», которую я отправилъ въ Москву въ литографію, здѣсь очень скупы на счетъ изданій», сказалъ онъ.

Да, великій поэтъ не только вдохновилъ Павла Петровича, какъ художника, но и на закатѣ его лѣтъ онъ не переставалъ руководить имъ, какъ ваятелемъ, художникомъ и драматургомъ. Надо замѣтить, что «Дубровскій» передѣланъ Соколовымъ очень удачно и въ высшей степени сценично и увлекательно.

Рисунки П. П. Соколова мною были вторично представлены въ музей императора Александра III и ихъ уже смотрѣлъ Владимиръ Брюлловъ, двоюродный братъ Соколова, и наконецъ братъ его, Александръ Врюлловъ, принялъ ихъ у меня для представленія въ академію художествъ. Въ январѣ 1901 г. академическій совѣтъ разсматривалъ эти альбомы, и вслѣдствіе этого пенсія, которую получалъ Павелъ Соколовъ, была увеличена, но рисунки, однако, музеемъ пріобрѣтены не были, и я ихъ получилъ обратно. Слава Богу, что хоть какой-нибудь толкъ вышелъ отъ ихъ представленія. Въ 1899 г., во время академическаго собранія, въ числѣ почетныхъ членовъ совѣта его засѣдалъ и племянникъ министра Вышнеградскаго, бывшій ученикъ Павла Соколова, который одновременно училъ живописи его съ дочерью министра. Когда Павелъ Петровичъ былъ избранъ академикомъ, то этимъ лицомъ былъ возбужденъ вопросъ о назначеніи ему пенсіи, которая и была установлена въ 25 рублей.

Павелъ Петровичъ сталъ изрѣдка заходить ко мнѣ и однажды онъ принесъ съ собою нѣсколько мелко исписанныхъ тетрадей «своихъ воспоминаній», уполномочивая меня напечатать изъ нихъ все, что я найду возможнымъ. «Здѣсь все правда,—говорилъ онъ:— быть можетъ, вы найдете много лишняго, субъективнаго, такъ вѣдь я это писалъ для себя, для своей души, не думая, что судьба меня столкнетъ съ человѣкомъ, который заинтересуется мною и нравственно поддержитъ меня, уже угасающаго. Да, я чувствую, что можно устать жить».

Записки Павла Петровича Соколова очень пространны, а потому, конечно, не могутъ быть напечатаны цѣликомъ, въ нихъ онъ много касается своей частной жизни, чисто семейной, интересной лишь для близко его знающихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ охватываютъ бытовую сторону общественной жизни 30-хъ—60-хъ годовъ, столь интересную въ историческомъ отношеніи, касаются жизни многихъ знаменитыхъ литераторовъ, художниковъ и артистовъ, съ которыми имѣлъ соприкосновеніе авторъ «воспоминаній», а потому представляютъ собою довольно цѣнный и интересный историческій матеріалъ.

Павелъ Петровичъ Соколовъ, сынъ знаменитаго портретиста Петра Ѳедоровича, братъ пейзажиста Петра Соколова (нынѣ покойнаго), племянникъ извѣстнаго профессора Карла Брюллова, принадлежалъ къ артистической семьѣ, передававшей какъ бы по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе божественную искру таланта. Родился онъ въ Петербургѣ 4-го іюня 1826 года и по окончаніи академіи получилъ званіе свободнаго художника за портретъ, писанный имъ въ Москвѣ съ художника Подклюшникова. Званіе академика П. Соколовъ получилъ во время Пушкинскихъ торжествъ въ 1899 году, гдѣ были выставлены его картины и въ томъ числѣ знаменитыя иллюстраціи къ «Капитанской дочкѣ», за картину «Святое семейство». Изъ выдающихся трудовъ его мнѣ удалось собрать свѣдѣнія лишь о слѣдующихъ: 1) «Іоаннъ Грозный и Шибановъ» (масл. кр.), картина эта куплена Кокоревымъ на выставкѣ въ Москвѣ, въ домѣ Юшковыхъ, на Мясницкой, за 500 р. 2) «Смерть Ивана Сусанина» (акварель), куплена государынею императрицею Маріею Александровною и подарена государю императору къ коронацію. Покупка картины была поручена Ѳедору Адольфовичу Оому. 3) двѣ жанровыя картины, изображающія молодыхъ женщинъ, написанныя по заказу Василія Федуловича Громова, въ настоящее время увезены въ Америку Уэнцомъ. 4) «Моцартъ и Сальери» (масл. кр.), куплена Пальчиковымъ. 5) 16 картинъ для великаго князя Николая Николаевича Старшаго въ его дворецъ. Великая княгиня Александра Петровна обратила особенное вниманіе на работы П. Соколова, пригласила его во дворецъ и лично выразила желаніе имѣть его работы. 6) Иллюстраціи «Капитанская дочка». 7) «Горе отъ ума». 8) «Евгеній Онѣгинъ»—были оставлены Соколовымъ въ Москвѣ у Булгакова и послѣ его смерти попали въ чужія руки. 9) «Старосвѣтскіе помѣщики» были куплены Бенкендорфомъ, а затѣмъ проданы Марксу, издавшему ихъ жалкой, маленькой книжкой. 10) «Арапъ Петра Великаго». Павелъ Петровичъ также занимался и скульптурными работами; такъ, напримѣръ, Вольфъ въ статьѣ своей въ 1900 году «Некрологъ Петра Соколова» приложилъ снимки съ вазъ работы Павла Соколова, приписывая ихъ рукамъ Петра,—это весьма грубая ошибка.

Б. Л. Тагѣевъ.

I.

Мой отецъ.—Смерть дѣда.—Переѣздъ отца въ Петербургъ.—Поступленіе его въ академію художествъ.—Золотая медаль и дипломъ.—Изъ-за цыбика чая въ чиновники.—Семейство Брюлло.—Женитьба отца.—Наводненіе.

Отецъ мой Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ былъ лицомъ замѣчательнымъ, снискавшимъ себѣ европейскую извѣстность акварельными портретами въ томъ родѣ, который онъ самъ создалъ. Успѣху своему онъ былъ всецѣло обязанъ своему дарованію и добросовѣстному труду, безъ всякой примѣси шарлатанства и рекламы, что, къ сожалѣнію, нерѣдко приходится встрѣчать въ біографіяхъ многихъ художниковъ, слава которыхъ, раздутая услужливыми пріятелями, хотя и блистала нѣкоторое время, но очень скоро погасала безслѣдно. Не такова была творческая сила моего отца.

Недавно, еще въ 1900 году, я видѣлъ его работу, случайно попавшую на выставку, имѣвшую мѣсто въ академіи наукъ, по случаю столѣтняго юбилея А. С. Пушкина,—это былъ акварельный портретъ генерала Раевскаго, прекрасно сохранившійся во всѣхъ его деталяхъ. Этотъ портретъ особенно рѣзко выдѣлялся среди прочихъ картинъ своею свѣжестью и силой. Жизненность и правдивость рисунка были поразительны. Вообще портреты отца славились сходствомъ столько же, сколько изяществомъ и силой исполненія; онъ любилъ разлить какую-то пріятность въ изображеніи того лица, которое рисовалъ, вѣроятно, по врожденному и школой выработанному чувству истиннаго художника, ищущаго въ изображеніи того или другого типа красоты. Положимъ, этотъ пріемъ художники новой школы называютъ идеализаціею, но это грубая ошибка.

Слава отца, какъ первокласснаго художника, такъ утвердилаєь, что я считаю излишнимъ распространяться о достоинствахъ его рисунка и живописи, а коснусь его, какъ человѣка. Это была въ высшей степени симпатичная и даже обаятельная личность, пользовавшаяся всеобщей симпатіей. При своей необыкновенной скромности отецъ мой отличался изумительно веселымъ нравомъ и сообщительностью, и эти качества онъ сохранилъ до конца своей мирной и счастливой жизни.

Между тѣмъ дѣтство его протекло при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Отецъ его, а слѣдовательно мой дѣдъ, былъ весьма зажиточнымъ человѣкомъ и жилъ въ собственномъ домѣ въ Москвѣ, но страсть къ картежной игрѣ погубила его. Въ одинъ прекрасный день онъ проигралъ все свое состояніе вмѣстѣ съ домомъ и имуществомъ, не перенесъ такого удара судьбы и скоропостижно умеръ. Отецъ мой, еще будучи ребенкомъ, смотрѣлъ въ окно и видѣлъ, какъ изъ конюшенъ выводили лошадей, изъ сараевъ выдвигали экипажи, которые тоже были проиграны. Изъ дома выносили вещи, картины, а бабушка

моя въ слезахъ собиралась въ дорогу, чтобы отвезти сына своего въ Петербургъ и помѣстить его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Въ Петербургѣ они остановились у своихъ бѣдныхъ родственниковъ, жившихъ въ Гавани, которая въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, страдала отъ наводненій. Самый бѣдный людъ ютился въ этой мѣстности, кое-какъ перебиваясь изо дня въ день, и тогда уже было у жителей Гавани обыкновеніе выѣзжать на утлой лодкѣ въ заливъ, ловя разные обломки и щепы, замѣнявшіе собою дрова. Крѣпкій и ловкій мальчикъ, мой отецъ не разъ выѣзжалъ для подобныхъ экскурсій и нерѣдко въ дурную погоду возвращался измокшій и чуть не вплавь съ кое-какой добычей.

Между тѣмъ бабушка изо всѣхъ силъ старалась опредѣлить его куда-нибудь въ ученіе и наконецъ ей удалось помѣстить его въ академію художествъ полнымъ пансіонеромъ на казенный счетъ (тогда было еще такое положеніе). Этому обстоятельству много содѣйствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Пещуровъ, маленькій горбатый старичокъ, знавшій хорошо моего дѣда. Этотъ Пещуровъ былъ впослѣдствіи псковскимъ губернаторомъ.

Въ академію маленькій Соколовъ явился въ довольно жалкомъ видѣ, и вмѣсто пальто на него былъ надѣтъ бабушкинъ старый салопъ, что и подало поводъ его новымъ товарищамъ дать ему кличку «салопница». Долго оставался равнодушенъ къ насмѣшкамъ товарищей мой отецъ и, забившись въ уголъ, просиживалъ цѣлые часы, но наконецъ онъ не выдержалъ и, ухвативъ перваго, который поближе стоялъ къ нему, такую задалъ ему встрепку, что всѣ остальные разбѣжались, а пострадавшій завизжалъ. И вотъ бойкаго новичка за подобное буйство на первыхъ же порахъ засадили въ карцеръ, но зато онъ сразу пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе школяровъ, и къ нему болѣе уже не приставали.

Въ классахъ отецъ дѣлалъ быстрые успѣхи и подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей, которыми въ то время гордилась академія, развивалъ и совершенствовалъ свой талантъ. Егоровъ, Пищалкинъ, скульпторъ Логановскій и позднѣе Шебуевъ и Басинъ и др. были достойными руководителями талантливыхъ юношей. За програму свою на выпускъ, изображавшую «Плачъ Андромахи надъ тѣломъ Патрокла», отецъ былъ награжденъ золотою медалью, а программа его до сего времени сохраняется въ академіи.

Ему, несомнѣнно, предстояла командировка за границу на казенный счетъ, но событія 1812 года помѣшали этому.

Выпущенный съ дипломомъ на званіе свободнаго художника старшей степени, отецъ сталъ жить на собственныя средства, давалъ уроки живописи и дѣлалъ карандашомъ портреты, имѣвшіе большой успѣхъ. Благодаря этимъ портретамъ, кругъ знакомства моего отца очень скоро расширился, и онъ попалъ въ такъ называемый beau monde, посѣщалъ театры и собранія, а такъ какъ онъ былъ очень неду-

ренъ собою и всегда изысканно одѣвался, то охотно приглашался на вечера и въ частные дома. Особенно же онъ былъ обласканъ въ домѣ старика Пещурова, которому былъ обязанъ опредѣленіемъ въ академію.

Пещуровъ былъ холостякомъ и жилъ со своими сестрами, старыми дѣвами, въ собственномъ домѣ. Онъ всегда съ удовольствіемъ принималъ отца и восхищался его талантомъ. Однажды къ отцу обратился съ заказомъ одинъ сибирякъ, купецъ-чаеторговецъ, и когда портретъ, написанный съ него отцомъ, былъ законченъ, купецъ пришелъ въ такой восторгъ, что, кромѣ уговоренной цѣны, непремѣнно пожелалъ сдѣлать отцу подарокъ. «Завтра получишь, теперь не скажу что, ужъ будешь доволенъ,—говорилъ купецъ:—ты меня ублаготворилъ, да ужъ и я тебя распотѣшу».

На другое утро отцу приносятъ огромный цыбикъ чаю. Чай тогда только что начиналъ входить въ употребленіе, и лишь у очень богатыхъ людей его подавали гостямъ. Цыбикъ прекраснаго чая былъ подаркомъ незауряднымъ. Зная, что старикъ Пещуровъ былъ охотникомъ и знатокомъ въ чаяхъ, отецъ и поднесъ ему этотъ цѣнный подарокъ. Черезъ нѣсколько дней вдругъ отъ Пещурова получаетъ онъ приглашеніе на званый вечеръ. Въ назначенный часъ отецъ уже подъѣзжалъ къ дому Пещурова, окна и подъѣздъ котораго были ярко освѣщены, а на улицѣ стояло много великолѣпныхъ экипажей и каретъ. Оставивъ свое верхнее пальто у наряднаго швейцара, по лѣстницѣ, устланной дорогими коврами и уставленной цвѣтами, поднялся онъ, сопровождаемый лакеемъ въ шитой золотомъ ливреѣ и бѣлыхъ чулкахъ, къ ярко освѣщенному залу. Лакей отворилъ двери и громко назвалъ его фамилію. Въ залѣ было уже много гостей, среди которыхъ отецъ увидѣлъ и Пещурова, который, замѣтя вошедшаго отца, съ распростертыми объятіями пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Вотъ тотъ, кому мы сегодня обязаны пріемнымъ вечеромъ,— говорилъ онъ, представляя смущеннаго отца гостямъ:—это онъ подарилъ мнѣ этотъ замѣчательный чай.

Среди множества миловидныхъ женщинъ, наполнявшихъ салонъ Пещурова, отецъ замѣтилъ немало тѣхъ, съ которыхъ онъ писалъ уже портреты, всѣ осыпали его любезностями, дамы дарили нѣжными улыбками, а мужчины крѣпко пожимали руки. «И все это за цыбикъ чаю», думалъ отецъ.

Чай былъ внесенъ въ дорогомъ фарфорѣ и ароматомъ своимъ наполнялъ весь залъ. Похваламъ и восторгамъ не было конца—да и дѣйствительно чай былъ необыкновенный. Далеко за полночь окончился этотъ вечеръ, и только послѣ роскошнаго ужина, запитаго заграничными винами, гости начали разъѣзжаться. Но этимъ исторія съ цыбикомъ еще не кончилась.

Когда на другой день отецъ поѣхалъ благодарить Пещурова за оказанный ему лестный пріемъ, то тотъ объявилъ ему, что записалъ его на службу въ подвѣдомственный ему департаментъ. Конечно, отецъ поблагодарилъ его, но оговорился, что затрудняется этимъ, потому что совершенно не знакомъ съ дѣломъ, которое ему предстоитъ на новомъ мѣстѣ служенія.

— Да этого совсѣмъ и ненужно,—сказалъ Пещуровъ:—ты только ходи каждый мѣсяцъ жалованье получать.

О, доброе старое время! Удивительно, до какой наивности доходили тогда вліятельные люди въ своемъ самовластіи. Итакъ, благодаря цыбику чая, отецъ сдѣлался чиновникомъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, когда отецъ уже зарабатывалъ такія деньги, что вполнѣ былъ обезпеченъ, онъ не вытерпѣлъ и явился къ Пещурову съ заявленіемъ, что ему наконецъ совѣстно получать чины и деньги, не принося мѣсту служенія никакой пользы.

— Ну, ужъ это твое дѣло,—отвѣчалъ Пещуровъ:—коли ты не нуждаешься; я же соблюдаю твою пользу, желая тебѣ одного добра. Дѣлай, какъ знаешь.

Повидимому, старикъ былъ недоволенъ, не понимая, какъ это можно добровольно отказаться отъ чиновъ и службы. Однако отношеніе его къ отцу не измѣнилось, и онъ попрежнему былъ къ нему ласковъ и любилъ его.

Въ числѣ академическихъ товарищей отца были трое Брюлловыхъ, то есть тогда Брюлло. Двумъ младшимъ впослѣдствіи, по возвращеніи ихъ изъ-за границы, было дано императоромъ Николаемъ русское окончаніе «овъ» въ награду за ихъ отличные успѣхи. Звѣзда младшаго изъ нихъ, Карла, начинала уже ярко блестѣть на горизонтѣ художественнаго міра.

Семейство Брюлло состояло изъ отца, почтеннаго старика и тоже художника; его работы до сихъ поръ сохраняются въ академіи, какъ изящный образецъ вырѣзки изъ дерева. Лучшая изъ нихъ изображаетъ охотничью сумку съ веревочной сѣткой, въ которой видна дичь. Кромѣ того, старикъ Брюлло былъ извѣстенъ, какъ отличный живописецъ по стеклу съ серебромъ и золотомъ, подражая работамъ въ этомъ родѣ времени среднихъ вѣковъ. Происхожденіемъ онъ былъ нѣмецъ, переселившійся въ Россію, и между прочимъ состоялъ членомъ возникавшей тогда масонской ложи. Не разъ я держалъ въ рукахъ и разсматривалъ его шпагу съ золотымъ эфесомъ, на клинкѣ которой по синей эмали золотомъ были написаны слова: «Стой за правду».

Жена его была дѣловой женщиной и отличалась всѣми нѣмецкими добродѣтелями, т. е. домовитостью и умѣньемъ вести хозяйство. За Брюлло она была уже вторымъ бракомъ и принесла ему съ собою отъ перваго мужа сына Ѳедора, а съ Брюлло прижила сыновей Александра, Карла, Ивана и двухъ дочерей: Марію и Юлію;

послѣдняяя и была моею матерью. Старшій изъ сыновей, Ѳедоръ Павловичъ, былъ очень хорошій иконописецъ, я по крайней мѣрѣ другой работы у него не видалъ. Второй, Александръ, пошелъ по архитектурѣ и сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ своими постройками; онъ между прочимъ реставрировалъ Мраморный дворецъ для великаго князя Константина Николаевича и манежъ подлѣ Зимняго дворца. Третій, Карлъ, знаменитый живописецъ, написавшій картину «Послѣдній день Помпеи». Иванъ былъ самый младшій и отличался въ академіи тоже большими способностями, будущность его, безъ сомнѣнія, была бы блестящею, но чахотка рано свела его въ могилу.

Часто посѣщая домъ Брюлло, отецъ влюбился въ младшую дочь Юлію и черезъ два года женился на ней. Въ это время отецъ мой былъ очень друженъ съ графомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ и жилъ въ его домѣ на Моховой, графъ любилъ отца, былъ его посаженнымъ отцомъ и затѣмъ крестилъ меня.

Первые счастливые годы своей семейной жизни отецъ провелъ на Васильевскомъ островѣ, въ 8-й линіи, около Средняго проспекта, и молодая чета была свидѣтельницею страшнаго наводненія, разразившагося надъ Петербургомъ въ 1824 году.

Въ это ужасное утро мать моя стояла у окна и передъ нею бурнымъ потокомъ неслась вода, увлекая съ собою разные обломки, трупы людей и животныхъ, гробы съ размытаго кладбища, ворота съ заборами и сорванныя съ домовъ крыши. Между прочимъ смыла она и мостки. Одинъ изъ такихъ мостковъ вдругъ сталъ поперекъ улицы, упершись однимъ концомъ въ крыльцо отцовскаго дома, а другимъ въ деревянную хижину, въ которой цѣлая семья была застигнута водою. Хижина ежеминутно должна была обрушиться, бѣдняки тщетно взывали о помощи, но, увидя неожиданную переправу, какъ бы свыше посланную имъ для спасенія, бросились къ ней и всѣ до одного перебѣжали въ домъ моего отца, гдѣ получили пріютъ и помощь; лишь только успѣлъ перейти послѣдній, какъ мостки рухнули и были унесены безпощаднымъ потокомъ.

II.

Строгановская дача.—Черная рѣчка.—Новая деревня.—Кавалергардскіе вечера.—Успѣхи отца.—Художникъ Васильевскій.—Братъ Петръ.—Пансіонъ Журдана.—Лѣтній садъ.—Статуя Кановы.—Знаменитая рѣшетка.—Чудакъ англичанинъ.—Майскій парадъ.—Поступленіе въ горный корпусъ.—Успѣхи Карла Брюлло.

Гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного свободнаго клочка земли, гдѣ дача настроена на дачѣ, сейчасъ же за Строгановскимъ паркомъ, по берегу Черной рѣчки, ютилась во времена моего дѣтства небольшая деревушка, населенная довольно зажиточными мужи-

ками. Вотъ обыкновенно сюда мы переселялись на дачу съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней. За деревней были такъ называемые зады, состоявшіе изъ огородовъ, и за ними небольшая полянка, оканчивавшаяся очень уютной и густой березовой рощицей. Теперь и пюмину не осталось отъ этого живописнаго уголка—все густо застроено дачами. Мѣстомъ нашихъ прогулокъ обыкновенно былъ Строгановскій садъ, доступный для всѣхъ, кромѣ простонародья, и вотъ, переправившись на паромѣ черезъ Черную рѣчку, мы углублялись въ его тѣнистыя аллеи, направляясь къ графской дачѣ. Немного въ сторонѣ, подъ большими деревьями, окруженная высокими и густыми кустами, на двухъ огромныхъ плитахъ, служившихъ ей постаментомъ, стояла древняя гробница-саркофагъ въ видѣ большого мраморнаго ящика, украшеннаго высѣченными барельефами, обращавшими на себя мое вниманіе. Влѣво отъ гробницы въ кустахъ находилась статуя, изображавшая точильщика. Эта статуя не была какая-нибудь грубая копія, а носила на себѣ знаки хорошаго античнаго оригинала старинной греческой школы. Далѣе дорожка вела черезъ крутой каменный мостикъ, перекинувшійся аркою надъ протокомъ, соединявшимъ рѣчку съ большимъ прудомъ, посреди котораго на искусственномъ островкѣ возвышалась большая бѣлая статуя Нептуна съ трезубцемъ и въ зубчатой коронѣ,—копія съ того самаго Нептуна, что красуется въ Петергофѣ, посреди одного изъ прудовъ верхняго сада. Дерновый плато передъ самымъ домомъ графа Строганова, окаймленный дорожкою со скамейками, разставленными подъ большими деревьями, придавалъ дому особенно живописный видъ. По другую сторону къ набережной Малой Невы былъ парадный входъ съ цвѣточнымъ партеромъ, а около большихъ дверей съ обѣихъ сторонъ стояли статуи Геркулеса Фарнезскаго и Флоры, копіи съ весьма извѣстныхъ антиковъ.

Въ тѣнистой сторонѣ этого фасада я нерѣдко видѣлъ старушку графиню Строганову, сидящую въ большомъ креслѣ съ колесами и въ большихъ очкахъ, или читающую, или занятую какою-нибудь рукодѣльною работой. Не переѣзжая Строгановскаго моста, по тому же берегу, дорога вела къ деревушкѣ, тогда только что отстроенной графомъ для крестьянъ и въ которой лѣтомъ располагались лагеремъ кавалергарды, — эта деревушка получила названіе «Новой», какъ называется и въ настоящее время.

Однажды я вмѣстѣ съ отцомъ посѣтилъ эту деревню, въ которой жилъ его свѣтскій пріятель, офицеръ Кавалергардскаго полка, графъ Ферзенъ, извѣстный красавецъ, и, когда я вошелъ въ деревенскую избу, въ которой помѣщался графъ, то положительно былъ пораженъ роскошью обстановки, въ которой очутился. Главнымъ убранствомъ ея были, конечно, дорогіе ковры и оружіе, развѣшанное по нимъ въ изящной группировкѣ. По вечерамъ по береговой дорогѣ полковой хоръ кавалергардовъ гремѣлъ надъ волнами Невы,

а публика съ окрестныхъ дачъ сходилась и съѣзжалась въ роскошныхъ экипажахъ, блестя своими изысканными туалетами, подъ ласкающими лучами заходящаго солнца.

Молодыя и блестящія красавицы, окруженныя не менѣе красивыми кавалерами, пѣшкомъ и верхами на дорогихъ коняхъ представляли собою чудную картину. Преобладалъ, разумѣется, военный элементъ, но были и статскіе на англійскихъ сѣдлахъ. На водѣ появлялись лодки всѣхъ возможныхъ типовъ, наполненныя публикой; пароходовъ тогда еще не было. Все это веселилось, наслаждалось жизнію и любовалось на открывавшуюся панораму, освѣщенную золотистыми лучами клонящагося къ горизонту солнца, на острова Аптекарскій, Каменный и въ перспективѣ мысъ Елагинскій... И такъ до первой осенней непогоды.

По переѣздѣ въ городъ мы жили въ Гагаринскомъ переулкѣ, что теперь служитъ продолженіемъ Шпалерной улицы, гдѣ въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ заняли большую квартиру. Здѣсь отецъ устроилъ себѣ довольно изящный кабинетъ для пріема заказчиковъ, а такъ какъ послѣдніе были по большой части великосвѣтскія молодыя дамы, то запахъ духовъ наполнялъ кабинетъ отца и казалось, что у него разведенъ цѣлый цвѣтникъ. Практика отца достигла колоссальныхъ размѣровъ и портреты его вошли до того въ моду, что для вступающихъ въ бракъ считалось обязательнымъ заказывать ему свои портреты.

— Мы безъ васъ, Петръ Ѳедоровичъ, не можемъ обойтись, какъ безъ попа; если вы не благословите вашей талантливой рукой, то и бракъ считается недѣйствительнымъ,—шутили счастливые женихи.

И дѣйствительно, въ то время было въ строгомъ обычаѣ непремѣнно передъ свадьбою обмѣняться портретами; фотографіи не было, а хорошихъ портретистовъ можно было перечесть по пальцамъ, да и тѣ были завалены работой. Общество того времени строго относилось къ искусству и умѣло цѣнить хорошую работу, а потому и избирало себѣ изъ среды художниковъ фаворита, который и дѣлался модным—вотъ въ такую-то среду и вошелъ мой отецъ.

Я подрасталъ подъ вліяніемъ отцовскаго успѣха и находился подъ призоромъ бабушки, которая, впрочемъ, часто уѣзжала въ Псковъ, такъ какъ была оттуда родомъ. Не разъ старушка разсказывала мнѣ о житьѣ-бытьѣ на своей родинѣ, о страшныхъ чудовищахъ, водившихся тамъ издавна, не разъ съ замираніемъ сердца слушалъ я разныя легенды и сказки объ этой для меня чуждой странѣ. Когда я впослѣдствіи читалъ Пушкина, то нашелъ въ его сказаніи о селѣ Гороховѣ много того, что мнѣ напоминало бабушку и ея разсказы, вѣдь сторона была та же самая, и, естественно, оставались тѣ же типы. Кромѣ дяди Ивана Павловича, студента-академика, еще у насъ запросто бывалъ нѣкто Василевскій. Это былъ не особенно далекаго ума человѣкъ, но съ добрымъ сердцемъ, искренне

любившій нашъ домъ. По спеціальности онъ былъ копировщикъ, жилъ своимъ трудомъ и преимущественно рисовалъ на камнѣ для литографій. Отецъ всегда помогалъ ему и наконецъ досталъ очень хорошую работу для изданія «Историческаго описанія одежды и вооруженія россійскихъ войскъ», составленнаго по высочайшему повелѣнію и законченнаго Висковатовымъ въ 1841 году. Я помню, какъ онъ дѣлалъ большое количество рисунковъ, изображавшихъ военныя формы и вооруженія до-петровскаго времени и позднѣйшихъ эпохъ. Теперь съ этого изданія, составляющаго библіографическую рѣдкость, военное министерство стало производить копіи. Этотъ человѣкъ замѣнялъ мнѣ и брату моему Пьеру какъ бы гувернера, мирилъ насъ во время нашихъ ссоръ, занималъ насъ, когда отецъ былъ занятъ, и немало облегчалъ мать вознею съ нами.

Братъ мой Петръ, потомъ извѣстный художникъ, въ то время былъ мальчикъ очень красивый и, какъ первенецъ, любимецъ матери и отца. Нрава онъ былъ пылкаго и бойкаго и мнѣ, какъ слабѣйшему, немало отъ него доставалось; кромѣ того, Петръ былъ необыкновенно заносчивъ и самонадѣянъ; но настоящей смѣлости въ немъ никогда не было; онъ даже боялся входить одинъ въ темную комнату, и это впослѣдствіи отразилось въ его жизни, но о немъ я буду еще говорить очень много, а потому пока ограничусь этимъ.

Время летѣло незамѣтно, и вотъ однажды, въ одно утро отецъ, отнявъ чубукъ ото рта, вдругъ объявилъ матери, что рѣшилъ меня и брата отдать въ приготовительный пансіонъ Журдана. Отъ этого рѣшенія у меня съ братомъ ушла душа въ пятки, а слезы матери еще усугубили мое горе, но отецъ былъ непоколебимъ, и черезъ нѣсколько дней мы уже подъѣзжали къ дому, находящемуся на углу Царицына луга, гдѣ помѣщался этотъ пансіонъ. Это учебное заведеніе считалось перворазряднымъ, и учителя въ немъ были все лица, пользовавшіяся хорошею извѣстностью. Самъ директоръ пансіона, г. Журданъ, его жена и обѣ дочери, помогавшія ему въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, были люди съ весьма солиднымъ образованіемъ и прекрасно воспитанные, а потому петербургское высшее общество охотно отдавало къ нему своихъ дѣтей. Нечего и говорить, сколько было мною пролито слезъ, пока я не привыкъ къ новой для меня обстановкѣ, но мало-по-малу время взяло свое. Пьеру шелъ уже 11-й годъ, и онъ, быстро освоившись, сдѣлался настоящимъ школьникомъ.

На жизнь въ пансіонѣ я жаловаться не могъ; кормили насъ недурно, но я долго не могъ привыкнуть къ французской кухнѣ съ ея сладкими соусами и салатами. Гречневая каша, кислыя щи и борщъ были мнѣ куда милѣе этихъ изысканностей французской гастрономіи. Я уже свободно болталъ по-французски и совершенствовался въ русской грамматикѣ подъ руководствомъ приставленнаго ко мнѣ гувернера monsieur Alexandre. Въ свободное отъ заня-

тій время насъ всѣмъ пансіономъ водили въ Лѣтній садъ, гдѣ мы вдоволь рѣзвились и бѣгали среди его густыхъ чудныхъ аллей. Да Лѣтній садъ былъ тогда совсѣмъ не такой, какимъ мы его видимъ теперь, и я посвящу ему нѣсколько строкъ, такъ какъ нигдѣ не встрѣчалъ описанія этого дивнаго угола Петербурга въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ болѣе полустолѣтія назадъ.

Много его измѣнили и искусственная расчистка, когда были вырублены всѣ его чудные кусты и высокія шпалеры изъ акаціи, какъ это всегда дѣлалось въ садахъ, распланированныхъ на французскій ладъ, да наконецъ страшная буря, пронесшаяся надъ Петербургомъ въ 1862 году, повалила почти всѣ его старыя деревья.

Огромные великаны-липы величественно возвышались, гордо поднимая свои зеленыя головы надъ молодыми посадками сада. Стволы ихъ были совершенно черные, съ огромными наростами въ видѣ какихъ-то узловъ и шишекъ и съ такими большими дуплами, что садовники затягивали ихъ кожей и оковывали желѣзными обручами. Теперь объ этихъ великанахъ нѣтъ и помину. Въ шпалерахъ изъ акаціи были разставлены тѣ же мраморныя статуи, присланныя Суворовымъ изъ Варшавы, какъ трофеи нашихъ побѣдъ, но онѣ тогда были чисты, цѣлы и бѣлы, и то, что у нихъ теперь побиты пальцы, носы и руки, никакъ не слѣдуетъ относить къ времени или морозу. Это явно сдѣлано дерзкою пьяною рукою, глумившеюся надъ чужимъ трудомъ во время вакханальныхъ ночей. Обыкновенно, когда садъ для входа публики запирался, въ него забирались полупьяныя компаніи привилегированныхъ кутилъ-юношей, проводившихъ время въ обществѣ разныхъ камелій и т. п. женщинъ. Компаніи эти собирались преимущественно въ ресторанѣ Балашова, находившемся въ бесѣдкѣ, построенной съ правой стороны на берегу Фонтанки, и хотя онъ офиціально прекращалъ свою дѣятельность по выходѣ изъ сада публики, но для кутящей молодежи двери его были всегда открыты, и оргіи поэтому царили въ саду возмутительныя.

Начальство же смотрѣло на все это сквозь пальцы, да и нельзя было иначе по духу того времени, когда молодые шалопаи были отпрысками лучшихъ аристократическихъ фамилій. Да и какое дѣло начальству до охраны какихъ-то статуй въ саду, оно очень плохой цѣнитель и экспертъ въ дѣлѣ искусства, и я это докажу фактомъ, бывшимъ значительно позднѣе описываемой мною эпохи, уже въ періодъ моей зрѣлости. Однажды, гуляя по средней аллеѣ Лѣтняго сада отъ Инженернаго замка, я среди густой зелени акацій усмотрѣлъ небольшую статуйку, яркимъ пятномъ блеснувшую мнѣ на темномъ фонѣ кустовъ. Прежде я ея не видѣлъ, и она, повидимому, была поставлена позднѣе присланныхъ Суворовымъ статуй изъ Лазенковскихъ садовъ. Я подошелъ ближе къ статуѣ и былъ пораженъ ея изяществомъ, она рѣзко отдѣлялась отъ посредственныхъ

мраморовъ, наполнявшихъ аллеи сада. Съ трудомъ на задней сторонѣ статуи я нашелъ наконецъ надпись и цифры. Охотно держу пари, что не нашелся бы человѣкъ, который бы угадалъ, что я прочелъ! Да я и самъ долгое время не могъ прійти въ себя отъ изумленія и негодованія. На статуѣ ясно виднѣлась надпись: «Іохимъ Канова». Какими судьбами и черезъ какія руки могла попасть подобная рѣдкость въ публичный садъ на издѣвательства пьяныхъ компаній,—одному Богу извѣстно. Статуя эта изображала бѣгущаго въ отчаяніи Орфея, въ то время, когда онъ вторично и уже навсегда лишился своей Евридики. Мраморъ былъ безукоризненной чистоты, а про работу нечего и говорить—надпись говорила все. Такъ вотъ какія у насъ чудеса творятся. Конечно, я немедленно довелъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ въ Эрмитажѣ, и статуя была немедленно убрана и поставлена тамъ, а вмѣсто нея была поставлена какая-то другая изъ безцѣнныхъ. То, что теперь осталось отъ этихъ статуй, имѣетъ такой ужасный видъ, что пора бы ихъ убрать, чтобы по крайней мѣрѣ не срамиться передъ иностранцами.

Памятника Крылова, конечно, еще не было, и площадь была пуста. Но самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ сада была его изгородь, выходящая на Неву. Высокая желѣзная рѣшетка на гранитномъ цоколѣ съ большими 21 гранитными же столбами, наверху которыхъ поставлены вмѣсто капителей вазы, какъ онѣ стоятъ и теперь, но тогда эта рѣшетка почти вся была покрыта настоящимъ золотомъ, какъ золотили во времена Екатерины II. Эта золоченая изгородь такъ ослѣпительно горѣла на солнцѣ и такъ прославилась своимъ великолѣпіемъ, что многіе иностранцы пріѣзжали спеціально любоваться на нее, а одинъ чудакъ англичанинъ, конечно, очень богатый лордъ, выѣхалъ изъ Лондона на собственной яхтѣ, прибылъ на Неву и, остановившись противъ Лѣтняго сада, налюбовавшись великолѣпной рѣшеткой, не сходя на берегъ, повернулъ назадъ и уѣхалъ обратно въ Англію, сказавъ только: «Thes vire gute!»

Еще достопримѣчательностью сада, доступнаго тогда для публики, былъ дворецъ, который мнѣ невольно напоминалъ изъ исторіи ту ночь, когда преображенцы довольно невѣжливо вытаскивали изъ него жившаго въ то время въ немъ герцога Бирона и его супругу прямо изъ кровати.

Приближалась весна, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія перваго мая, а съ нимъ и традиціоннаго парада въ присутствіи самого государя. Окна нашего пансіона выходили на Царицынъ лугъ и для насъ предстояло занимательное зрѣлище. Теперь, когда я видѣлъ одинъ изъ послѣднихъ парадовъ, онъ меня поразилъ своею простотою, все дѣлалось какъ-то торопливо, буднично, не то, что въ былое николаевское время.

Съ ранняго утра мы уже выглядывали изъ оконъ на площадь. Двойныя рамы были выставлены, и свѣжій весенній воздухъ врывался въ нихъ, благоухая своимъ особеннымъ ароматомъ. На площади уже были разставлены жолонеры. Пѣхота располагалась на той части площади, гдѣ длинной зеленой полосой простирался Лѣтній садъ, тамъ же возвышалась и царская палатка. Съ 10-ти часовъ началось уже полное движеніе, со всѣхъ сторонъ шли войска, пѣхота, кавалерія и артиллерія. Кавалерія расположилась подъ нашими окнами. Топотъ копытъ, бряцанье оружія и грохотъ орудій стояли въ воздухѣ какимъ-то общимъ гуломъ, среди котораго не смолкая раздавались голоса начальниковъ, отдававшихъ различныя команды. Кавалергарды, конно-гвардейцы и кирасиры горѣли, какъ жаръ на солнцѣ, своими касками и нагрудниками, а конно-гренадеры отличались темной массой своихъ чудныхъ касокъ съ красными лопастями. Ржаніе коней какъ будто вторило общему ликованію.

Вдругъ раздалась громкая команда «смирно!» и все, какъ вкопанное, замерло на своихъ мѣстахъ, и изумительная тишина водворилась при такомъ огромномъ стеченіи людей и животныхъ.

Надо замѣтить, что для публики тогда особыхъ мѣстъ не строилось, и народъ облегалъ картину парада плотной массой, какъ рамой, едва сдерживаемый суетящейся полиціей, толпился и на крышахъ окрестныхъ домовъ, и даже на дворцѣ принца Ольденбургскаго виднѣлись любопытные.

Вскорѣ на Инженерномъ мосту показался царскій кортежъ, и громкое «ура» всколыхнуло воздухъ, нарушая воцарившуюся тишину. Это «ура», какъ раскаты грома, катилось по рядамъ, мимо которыхъ проѣзжалъ государь, держась верхомъ около великолѣпнаго открытаго ландо, запряженнаго въ четверку попарно съ жокеями въ бѣломъ съ голубымъ и золотомъ. Въ экипажѣ сидѣла государыня съ великими князьями и княжнами. Блестящая свита густою толпою слѣдовала за экипажемъ. Раздались звуки музыки и «Боже Царя храни» раздавалось со всѣхъ концовъ площади. Видъ государя былъ необыкновенно величественный, и самымъ лучшимъ описаніемъ его въ тотъ моментъ будетъ служить памятникъ, воздвигнутый Николаю I на площади противъ Исаакіевскаго собора— вотъ какимъ я видѣлъ императора на этомъ парадѣ.

Объѣхавъ войска, царскій кортежъ остановился у палатки, и парадъ начался. Опять раздались голоса команды, и войска пришли въ движеніе. Сначала двинулась пѣхота, и стали видны ея батальоны, проходившіе мимо шатра со взрывами «ура» на привѣтствіе императора. Конница начала пошевеливаться, радостно затопотала по твердому лугу и сверкая двинулась по общему направленію. Затѣмъ загромыхали пушки, и вся площадь закипѣла, какъ расплавленный металлъ. Время бѣжало незамѣтно, и уже въ разныхъ частяхъ поля виднѣлись группы офицеровъ, спѣшившихъ переку-

сить у ожидавшихъ ихъ денщиковъ съ заготовленной закуской. Въ то время парады длились очень долго и оканчивались лишь къ сумеркамъ, такъ какъ всѣ войска проходили передъ царемъ по нѣсколько разъ и всевозможными аллюрами. Конечно, дѣло не обходилось безъ несчастныхъ случаевъ, случались раненые и даже убитые во время кавалерійскихъ атакъ.

Наконецъ царское семейство отбывало во дворецъ, войска расходились по домамъ, парадъ быстро исчезалъ, и площадь пустѣла.

На слѣдующій день насъ распустили на лѣтнія вакаціи. Четыре года мы съ братомъ пробыли у Журдана и, не знаю по чьему совѣту, отецъ насъ взялъ оттуда и опредѣлилъ пансіонерами въ горный корпусъ. Тутъ уже началась для меня совершенно новая жизнь. Въ то время всѣ казенныя учебныя заведенія были совершенно на военную ногу и съ довольно суровой дисциплиной, и нашъ корпусъ въ этомъ отношеніи даже славился. Попалъ я въ малолѣтнюю роту и, къ счастью, къ доброму симпатичному командиру, капитану Левицкому, относившемуся ко мнѣ особенно нѣжно, какъ къ слабому. Съ перваго же дня пріѣзда въ корпусъ меня поразилъ казарменный запахъ, царившій въ дортуарахъ, къ которому я долго потомъ не могъ привыкнуть. Мундиръ и все бѣлье были пропитаны этимъ запахомъ. Суконный воротникъ сильно натиралъ мнѣ шею, а тяжелый тесакъ оттягивалъ поясъ и билъ по ногамъ. Я не могъ безнаказанно выносить тягости корпусной жизни и большую часть времени за трехлѣтнее пребываніе въ корпусѣ пролежалъ въ лазаретѣ. Помню я, какъ къ намъ пріѣзжалъ тогдашній министръ, горбатый Чевкинъ, наводившій ужасъ на корпусное начальство своимъ грознымъ видомъ, но обращавшійся съ нами всегда ласково, такъ что однажды мы ему даже принесли жалобу на эконома за плохую пищу. Чевкинъ серьезно отнесся къ заявленію кадетъ, разобралъ дѣло, эконома прогналъ, и насъ стали лучше кормить. Ничего хорошаго я не вынесъ изъ этого корпуса, кромѣ скуки и довольно дурныхъ привычекъ, потому что нравственный элементъ былъ тамъ въ полномъ пренебреженіи, а потому я лучше перейду прямо ко времени поступленія моего въ академію художествъ.

Возвращенію изъ Рима обоихъ братьевъ Брюлло предшествовала громкая слава картины младшаго изъ нихъ Карла. Объ ней были сообщенія изъ-за границы, восторгамъ не было конца, и Петербургъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея появленія на выставкѣ. Наконецъ появился и самъ маленькій творецъ ея (Карлъ Брюлло былъ очень маленькаго роста). Картина была помѣщена въ залѣ академіи художествъ и заняла почти всю стѣну. Всѣ бросились смотрѣть ее, и восторгъ былъ всеобщій. Она поражала смѣлостью выбора сюжета, историческимъ положеніемъ лицъ, изображенныхъ на ней, въ то же время правильностью рисунка и силою красокъ и тѣней. На меня она подѣйствовала опьяняюще. Звѣзда дяди Карла заблестѣла.

III.

Е. И. Димертъ.—Семейство Панаевыхъ.—Поступленіе въ академію художествъ.—Балаганы.—Театръ Лемана.—Композиторъ Львовъ.—Музыкальные вечера.—Мой другъ Ипполитъ Панаевъ.

Егоръ Ивановичъ Димертъ былъ другъ и товарищъ отца по академіи, по профессіи архитекторъ и состоялъ помощникомъ Стасова, построившаго тогда Троицкій соборъ и Тріумфальныя московскія ворота. По окончаніи работъ Димертъ купилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Ямской части два пустопорожнія мѣста и началъ постройку домовъ. Дѣла моего отца были блестящи, и у насъ завелись даже собственныя лошади, а тутъ еще родился мой младшій братъ Александръ, что теперь хранитель музея академіи художествъ.

Димертъ, по происхожденію нѣмецъ, но до того обрусѣвшій, что даже слова не умѣлъ произнести на родномъ языкѣ и называлъ себя «русскимъ квасным патріотомъ», любилъ исключительно все русское и былъ ярый противникъ всѣхъ заграничныхъ произведеній. По характеру своему отецъ мой и его другъ представляли двѣ діаметральныя противоположности, и это обстоятельство, кажется, и послужило главною причиною къ ихъ сближенію. Отецъ мой былъ добръ и вспыльчивъ. Димертъ, хотя и добръ, но весьма сдержанъ и терпѣливъ до крайности. Отецъ былъ склоненъ скорѣе къ мотовству, но въ то же время зналъ цѣну деньгамъ. Димертъ же былъ весьма бережливъ. Отецъ былъ лакомка, но вкусы у него были простые, неприхотливые. Димертъ былъ неразборчивъ изъ экономіи. Одѣвался онъ просто, опрятно, но отъ моды отставалъ, отецъ же мой любилъ щегольнуть туалетомъ. Въ своей домашней обстановкѣ Димертъ былъ спартанецъ, и никакая зависть при видѣ чужой роскоши не смущала его, и ни за что онъ не отступалъ отъ разъ заведеннаго режима. Роста онъ былъ высокаго, держался прямо и всегда въ рукѣ имѣлъ табакерку, но не съ французскимъ Репе, а съ нашимъ простымъ березинскимъ. Когда я впослѣдствіи читалъ гоголевскихъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, то первый мнѣ сейчасъ же представился похожимъ на Диметра, и я его занесъ въ свой альбомъ. Та же медлительность въ движеніяхъ, та же степенность въ разговорѣ, та же умѣренная улыбка, та же порядочность въ одеждѣ и привычкахъ дома. Вотъ до какой степени можетъ обрусѣть нѣмецъ, что даже становится похожимъ на хохла. Жена его была маленькая, юркая женщина, хорошая хозяйка, старавшаяся только угодить своему мужу. У Димерта было пятеро дѣтей: два сына и три дочери, но мы почему-то съ ними особенной дружбы не водили.

Но вотъ судьба меня столкнула еще съ интереснымъ семействомъ, о которомъ мнѣ придется неоднократно упоминать въ своихъ

запискахъ. Въ домъ Димерта, который былъ только что законченъ, въѣхала мать Ивана Ивановича Панаева, извѣстнаго писателя-беллетриста. Мы были уже и прежде знакомы съ этимъ семействомъ, но теперь, благодаря близкому сосѣдству, стали видѣться чаще и ближе сошлись. Родомъ Панаева была армянка, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ типъ ея лица, но также было замѣтно, что въ молодости она была поразительно хороша собою. Это была добрая, веселая и радушная женщина съ молодою душою и жизнерадостнымъ самочувствіемъ. Одно, что въ ней осуждали, это то, что она не умѣла стариться, а спрашивается, много ли такихъ, что научились этому искусству во-время? Благодаря многочисленной роднѣ и связямъ Ивана Ивановича, а главное его даровитой и симпатичной личности, доброму и снисходительному характеру и уму, вокругъ него сгруппировалось то особенно интересное общество, въ которое я окунулся въ самыя мои юношескія лѣта и которое имѣло вліяніе на дальнѣйшее развитіе моего характера. Такъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю многочисленныя семейства Гамазовыхъ и Лалаевыхъ, состоявшихъ въ тѣсномъ свойствѣ и родствѣ съ Панаевыми. Они были всѣ армянскаго происхожденія, и большинство изъ нихъ отличалось поразительною красотою; при этомъ безъ исключенія всѣ были симпатичны и добродушны.

Патріархъ и родоначальникъ этихъ семействъ былъ старикъ Авелій Ракелычъ Лалаевъ. Я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ такихъ задушевныхъ, доброжелательныхъ и почтенныхъ стариковъ, какимъ былъ онъ. Говорилъ онъ по-русски довольно хорошо, иногда увлекался и сразу молодѣлъ на много лѣтъ. У Лалаева былъ сынъ, тогда еще мальчикъ, Матвѣй Авельичъ, впослѣдствіи женившійся на одной изъ Панаевыхъ, а одна изъ его дочерей была замужемъ за Шаншіевымъ, красавцемъ и кавказскимъ героемъ, охромѣвшимъ на войнѣ и вышедшимъ въ отставку, а затѣмъ управлявшимъ имѣніемъ графини Самойловой, что была владѣтельницей Царской Славянки близъ Павловска. Другая его дочь была за Гамазовымъ, и отъ этого брака было у нея три сына, которыхъ я зналъ и часто видѣлъ. Старшій, Гриша, былъ бойкій и веселый мальчикъ, впослѣдствіи поступившій на военную службу и служившій на Кавказѣ, гдѣ за оплеуху, данную имъ начальнику, онъ былъ разжалованъ въ рядовые, но вскорѣ выслужился и дошелъ до большихъ чиновъ.

Ближе всѣхъ я зналъ Николая, архитектора, имѣвшаго впослѣдствіи много работъ. Женился онъ на купчихѣ и взялъ за ней большія деньги. По своей наружности это былъ человѣкъ замѣчательный и прозывался «волосатикъ», такъ какъ съ ногъ до головы былъ покрытъ волосами. Роста онъ былъ огромнаго и изъ этой массы волосъ выглядывали два добродушныхъ глаза. Свадьба его была очень парадная, но не обошлось безъ курьеза. Входъ въ церковь

былъ по билетамъ. Почему-то онъ замѣшкался и опоздалъ, и когда подкатилъ къ церкви и сталъ входить на паперть, церковный сторожъ загородилъ ему дорогу и закричалъ:

— Куда лѣзешь, борода? билетъ подай.

Конечно, никакого билета у него, какъ у жениха, не было, и онъ только добродушно взмолился:

— Сдѣлай милость, любезный, пропусти ужъ жениха-то, Христа ради.

— Ну, и женихъ, батюшки, волосатый, что лѣшій,—раздалось ему вслѣдъ.

Минуло лѣто, которое я провелъ въ Павловскѣ, и вотъ по возвращеніи въ Петербургъ отецъ повезъ меня съ братомъ Пьеромъ на Васильевскій островъ, чтобы представить насъ въ академію и открыть намъ широкія двери храма, въ который намъ суждено было войти безповоротно для служенія искусству. Въ одной изъ античныхъ залъ, куда насъ привели, стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, за которымъ возсѣдали учителя и секретарь академіи. Тучный, съ добродушнымъ лицомъ, Василій Ивановичъ Григоровичъ, распорядился о производствѣ намъ испытанія, которое два учителя сейчасъ же начали какъ-то поверхностно и спѣшно и черезъ 20 минутъ мы уже были записаны вольноприходящими въ первый рисовальный классъ. Съ этого момента карьера моя была рѣшена, и я началъ усердно посѣщать классы.

Школа же моя, какъ художника, началась съ перваго моего посѣщенія Эрмитажа, который и впослѣдствіи былъ моимъ лучшимъ руководителемъ. Самое разнообразіе оригиналовъ не давало мнѣ увлечься какой-нибудь одной манерой, отъ которой впослѣдствіи освободиться было бы очень трудно, а то и невозможно... Я завелъ себѣ рисовальныя книжки, въ которыхъ, кромѣ отдѣльныхъ рисунковъ, заносилъ цѣлые послѣдовательные факты исторіи, такъ, напримѣръ, мною была тщательно обработана исторія похожденій блуднаго сына. Доставъ случайно «Руслана и Людмилу» Пушкина, я такъ увлекся моимъ милымъ поэтомъ, что съ этой поры только и былъ занятъ его произведеніями, стараясь понять его типы и изображать ихъ карандашомъ. Немало служилъ мнѣ пособникомъ и театръ, для выработки экспрессіи, которую я впослѣдствіи давалъ лицамъ, изображеннымъ мною на картинкахъ. Было время, когда академія художествъ выдавала особенную золотую медаль исключительно за экспрессію, и это въ высшей степени справедливо.

Наступила масленица и съ нею вмѣстѣ и всевозможныя народныя развлеченія, которымъ отъ души тогда отдавалось все петербургское общество. Балаганы устраивались въ то время на Адмиралтейской площади, на мѣстѣ нынѣшняго сада, и вся публика устремлялась туда. Что за пестрое и оживленное зрѣлище представляло собою это гулянье. Константинъ Маковскій, заставшій

еще балаганы на этой площади, прекрасно ихъ изобразилъ на своей картинѣ, только у него не сдѣлано традиціональнаго цуга экипажей, двигавшихся медленно длинной вереницей вокругъ всей площади.

Центромъ цѣлой массы построекъ и балагановъ былъ пантомимный театръ Лемана; но этому театру не повезло; онъ сгорѣлъ и въ немъ погибло немало человѣческихъ жертвъ, потому что двери его открывались во внутрь, а не въ наружную сторону.

Этотъ развеселый театръ былъ биткомъ набитъ и отборнымъ обществомъ и народомъ—хохотъ въ немъ стоялъ неумолкаемый. Игралась постоянно итальянская комедія, и Леманъ игралъ Пьерро такъ, какъ послѣ него никто не игралъ. Этотъ Леманъ былъ преоригинальная личность и при этомъ природный комикъ; по мнѣ, онъ ужасно походилъ на Живокини, котораго я позднѣе видѣлъ въ Москвѣ. Надо быть человѣкомъ чрезвычайно тонкаго ума, чтобы умѣть такъ рельефно изобразить совершеннаго дурака и выставить такъ сильно весь комизмъ его непроходимой глупости. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что этотъ Леманъ человѣкъ, получившій очень большое образованіе и весьма начитанный.

Насмѣявшись вдоволь у Лемана, я отправлялся домой, гдѣ у насъ собиралось въ высшей степени интересное общество музыкантовъ. Однимъ изъ первыхъ являлся пріятель отца, композиторъ Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ, который написалъ «Боже Царя храни»; пріѣзжалъ онъ всегда со скрипкою, и я его иначе не помню, какъ въ разстегнутомъ флигель-адъютантскомъ мундирѣ; онъ часто привозилъ отцу только что написанныя имъ вещи и разыгрывалъ ихъ впервые у насъ. Человѣкъ онъ былъ очень простой, обходительный и добродушный. Обыкновенно вмѣстѣ съ скрипачомъ Бемомъ, тогда большой знаменитостью, віолончелистомъ Маурером и графомъ Матвѣемъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ они разыгрывали такіе квартеты, что спеціально послушать ихъ игру къ намъ собиралось довольно большое общество, и вечера эти заканчивались танцами, затягивавшимися до разсвѣта. Въ числѣ постоянно бывавшихъ у насъ были, конечно, Панаевы, дирижировалъ танцами Николай Бендо, чрезвычайно подвижной и весельчакъ, впослѣдствіи извѣстный архитекторъ. Въ это время я очень дружилъ съ Ипполитомъ Панаевымъ, который былъ впослѣдствіи инженеръ-генераломъ. Это былъ суровый, тихій юноша, скорѣе ипохондрикъ, никогда не танцовавшій и всегда уединявшійся въ самый темный уголъ, въ которомъ онъ мнѣ всегда разсказывалъ какую-нибудь ужасную исторію. Такимъ онъ остался и на всю жизнь.

IV.

Успѣхи отца при дворѣ.—Разрывъ съ дядей К. П. Брюлловымъ.—Переходъ въ архитектурный классъ.—Опять Карлъ Брюлловъ.—Женитьба его.—Его геніальные сотрудники М. И. Глинка, Кукольникъ и академикъ Яненко.

Слава моего отца, какъ создавшаго акварельную живопись на бумагѣ, росла съ каждымъ мѣсяцемъ и о немъ уже говорили при дворѣ, а способъ его работы акварелью безъ примѣси корпусныхъ красокъ взволновалъ весь художественный міръ. Въ 1821 году онъ былъ приглашенъ въ Аничковскій дворецъ, чему немало способствовалъ другъ его, графъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, и писалъ портретъ съ великаго князя Александра Николаевича. По воцареніи императора Николая, государь очень милостиво обошелся съ отцомъ, заказалъ ему портретъ императрицы Александры Ѳеодоровны, а потомъ даже рѣшился позировать и самъ, несмотря на то, что прямо не выносилъ этого. Однако сеансъ не удался, и лишь только отецъ успѣлъ набросать карандашомъ контуръ, какъ государь подошелъ къ нему и кистью провелъ черту подъ носомъ нарисованнаго контура, сказавъ отцу: «Возьми это себѣ на память». Такъ и не удалось отцу сдѣлать портрета съ императора Николая. Между тѣмъ при дворѣ работы отца вошли, что называется, въ моду, и на его долю выпало перерисовать многихъ членовъ императорской фамиліи. Кромѣ того, въ то же время моимъ отцомъ былъ написанъ фамильный портретъ царской семьи, съ котораго потомъ была сдѣлана литографія, продававшаяся у Бегрова. Эта картина была по истинѣ восхитительна; на ней были изображены государь и государыня сидящими въ катерѣ, а на рулѣ, еще мальчикомъ, великій князь Константинъ Николаевичъ. Государю такъ понравилась послѣ этого отцовская работа, что онъ заказалъ ему пять миніатюрныхъ портретовъ царской фамиліи для табакерки, которая была впослѣдствіи подарена государемъ князю Волконскому. Я помню, какъ отецъ трудился надъ этой кропотливой работой, исполненіе которой было возможно только черезъ увеличительное стекло, благодаря чему онъ принужденъ былъ носить очки до конца своей жизни, т. к. зрѣніе его было уже испорчено.

Просидѣвъ два года въ гипсовомъ классѣ, я шагнулъ сильно впередъ и надѣялся на полный успѣхъ предпринятой экзаменаціонной

---

[1]) Къ этому періоду относятся слѣдующія работы П. Ѳ. Соколова: въ 1836 году онъ написалъ портретъ А. С. Пушкина и отдалъ ему. Пушкинъ подарилъ портретъ А. О. Ростелли, а тотъ нѣсколько лѣтъ спустя П. Н. Батюшкову, и художникъ Брезе воспроизвелъ этотъ портретъ въ хромолитографіи. Въ 1844 году Петръ Ѳедоровичъ написалъ портреты Николая и Антона Григорьевичей Рубинштейновъ, а также колѣнный портретъ гр. Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго, играющаго на віолончели, написанный раньше обоихъ предыдущихъ.

работы—я рисовалъ голову Лаокоона-старика. Мнѣ удалось выполнить ее вѣрно и при эффектномъ освѣщеніи и я такъ дорожилъ этимъ рисункомъ, что даже рѣшилъ покрыть его стекломъ и въ такомъ видѣ вывѣсить въ залѣ. По неосторожности ли сторожа, или благодаря выходкѣ школяра товарища, стекло мое было разбито и какъ разъ въ мое отсутствіе. Ничего не подозрѣвая, я на другой день въ коридорѣ встрѣчаю своего дядюшку, Карла Павловича Брюллова; онъ, увидя меня, вдругъ остановился и съ насмѣшкою сказалъ:

— Это ты на экзаменѣ выставилъ оранжерею?—и затѣмъ прошелъ дальше.

Ахъ, какъ больно задѣлъ меня этимъ замѣчаніемъ дядя, и я сразу почувствовалъ его недоброжелательность ко мнѣ. Ничѣмъ не могъ я дорожить болѣе, какъ его мнѣніемъ, и вмѣсто одобренія, котораго я такъ пламенно жаждалъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣльнаго замѣчанія, я получилъ одну насмѣшку. И такъ поступилъ профессоръ — мой родной дядя! Въ эту минуту въ первый разъ изъ-подъ ореоломъ славы обвитой головы его выглянула на меня голова медузы. Если бы онъ сдѣлалъ мнѣ какой угодно строгій выговоръ, разругалъ бы мой рисунокъ, я бы принялъ все это съ покорностью, но онъ не могъ не видѣть старательности, съ которою былъ выполненъ рисунокъ, и не оцѣнить его достоинствъ.

Впослѣдствіи только я узналъ, что мой почтенный дядюшка воображалъ, что мы-де разсчитываемъ на его наслѣдство и ищемъ его покровительства, а потому и относился къ намъ съ особенною индифферентностью и даже злобою, но тогда его выходку я приписалъ моей бездарности и былъ обезкураженъ такъ, что довольно долгое время лѣнился и вяло работалъ. Да, таковъ былъ мой знаменитый дядя, да и не только по отношенію ко мнѣ; не даромъ Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ сказалъ: «Видѣлъ Карла Брюллова, онъ мнѣ показался человѣкомъ готовымъ на все». Но великій поэтъ, произнося этотъ приговоръ надъ Брюлловымъ, цѣнилъ въ немъ генія и незадолго до своей смерти, посѣтивъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ мастерскую Брюллова и увидѣвъ у него альбомы съ рисунками, сталъ на колѣни и умолялъ дядю дать ему одинъ изъ нихъ, но такъ ничего и не добился. Карлъ Брюлловъ отказалъ мольбамъ Александра Сергѣевича.

Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ столкновеній съ дядей, я перешелъ въ архитектурный классъ и попалъ подъ руководство Константина Андреевича Тона, товарища отца по выпуску и впослѣдствіи архитектора, прославившагося многими постройками въ царствованіе Николая I и наконецъ большого храма Спасителя въ Москвѣ.

Этотъ человѣкъ хотя и не получилъ почти никакого образованія, но зато былъ честный и доброжелательный, онъ охотно принялъ меня къ себѣ въ мастерскую, находившуюся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ главнаго зданія, во флигелѣ. Помощниками у Тона были въ то

время Александръ Росси и Каминскій. Первый былъ сынъ извѣстнаго архитектора Росси, построившаго Михайловскій дворецъ, а съ его обоими братьями я воспитывался у Журдана. Второй—прекрасный орнаментистъ и впослѣдствіи былъ главнымъ распорядителемъ работъ по постройкѣ храма Спаса, во время отсутствія Тона. Товарищами моими въ это время были: Рязановъ, впослѣдствіи тоже извѣстный архитекторъ, построившій на дворцовой набережной дворецъ великаго князя Владимира Александровича, Кракау, извѣстный своими реставраціями, Адамини, сломавшій себѣ ногу при паденіи съ лѣсовъ во время постройки Александринскаго театра, и Бруни, племянникъ знаменитаго художника, написавшаго «Мѣднаго змѣя».

Самымъ симпатичнымъ изъ всѣхъ былъ Александръ Росси, котораго всѣ очень любили за его мягкій и веселый характеръ. Чертежникомъ онъ былъ превосходнымъ, и у него я болѣе всего научился перенимать необходимые пріемы въ производствѣ этихъ работъ. Особенно онъ обладалъ большимъ вкусомъ и изобрѣтательностью въ планировкѣ, расположеніи деталей и орнаментаціи. Всегда готовый быть полезнымъ совѣтомъ и на дѣлѣ, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ своихъ учениковъ.

Да, свободно вздохнулъ я въ этомъ классѣ, какое-то общее довольство царило надъ нами, и мы, дружно работая, цѣлыми компаніями въ свободное время отправлялись въ «Золотой Якорь» [1]), гдѣ сражались на бильярдѣ. Нерѣдко я заходилъ къ другому своему дядюшкѣ, Ѳедору Павловичу, который душилъ меня своими безконечными разсказами, скучными потому, что все это было плоды его пылкой фантазіи; зато мои хорошенькія кузины вознаграждали меня за проведенные въ скукѣ часы своимъ веселымъ чарующимъ щебетаньемъ. Однажды я съ братомъ Пьеромъ обѣдалъ у дяди Ѳедора, какъ вдругъ вошелъ въ столовую Карлъ Павловичъ Брюлловъ; я его давно не видѣлъ послѣ нашего разговора въ коридорѣ академіи. Съ вѣчно самодовольной улыбкой началъ онъ обходить присутствовавшихъ, щипать за щеки моихъ кузинъ и говорить довольно сальные комплименты. Увидя Пьера, онъ вдругъ смѣрилъ его съ головы до ногъ и съ ехидной улыбкой проговорилъ:

— Ишь, франтъ каковъ.—(Пьеръ всегда щегольски одѣвался).

Брату подобное замѣчаніе, повидимому, не пришлось по вкусу, онъ ощетинился и замѣтилъ дядюшкѣ, что ему франтить и подобаетъ, какъ молодому человѣку,—«а вотъ въ ваши годы такъ это можетъ показаться страннымъ, посмотрите-ка, на какихъ вы огромныхъ каблукахъ», сказалъ онъ. И дѣйствительно, при своемъ маломъ ростѣ Карлъ Павловичъ Брюлловъ носилъ очень высокіе каблуки, чтобы казаться повыше, и былъ очень комиченъ. Дядя ужасно обидѣлся на это замѣчаніе брата, такъ какъ воображалъ себя неотрази-

[1]) «Золотой Якорь» ресторанъ, существующій и теперь на Вас. Острову въ 6 линіи.

мымъ красавцемъ и всегда говорилъ, что въ Римѣ его иначе не называли, какъ «Венерова голова», которая, впрочемъ, была очень красива и выигрывала отъ прически, напоминавшей прическу Аполлона Бельведерскаго, но типъ общій у него все-таки былъ нѣмецкаго бюргера.

Однако мнѣ необходимо опять остановиться на воспоминаніяхъ объ этомъ человѣкѣ. Этотъ періодъ былъ однимъ изъ самыхъ его блестящихъ, и его новыми произведеніями все больше и больше увлекались цѣнители искусства, и въ числѣ этихъ цѣнителей былъ и я. Когда я смотрѣлъ на его работы, я поражался красотою и правильностью его рисунка и его яркимъ колоритомъ, я считалъ его великимъ мастеромъ, но все же въ моей тогда молодой и честной душѣ не могли согласоваться эти два существа: геній и страшное исчадіе разврата. И вдругъ до меня долетѣлъ слухъ, что онъ женится. Я не вѣрилъ этому, я зналъ объ его ужасной болѣзни, я черезчуръ хорошо зналъ его привычки, чтобы допустить возможность брака его съ кѣмъ бы то ни было, но фактъ былъ неоспоримъ. Въ одинъ прекрасный день онъ самъ является къ намъ своей маленькой персоной и привозитъ невѣсту. Это была дѣвушка замѣчательной красоты, дочь ревельскаго бургомистра Тима, братъ которой вскорѣ сдѣлался извѣстностью, какъ очень хорошій рисовальщикъ и издатель «Художественнаго Листка» въ 1854 и 1855 г.г.

При видѣ этой очаровательной дѣвушки меня охватило чувство жалости къ ней. Она, свѣженькая, 18 лѣтняя, какъ махровый цвѣтокъ, дышащая жизнью и здоровьемъ, рядомъ съ обрюзгшимъ и опухшимъ отъ пьянства и разврата представляла грустное зрѣлище. Увлекшись его славой и принуждаемая родителями на «выгодную партію», она находилась въ счастливомъ невѣдѣніи и принимала за любовь его сладострастные порывы. У насъ во время этого визита онъ велъ себя, какъ старый пьяный сатиръ.

— Посмотри, сестра,—говорилъ онъ, представляя дѣвушку моей матери и при этомъ отвратительно улыбаясь:—что это за прелесть. Совершенный идеальчикъ. Только этотъ идеальчикъ надо поскорѣе подъ одѣяльчикъ.—Затѣмъ отходилъ на нѣсколько шаговъ и громко обращался къ невѣстѣ:—Ну, Лотти!—и та съ разбѣга бросалась къ нему на шею.

Эта картина ярко рисуется въ моей памяти, а вмѣстѣ характеризуетъ нравственный уровень моего знаменитаго дяди.

Однако моимъ опасеніямъ за несчастную жертву пришлось осуществиться. Немного больше года промучилась она съ нимъ и уѣхала къ отцу—не выдержала. Послѣ своего медоваго мѣсяца, когда у несчастной дѣвушки раскрылись глаза, дядюшка началъ ревновать ее безусловно ко всѣмъ окружавшимъ и даже приревновалъ ее къ императору Николаю Павловичу, обратившему благосклонное вниманіе при посѣщеніи академіи на его жену, стоявшую въ окнѣ.

Конечно, такой красавецъ, какъ государь, не могъ не вызвать этого чувства у человѣка, душа котораго искала одного лишь предлога.

Въ одно утро, когда молодая женщина стояла у окна квартиры Брюллова, окна которой выходили на набережную, на ворономъ конѣ въ саняхъ подъѣзжаетъ къ академіи государь. Увидя его, она невольно вскрикнула:

— Ахъ, государь!

Карлъ Павловичъ подскочилъ къ ней и со словами:

— А, узнала!—вырвалъ у нея изъ уха серьгу. Вотъ до чего доходилъ въ своемъ безуміи этотъ боготворимый публикою геній.

Въ отношеніи къ своимъ братьямъ дядя Карлъ Павловичъ былъ не лучше; напримѣръ, при встрѣчѣ съ братомъ Александромъ Павловичемъ, онъ всегда былъ привѣтливъ, жалъ ему руку, обнимался съ нимъ, мѣняясь самыми интимными шуточками, а за глаза всегда ругалъ его и раздѣлывалъ на всѣ корки, называя его взяточникомъ, подрядчикомъ и бездарнымъ каменщикомъ. Разъ какъ-то впослѣдствіи, когда судьба опять столкнула меня съ нимъ, мы втроемъ вмѣстѣ съ Карницкимъ переѣзжали Неву, отправляясь на лѣса Исаакіевскаго собора, и когда Карницкій упомянулъ объ Александрѣ Павловичѣ Брюлловѣ, то дядюшка сказалъ:

— Эта ракалія разсчитываетъ послѣ моей смерти быть моимъ наслѣдникомъ; вотъ что онъ получитъ,—и при этомъ показалъ свой жирный кукишъ.

Но Карлъ Павловичъ ошибся и когда умеръ въ Римѣ 17-го февраля 1857 г., то братъ его Александръ тотчасъ же, какъ получилъ извѣстіе о его смерти, поскакалъ, что называется, на курьерскихъ и успѣлъ положить въ свой карманъ 450 тысячъ рублей прежде, нежели имущество было опечатано, скрывъ эти деньги и не подѣлившись ни съ кѣмъ изъ родныхъ. Когда умеръ мой дѣдушка Павелъ Ивановичъ, то повторилась та же исторія захвата. Дѣдушка жилъ у насъ и когда здоровье его было уже безнадежно, то вдругъ нагрянули милые родственники, увезли больного и завладѣли всѣмъ его имуществомъ, ничего не удѣливъ моей матери, а мой братъ и слышать не хотѣлъ о какихъ-либо претензіяхъ.

Разъ я пришелъ къ Карлу Павловичу и нашелъ дверь его квартиры открытою; оказалось, у него въ домѣ шла уборка, и поломойка мыла полъ. Вдругъ до меня долетѣлъ возгласъ дяди:

— Стой и не шевелись,—я уже пріотворилъ двери и окаменѣлъ отъ омерзѣнія и ужаса отъ той картины, которую увидѣлъ... Меня не замѣтили, и я ушелъ скорѣе прочь. Какъ мнѣ жалокъ и гадокъ былъ этотъ великій артистъ.

Въ то время, когда я писалъ у него свою копію съ портрета Крылова, его часто навѣщали разныя лица, все больше народъ веселый, любившій попить и поѣсть. Самыми закадычными его собутыльниками были: Михаилъ Ивановичъ Глинка, академикъ Яненко и Не-

сторъ Васильевичъ Кукольникъ, не отличавшійся нравственностью, но, какъ и дядя, въ 40-хъ годахъ достигшій громкой словы. Только такой человѣкъ и могъ доложить въ томъ духѣ военному министру Чернышеву о сочиненіяхъ Салтыкова, въ какомъ представилъ ихъ Кукольникъ, и тѣмъ составить протекцію для перевода этого великаго писателя въ Вятку. Впрочемъ, звѣзда Кукольника погасла въ началѣ 50-хъ годовъ, а въ 1868 г. онъ умеръ въ Таганрогѣ всѣми забытый [2]).

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, за пьянство свое названный «Клюкольникъ», и пріятель его Яненко, прозванный «Пьяненко» за ту же страсть, а также мой дядя Карлъ Павловичъ были неразлучны, и нужно было имѣть желѣзное сложеніе, чтобы выдержать то количество алкоголя, которое они уничтожали. Михаилъ Ивановичъ Глинка нерѣдко къ нимъ также присоединялся, но съ его довольно плохимъ здоровьемъ ему далеко было до этой знаменитой троицы... Сестра Михаила Ивановича, жившая съ нимъ, зорко слѣдила за своимъ геніальнымъ братомъ и охраняла его; бывало, очень ужъ закутитъ компанія, а заботливый другъ, какъ ангелъ-хранитель, тутъ какъ тутъ и извлечетъ изъ погибельной клоаки моего дяди геніальнаго музыканта. Какъ и Кукольникъ, всѣ трое поплатились за свое безпутное житье раннею смертью. Дядюшка, благодаря своей болѣзни, долженъ былъ отправиться на островъ Мадеру, а Яненко такъ попросту заживо сгнилъ.

Продолжая заниматься у дяди, я не могъ больше выносить его оскорбленій и дерзостей, пересталъ ходить къ нему и наконецъ разстался съ нимъ навсегда.

V.

Мой пріятель С. С. Дуровъ. — Черепцовъ и Поздѣевъ.—Делярю.—Булгаковъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.—Александръ Ивановичъ Пальмъ.—Петрашевскій.—Участь петрашевцевъ.

Совершенно случайно въ Петербургѣ я встрѣтился и познакомился съ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Дуровымъ, а вскорѣ сблизился и даже подружился съ нимъ. Какъ случилось первое мое знакомство, не помню; кажется, началомъ къ этому послужилъ случайно начатый разговоръ, какъ это въ Петербургѣ легко дѣлается, затѣмъ обмѣнъ сужденій и взглядовъ, а потомъ уже желаніе вмѣстѣ проводить время. Хотя я былъ гораздо моложе Дурова и его обоихъ пріятелей, Поздѣева и Черепцова, но все же мы очень близко сошлись, и они часто стали пріѣзжать ко мнѣ въ Павловскъ, гдѣ я проводилъ лѣто. Когда мы переѣхали въ городъ, Дуровъ далъ мнѣ свой адресъ, и

[1]) Родился Н. Кукольникъ въ 1809 г.

просилъ посѣщать его. Жилъ онъ со своимъ сослуживцемъ Делярю. Этотъ послѣдній былъ настоящій русакъ, добрый малый и хорошій товарищъ.

Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ былъ родной племянникъ извѣстнаго писателя Хмельницкаго, къ сочиненіямъ котораго онъ написалъ извѣстное предисловіе[1]), и состоялъ въ родствѣ съ многочисленнымъ семействомъ Кусовыхъ. Дуровъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ, очень интересный въ бесѣдѣ, немного увлекающійся, но умѣвшій завладѣть общею бесѣдой и руководившей ею; глубоко знакомый съ теоріями Кобе, Фурье и Прудона, онъ уже въ періодъ перваго моего съ нимъ знакомства развивалъ идеи равенства, сѣтовалъ на тягость современной цензуры, говорилъ о необходимости освобожденія крестьянъ и о другихъ полезныхъ реформахъ, но въ то время мнѣ это казалось какимъ-то несбыточнымъ и настолько серьезнымъ, что я не придавалъ особой важности его проектамъ, считая ихъ попросту одними разговорами. При всей серьезности и образованности Дурова, это былъ человѣкъ не безъ странностей; онъ, напримѣръ, очень рѣдко садился обѣдать, имѣлъ обыкновеніе наѣдаться на ходу; когда шелъ въ должность или возвращался оттуда домой, заходилъ въ 2—3 кондитерскія, съѣдалъ по нѣсколько пирожковъ, особенно же онъ съ охотою посѣщалъ Излера, гдѣ въ то время были замѣчательные растегаи, а дома за столомъ никогда ничего не ѣлъ. Между тѣмъ энергія этого человѣка была замѣчательна. Находясь впослѣдствіи въ числѣ послѣдователей Петрашевскаго, онъ участвовалъ во многихъ другихъ тайныхъ обществахъ, и, благодаря только его стараніямъ, кружокъ Петрашевскаго поддерживалъ связь съ ними. Бывая въ собраніяхъ Иринарха Введенскаго, онъ познакомился тамъ съ Н. Г. Чернышевскимъ и чуть было не попался въ руки властей, когда вслѣдствіе доноса извѣстнаго Вигеля пало подозрѣніе на кружокъ Введенскаго, будто бы пропагандировавшій переломъ существующаго государственнаго строя. Однако у Липранди не было достаточно уликъ, да къ тому же Ростовцевъ заступился за Введенскаго, и всѣ члены его кружка были спасены. Гибель же петрашевцевъ готовилась впереди.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я хотѣлъ навѣстить моего пріятеля, но не нашелъ его уже на прежней квартирѣ съ Делярю. При входѣ моемъ въ переднюю я увидалъ на прилавкѣ сидѣвшаго денщика, который и не пошевелился при моемъ появленіи, а изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ Делярю, спрашивавшаго:

— Кто тамъ?

Я назвался, вошелъ и былъ удивленъ, не видя Сергѣя Ѳедоровича, но хозяинъ предупредилъ мой вопросъ:

---

[1]) Предисловіе это читано Дуровымъ въ 1848 г. 25-го марта въ засѣданіи на одной изъ пятницъ у Петрашевскаго. Б. Тагѣевъ.

— Да вотъ видите, я осиротѣлъ,—сказалъ, подавая мнѣ руку, Делярю:—вѣдь Дуровъ-то отъ меня уѣхалъ и живетъ теперь съ Пальмомъ. Знаете Александра Пальма, офицера Егерскаго полка? Ну, вотъ они другъ безъ друга жить не могутъ. Я положительно нигдѣ не бываю и отсталъ отъ шумнаго свѣта. Вотъ когда здѣсь жилъ Сергѣй Ѳедоровичъ, другое дѣло, каждый день народъ собирался, сходки устраивались, обсуждались наболѣвшіе вопросы, да какъ обсуждались, съ какимъ увлеченіемъ и жаромъ,—да по-моему, ничего изъ этого не выйдетъ, ничего имъ тутъ не подѣлать, дотолкуются они до синихъ мундировъ, и будетъ имъ освобожденіе и надѣлъ.

Посидѣвъ немного у Делярю, я отправился къ Доминику, въ этотъ притонъ бильярдныхъ шулеровъ, обыгрывавшихъ молодыхъ пижоновъ; онъ былъ переполненъ народомъ, но публика, наполнявшая его душные залы, не походила на теперешнюю; не было среди нея замѣтно ни студентовъ, ни гостинодворцевъ, какъ теперь, все больше чиновники разныхъ вѣдомствъ да офицеры толпились около прилавка и въ бильярдной. Здѣсь встрѣтилъ я Поздѣева и Черенцова, а также Дурова и Пальма,—ихъ-то я и искалъ.

Пальмъ былъ личность преинтересная и тогда уже очень интересовавшая меня. Познакомился я съ нимъ въ Павловскѣ и при слѣдующихъ обстоятельствахъ: однажды ко мнѣ пріѣхали погостить Дуровъ, Поздѣевъ и Черенцовъ, я встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ, а затѣмъ мы совершили большую прогулку по парку и окрестнымъ деревнямъ. Было это въ то время, когда Дуровъ еще не былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и, кажется, не принадлежалъ еще ни къ какимъ тайнымъ кружкамъ пропагандистовъ, хотя около него начинала группироваться кучка людей, сочувствовавшихъ его идеямъ.

Достаточно проголодавшись, мы двинулись къ вокзалу, гдѣ по правую сторону его, какъ и теперь, были накрыты столы. Усѣвшись за одинъ изъ нихъ, мы уже заказали себѣ закусить, какъ вдругъ на одной изъ дорожекъ показался молодой егерскій офицеръ, шедшій подъ руку съ юнкеромъ.

— Смотрите, Сергѣй Ѳедоровичъ,—обращаясь къ Дурову, сказалъ Поздѣевъ:—вѣдь это идетъ Александръ Ивановичъ Пальмъ.

Дуровъ, какъ мнѣ показалось, вздрогнулъ, взглянулъ въ ту сторону, куда показывалъ Поздѣевъ, и, увидавъ пріятеля, закричалъ:

— Саша, сюда!

Пальмъ подошелъ.

— Ты былъ у Кусовыхъ, когда ты пріѣхалъ?—пожимая руку пріятелю, спрашивалъ Дуровъ и, не давъ ему времени отвѣтить на заданный вопросъ, сталъ представлять его намъ. Мнѣ почему-то казалось, что Дуровъ сильно волновался, между тѣмъ какъ Пальмъ сохранялъ полное спокойствіе и улыбаясь снималъ перчатки. Только

потомъ я узналъ, что это свиданіе имѣло для нихъ огромное значеніе, такъ какъ здѣсь на музыкѣ долженъ былъ быть и Петрашевскій. Юнкеръ, сопровождавшій Пальма, оказался его двоюроднымъ братомъ Юріемъ Кусовымъ.

Мы начали завтракать, музыканты появились на эстрадѣ, и подъ магическій взмахъ палочки старичка Германа оркестръ заигралъ маршъ. Публика стала собираться, ярко выдѣляясь пестрыми туалетами на зеленомъ фонѣ кустовъ. Вотъ и офицеръ Московскаго полка Булгаковъ собираетъ свою компанію, что-то горячится и разноситъ прислугу за то, что она не особенно довѣрчиво относится къ его кредиту. Всего нѣсколько дней назадъ этотъ Булгаковъ мрачно ходилъ по саду, не имѣя возможности даже позавтракать; вдругъ онъ видитъ, подъѣхалъ въ колескѣ великій князь Михаилъ Павловичъ и направляется въ публику. Замѣтивъ его высочество, Булгаковъ вдругъ пріободрился, блестящая мысль пронеслась въ его изворотливомъ мозгу. Осмотрѣвшись, все ли на немъ по формѣ, онъ поправилъ усы и виски и, опередивъ боковою аллеею великаго князя, сталъ въ сторонѣ на одной изъ дорожекъ и скорчилъ свою обычную гримасу, которая такъ забавляла его высочество.

— А, Булгаковъ,—воскликнулъ Михаилъ Павловичъ, увидя его:—ну, что это у тебя сегодня за глупая физіономія, это, братъ, не по формѣ.

— Удрученъ, ваше высочество,—отвѣчаетъ Булгаковъ.

— Вѣрно, опять денегъ нѣтъ?

— Точно такъ, только это бы еще ничего.

— Какъ ничего?—удивляется великій князь.

— А вотъ у меня до вашего высочества есть усерднѣйшая просьба.

— Ну, слушаю и обѣщаю исполнить, если только денегъ не попросишь, у меня ихъ у самого мало.

Булгаковъ приближается на одинъ шагъ къ Михаилу Павловичу и какъ бы въ нерѣшительности останавливается.

— Ну, что же ты?—удивленно смотритъ на него великій князь.

— Страшно мнѣ,—принявъ испуганно-комическій видъ, чуть проговорилъ Булгаковъ.

Михаилъ Павловичъ даже прыснулъ со смѣха.

— Ахъ ты, шутъ,—сказалъ онъ Булгакову.—Не знаю, какимъ бы ты былъ въ настоящемъ дѣлѣ, въ бою, но въ мирное время и со мною ты доказалъ свое безстрашіе. Ну, говори, я тебѣ заранѣе разрѣшаю твою просьбу. Ты все-таки не глупый и невозможнаго не попросишь. Ну, не останавливай меня долго, говори же.

— Да я могу все объяснить и на ходу,—заговорилъ обрадованный Булгаковъ:—потому что въ томъ и состоитъ моя просьба, чтобы позволить мнѣ пройтись съ вашимъ высочествомъ подъ руку.

Великій князь открылъ свои большіе глаза, и сложивъ на животѣ руки, сказалъ:

— Нѣтъ, знаешь, Булгаковъ, ты просто невозможенъ...

— Такъ точно, ваше высочество, но я...

Однако великій князь оборвалъ его.

— Довольно, давай руку и пойдемъ,—и съ этими словами онъ взялъ его подъ руку и направился дальше.—Такъ скажи же ты мнѣ,—спрашивалъ его великій князь,—шельма ты этакая, на что тебѣ понадобилась подобная фамильярность со мною?

— А вотъ видите, ваше высочество, какъ поглядываютъ съ завистью на меня всѣ эти дураки,—сказалъ онъ, указывая на гуляющихъ и глазѣвшую прислугу. Дѣйствительно, вокругъ нихъ на почтительномъ разстояніи толпилась публика, до которой отчетливо долетало каждое слово ихъ разговора.

— Я вашему высочеству долженъ признаться, что мой кредитъ совершенно здѣсь изсякъ.

— Я этому нисколько не удивляюсь,—замѣтилъ великій князь.

— Такъ вотъ, ваше высочество, какъ увидятъ здѣсь всѣ, что вы со мною гуляете подъ руку,—вкрадчиво продолжалъ Булгаковъ: — то кредитъ мой такъ здѣсь утвердится, что мнѣ и денегъ никакихъ уже не надо.

— Ахъ ты, проказа ты этакая,—вдругъ принимая серьезный тонъ, сказалъ князь:—а хочешь, я тебя посажу на гауптвахту?

— Быть этого не можетъ,—возражаетъ Булгаковъ:—я черезчуръ знаю неограниченную доброту вашего высочества. Долго ли маленькаго человѣка обидѣть, вы никакъ не захотите этого сдѣлать.

Тутъ уже Михаилъ Павловичъ громко во всеуслышаніе обратился къ нему по-французски:

— Mon cher, tu est vraiment admirable dans ton éffronterie, seulement je ne te conseille pas d'abuser trop de ma faiblesse, parfait chenapan! [1]) Ну, что довольно,—добавилъ онъ: — можно теперь тебѣ дать киселя?

— Совершенно довольно, ваше высочество, по гробъ не забуду вашихъ милостей.

Булгаковъ отнимаетъ свою руку изъ-подъ руки князя и беретъ подъ козырекъ, а великій князь, пожавъ ему руку, направляется къ коляскѣ. Ботъ и кутитъ теперь Булгаковъ на освѣжившійся кредитъ. А публика все собиралась, густо наполняя аллеи. Вдругъ Пальмъ наклонился къ Дурову и, указывая въ толпу, сказалъ ему съ нѣкоторой тревогой:

— Вотъ, вотъ, смотри, идетъ онъ, Петрашевскій, видишь, этотъ высокій черный мужчина, что разговариваетъ съ этимъ толстякомъ.

— Такъ это онъ?—сказалъ Сергѣй Ѳедоровичъ, видимо, сильно заинтересованный новымъ лицомъ, которое онъ жаждалъ видѣть: а я только что хотѣлъ съ тобою поговорить о немъ. Ты знаешь, что

---

[1]) Мой милый, ты дѣйствительно удивителенъ въ своемъ нахальствѣ; но только я не совѣтую тебѣ слишкомъ злоупотреблять моею слабостью, совершеннѣйшій негодяй.

до меня дошли слухи и разсказы, обезпокаивающіе меня на твой счетъ...

— Пустяки,—сказалъ Пальмъ:—я, конечно, какъ и ты, сочувствую его пропагандѣ, но пока еще у насъ просто пріятельское знакомство. Я бываю у него довольно часто, по пятницамъ мы обыкновенно собираемся, мнѣ пріятно общество незаурядныхъ людей, мы много толкуемъ, но, какъ Репетиловъ въ «Горе отъ ума» говоритъ: «поспорятъ, пошумятъ и разойдутся». Сегодня я тебя представлю этому интересному человѣку и ты, вѣроятно, также вступишь въ его кружокъ, а ты будешь намъ со временемъ очень нуженъ и полезенъ.

Я слышалъ весь разговоръ моихъ пріятелей и, зная въ общемъ, что такое представлялъ собою Петрашевскій, не на шутку испугался за участь моихъ друзей.

Теперь нѣсколько словъ о Пальмѣ. Александръ Ивановичъ Пальмъ, дворянинъ Пензенской губерніи, родился въ 1823 г., воспитывался въ Дворянскомъ полку, былъ тамъ унтеръ-офицеромъ, затѣмъ фельдфебелемъ и 19-ти лѣтъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1842 г. въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Черезъ семейство своихъ родственниковъ Кусовыхъ онъ вошелъ въ кружокъ, основанный Петрашевскимъ, сблизился съ ними и съ тѣхъ поръ сталъ постояннымъ посѣтителемъ его пятницъ. Среда такихъ сильныхъ людей, какъ Достоевскій, Плещеевъ, Толь, Головинскій, Иринархъ Введенскій и др., не могла не имѣть рѣшающаго вліянія на направленіе юнаго Пальма, и онъ со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры отдался новому живому дѣлу. Цензура того времени давила писателей своимъ тяжелымъ ярмомъ, народъ изнемогалъ подъ гнетомъ крѣпостничества, чиновничество въ своемъ произволѣ доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, взяточничество царило всюду, вотъ небольшіе кружки, образовавшіеся въ разныхъ слояхъ интеллигентнаго общества, рѣшили противодѣйствовать этому всеобщему злу. Политической пропаганды въ кружкахъ этихъ не было, здѣсь шли самые обыденные толки, обсуждались проекты, но даже не составлялось плана дѣйствій. Это просто были группы русскихъ образованныхъ людей, любившихъ свою родину и народъ и душею болѣвшихъ за ея неустройство.

Однако доносы Вигеля и доклады Липранди имѣли свое дѣйствіе, и въ высшихъ сферахъ были представлены эти честные люди посягающими на самодержавіе и т. д. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, распространяемое Павломъ Головинскимъ и Достоевскимъ, было однимъ изъ вѣскихъ данныхъ для обвиненія ихъ и изъ этого можно вывести заключеніе объ опасности этихъ обществъ для государства.

Въ 1841 г. Петрашевскій началъ свою пропаганду, въ 1845 г. у него были уже организованы правильныя собранія, и въчислѣ ярыхъ его сподвижниковъ былъ Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, такъ опасавшійся за Пальма. 25-го марта 1848 года онъ, уже будучи отстав-

нымъ коллежскимъ асессоромъ, читалъ свое предисловіе къ сочиненіямъ Хмельницкаго и былъ изъ самыхъ энергичныхъ членовъ кружка, только благодаря которому кружокъ Петрашевскаго поддерживалъ связь съ остальными. Но вотъ грянулъ громъ, петрашевцы были арестованы и судомъ «за обличеніе въ умыслѣ на ниспроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка» осуждены на смертную казнь [1]).

Пальмъ находился подъ слѣдствіемъ съ 23-го апрѣля 1849 г. и судился за то, что былъ въ собраніи, «гдѣ, слыша преступные разговоры, не донесъ» [2]).

22-го декабря 1849 г. всѣхъ осужденныхъ [3]) привезли изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ они провели 8 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, на Семеновскій плацъ, прочли имъ смертный приговоръ, священникъ подошелъ къ нимъ съ крестомъ, облаченный въ черныя ризы, и на всѣхъ, кромѣ Пальма, надѣли предсмертныя рубахи. Петрашевскому, Момбелли [4]) и Григорьеву [5]) завязали глаза и привязали къ столбамъ, надъ головами другихъ переломили шпаги. Раздалась команда къ пальбѣ, и въ этотъ моментъ Григорьевъ сошелъ съ ума, его натура не выдержала этой минуты, послѣ восьмимѣсячнаго одиночнаго заключенія. Раздался отбой, и процедура окончилась, при чемъ было объявлено всѣмъ высочайшее помилованіе отъ смертной казни. Тутъ же съ мѣста на фельдъегерской тройкѣ Петрашевскій былъ увезенъ въ Сибирь [6]). Дуровъ сосланъ въ каторгу на 4 года и затѣмъ разжалованъ въ рядовые. Пальмъ же былъ помилованъ и переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію. 14-го декабря 1852 г. онъ за отличіе произведенъ въ штабсъ-капитаны Въ 1853 г. онъ участвовалъ въ первой кампаніи противъ турокъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса и былъ отличенъ, какъ храбрый и лихой офицеръ. Въ 1854 году, во время второй кампаніи, Пальмъ 11-го марта участвовалъ при переправѣ черезъ Дунай у Галаца, 4-го мая подъ Силистріею и 5-го при штурмѣ этой крѣпости, а съ 13 по 22 октября находился въ числѣ геройскихъ защитниковъ Севастополя. За боевыя заслуги его штрафъ, вслѣдствіе бывшаго надъ нимъ суда, былъ прощенъ и возвращены ему всѣ преимущества, кромѣ права на знакъ безпорочной службы [7]); 2-го іюня 1855 г. штабсъ-капитанъ Пальмъ былъ передеденъ въ Замостскій Егерскій полкъ и 19-го января 1857 г. уволенъ отъ службы майоромъ съ мундиромъ.

---

[1]) Высочайшій приказъ 22-го декабря 1849 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ числѣ ихъ были между прочимъ: Достоевскій, Плещеевъ, Пальмъ, Дуровъ, Толь, химикъ О. Львовъ, гигіенистъ Ахшарумовъ, Головинскій, Момбелли и др.

[4]) Момбелли поручикъ л.-гв. Московскаго полка 27 лѣтъ.

[5]) Григорьевъ поручикъ л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка 25 лѣтъ.

[6]) По амнистіи 1856 г. Петрашевскій отказался отъ помилованія и требовалъ пересмотра своего дѣла. Своимъ безпокойнымъ нравомъ онъ вооружилъ противъ себя Муравьева-Амурскаго, очень гуманно относившагося къ ссыльнымъ.

[7]) Высочайшій приказъ 29-го декабря 1854 г., № 407.

VI.

Литературные вторники у Ив. Ив. Панаева.—Графъ Сологубъ и его вечера.—Фокусникъ Германъ.—Фокусы во дворцѣ.—Воскресенья у графа Толстого.—Художникъ Федотовъ.—Ловкій меценатъ.—Лѣто въ Павловскѣ.—Экспромтъ Панаева.—Скрипачъ Дмитріевъ-Свѣчинъ.—Эпизодъ у него съ наслѣдникомъ цесаревичемъ.—Пріѣздъ графиниСамойловой.—Бальзакъ въ Павловскѣ.

Какъ я уже говорилъ, по сосѣдству съ нами въ домѣ Димерта жилъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ, который положилъ въ своемъ домѣ начало кружку интеллигентнаго товарищества, членами котораго являлись выдающіеся представители нашей родной литературы, изъ которыхъ многіе обезсмертили свое имя и стали гордостью Россіи. Бѣлинскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Кольцовъ, Боткинъ, Краевскій, позднѣе и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій и многіе другіе, менѣе крупныя звѣзды нашего литературнаго міра, стали собираться у Ивана Ивановича, а каждую недѣлю по вторникамъ у него составлялись литературные вечера, которые охотно посѣщались пріятелями Панаева, приводившими съ собою нерѣдко новыхъ лицъ, заслуживавшихъ чѣмъ-нибудь особеннаго вниманія. Между этими новичками были и начинающіе литераторы, и музыканты, и художники, однимъ словомъ, люди, обладающіе какимъ-либо артистическимъ талантомъ. Вечера носили на себѣ скромный, но задушевный характеръ, гостямъ разносили чай, велись оживленныя бесѣды на разныя темы, и наконецъ Иванъ Ивановичъ самъ читалъ что-нибудь новое изъ своихъ произведеній, еще не поступившихъ въ печать, а иногда давалъ ихъ прочесть одному изъ лучшихъ чтецовъ, а самъ со вниманіемъ вслушивался въ каждое слово, дѣлая время отъ времени вполголоса замѣчанія самому себѣ и отмѣчая на бумажкѣ карандашомъ о встрѣчавшихся ошибкахъ. Кромѣ его произведеній, читалось многое также и другихъ авторовъ.

Самъ Панаевъ читалъ хорошо, съ ясной интонаціей, соблюдая чуть не въ голосахъ разговорную рѣчь; слушать его было истинное удовольствіе. Напримѣръ, я слышалъ, какъ онъ прочелъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя и его же «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича», это было до такой степени реально прочитано, что я, даже придя домой, сдѣлалъ набросокъ такъ и носившихся передъ моими глазами типовъ, созданныхъ геніемъ Гоголя.

Изъ произведеній Ивана Ивановича и слышалъ, какъ онъ прочелъ свой переводъ трагедіи Шекспира «Отелло», которая была поставлена впослѣдствіи въ Александринскомъ театрѣ. Сахаровъ читалъ свои народныя пѣсни и т. д. Театральный міръ также не былъ чуждъ дома Ивана Ивановича; благодаря постановкѣ своей пьесы на сценѣ, онъ вошелъ въ тѣсное общеніе съ первоклассными актерами русской сцены, и они охотно бывали у него. Встрѣчалъ

я не разъ на вторникахъ у Панаева Самойлова, Максимова, Брянскаго и Ивана Ивановича Сосницкаго, а изъ лицъ музыкальнаго міра помню Михаила Ивановича Глинку, Варламова, творца всѣмъ извѣстныхъ романсовъ, и знаменитаго тогда баса Петрова.

Можно себѣ представить, какія интересныя группы составлялись на этихъ панаевскихъ вечерахъ и какой потокъ глубокихъ мыслей, тенденцій и остроумія переливался изъ одного конца этой густо набитой народомъ квартиры въ другой. Обыкновенно самая густая толпа мужчинъ собиралась въ кабинетѣ у хозяина, куда имъ и подавалась закуска, а дамы держались около матери Ивана Ивановича, Маріи Екимовны, и принимали участіе въ общемъ собраніи, когда читалось что-либо общедоступное; но дамскаго элемента на этихъ вечерахъ было очень немного,

Большинство посѣтителей панаевскихъ вторниковъ бывали и у насъ, и я съ восторгомъ встрѣчалъ этихъ дорогихъ гостей, искренне счастливый, что судьба меня толкнула въ такую плеяду, отъ которой я хваталъ все, что могъ, съ жадностью голоднаго волка, какъ бы предвидя, что скоро-скоро это блестящее общество, подъ гнетомъ суровой судьбы, будетъ разбито магическимъ veto и разметано во всѣ стороны житейскаго моря.

Въ числѣ посѣтителей панаевскихъ вечеровъ былъ также извѣстный писатель, графъ Владиміръ Александровичъ Сологубъ. Это былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей того времени, оставившихъ прекрасную о себѣ память среди близкихъ ему. Владиміръ Александровичъ окончилъ дерптскій университетъ и свою литературную карьеру началъ съ повѣсти «Исторія двухъ галошъ», т. е. «въѣхалъ въ нее въ галошахъ», какъ выражались остряки того времени. Отецъ графа былъ когда-то богатъ, но все свое состояніе промоталъ и оставилъ сына при очень скудныхъ средствахъ, что, однако, не помѣшало ему сдѣлать себѣ блестящую партію. Женился Владиміръ Александровичъ на дочери графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, извѣстнаго мецената и любителя музыки [1]).

Софія Михайловна была родною племянницею Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго [2]), который бывалъ у моего отца на его музы-

---

[1]) Гр. М. Ю. Віельгорскій род. въ 1787 г. Умеръ въ 1856 г. Въ 40-хъ годахъ домъ его являлся сосредоточіемъ артистической жизни, и когда Робертъ Шуманъ со своей женой Кларой въ 1844 г. былъ въ С.-Петербургѣ, то у Віельгорскаго подъ его управленуемъ была исполнена одна изъ знаменитыхъ шумановскихъ симфоній и мн. др. вещей. По совѣту гр. М. Ю. Віельгорскаго, Карлъ Шубертъ устроилъ въ петербургскомъ университетѣ утренніе симфоническіе концерты, которые положили начало Русскому музыкальному обществу.

Б. Тагѣевъ.

[2]) Гр. Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій, одинъ изъ основателей Русскаго музыкальнаго общества, свою богатую библіотеку и инструменты завѣщалъ консерваторіи, а свою знаменитую віолончель Страдиваріуса подарилъ К. Ю. Давыдову; умеръ онъ въ 1863 году. Б. Тагѣевъ.

кальныхъ вечерахъ со своей віолончелью и съ котораго отецъ написалъ извѣстный портретъ.

Поселились молодые Сологубы у своего тестя, гр. Михаила Юрьевича, въ его домѣ на углу Михайловской площади и Итальянской улицы, гдѣ я сталъ довольно часто бывать. Владимиръ Александровичъ частенько заходилъ къ намъ и не разъ высказывалъ свое восхищеніе моими рисунками, приглашалъ меня къ себѣ и наконецъ просилъ меня давать уроки рисованія его женѣ, благодаря которымъ я очень сошелся со всѣмъ семействомъ графа.

Общество, собиравшееся въ салонѣ графа, было крайне смѣшанное, здѣсь были и литераторы, артисты, музыканты, художники, здѣсь же присутствовали и представители высшаго аристократическаго общества. Вечера эти были всегда очень оживленные, и Сологубъ умѣлъ придавать имъ весьма разнообразный и интересный характеръ, пользуясь разновиднымъ элементомъ, составлявшимъ его общество. Кромѣ чтенія, пѣнія и музыки, которое безъ исключенія всѣмъ доставляло истинное удовольствіе, онъ придумывалъ разные сюрпризы, еще болѣе оживлявшіе вечера и придававшіе имъ особенную прелесть, такъ, напримѣръ, однажды, послѣ продолжительнаго чтенія, а затѣмъ цѣлаго отдѣленія концерта, въ огромномъ каминѣ, находившемся въ гостиной графини, былъ пущенъ роскошный комнатный фейерверкъ съ изумительно художественно скомбинированными фигурами. Не было болѣе или менѣе выдающагося лица, прославившагося чѣмъ бы то ни было, которое бы миновало домъ Владимира Александровича. Такъ, разъ въ числѣ его гостей очутился знаменитый фокусникъ Германъ, слава о которомъ въ то время достигла необычайнаго размѣра, и онъ вскорѣ по пріѣздѣ былъ приглашенъ императоромъ въ Зимній дворецъ.

Это былъ по истинѣ геній въ своемъ искусствѣ и отличался еще отъ прочихъ своихъ собратій тѣмъ, что его не сопровождали ни лабораторія, ни помощники. Онъ всегда выходилъ въ бальномъ костюмѣ, вооруженный лишь своею магической палочкой, и затѣмъ начиналъ показывать по истинѣ чудеса. Не разъ я восхищался этимъ образцомъ ловкости и быстроты, когда онъ демонстрировалъ передъ нами цѣлый рядъ своихъ изумительныхъ фокусовъ.

Во дворецъ онъ пріѣхалъ въ своемъ обычномъ видѣ и вошелъ въ залъ, гдѣ его ждало отборнѣйшее общество, расположившееся амфитеатромъ.

Отвѣсивъ поклонъ передъ царскимъ семействомъ, Германъ протянулъ впередъ магическую палочку, отрекомендовалъ ея чудныя свойства и когда произносилъ послѣднія слова, вдругъ, какъ показалось, изъ конца ея выкатилось довольно большой величины ядро и съ шумомъ упало на полъ. Подавъ его одному изъ ближе сидящихъ, фокусникъ просилъ зрителей удостовѣриться въ томъ, что оно настоящее, и ядро пошло ходить изъ рукъ въ руки.

Лишь только ядро попало обратно въ руки Германа, какъ онъ отступилъ два шага назадъ, быстро повернулся и съ размаха бросилъ его въ одно изъ громадныхъ зеркалъ, украшавшихъ залъ еще со временъ Екатерины II. Зеркало съ трескомъ лопнуло, а на мѣстѣ, въ которое ударилось ядро, образовалось отверстіе. Нѣсколько кусковъ, какъ будто, со звономъ упало на полъ.

Все общество ахнуло, а государь, обращаясь къ фокуснику, сказалъ:

— Однакоже, господинъ Германъ, ваши фокусы должны дорого стоить и если вы будете такъ продолжать, то насъ будутъ окружать развалины.

— Моя наука, ваше величество, не разрушительная,—отвѣтилъ Германъ и, вынувъ платокъ, подошелъ къ зеркалу и сталъ гладить его и дышать на стекло, вставъ для этого на стулъ. Въ залѣ раздались неудержимые апплодисменты, когда магъ повернулся лицомъ къ публикѣ, а отъ отверстія на зеркалѣ не осталось и слѣда.

Да это былъ истинный артистъ того времени, и общество цѣнило въ немъ артиста и охотно принимало его во всѣхъ своихъ слояхъ, какъ гостя.

Изъ артистовъ бывалъ также у графа знаменитый музыкантъ на корнетѣ и веселый собесѣдникъ на ужинахъ Вилье; Варламовъ игралъ и пѣлъ свои романсы. Пѣли и играли также и другіе оперные пѣвцы, драматическіе актеры читали отрывки изъ своихъ ролей. Разсказывались анекдоты въ лицахъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе оживлялся вечеръ и заканчивался великолѣннымъ ужиномъ.

Такіе же интересные вечера составлялись по воскресеньямъ у вице-президента нашей академіи, извѣстнаго медальера графа Ѳедора Павловича Толстого. Конечно, у него собирались преимущественно художники, но было также много артистовъ и по другимъ отраслямъ искусства и представителей науки и литературы. Какъ и графъ, графиня была также очень образованная, простая въ обращеніи и ласковая хозяйка. Дочь ихъ, красавица Марія Ѳедоровна, вскорѣ вышла замужъ за Павла Павловича Каменскаго, попавшаго въ число ста русскихъ литераторовъ, изданныхъ Смирдинымъ. Съѣзжались къ графу поздно, обыкновенно изъ театровъ или концертовъ, и въ это время, покуда было немного народа, графъ приглашалъ всѣхъ въ бильярдную, гдѣ охотно раздѣлялъ партію съ кѣмъ-либо изъ присутствовавшихъ, оставляя дамъ на попеченіе хозяйки дома. Но вотъ около 12-ти часовъ ночи начинали съѣзжаться гости, и покои графа наполнялись веселымъ говоромъ, смѣхомъ и задушевною бесѣдою. Быстро составлялся импровизованный концертъ, а затѣмъ сами собою завязывались танцы, и скромный вечеръ превращался въ шумный балъ. Извѣстный скульпторъ Рамазановъ, чрезвычайно подвижной и постоянно веселый человѣкъ, то садился играть на роялѣ, то дирижировалъ

танцами и положительно замучивалъ публику своими безконечными котильонами. Веселились мы, что называется, во всю, и старые и молодые одинаково сіяли отъ истиннаго удовольствія. Прекрасный ужинъ, съ обиліемъ вина, затягивался до разсвѣта, послѣ него опять танцы, а затѣмъ поиски шляпъ (тогда шляпы по обычаю не оставлялись въ передникъ), и утомленные, но довольные гости шумною гурьбою высыпали на улицу.

Вотъ какъ жили въ былое славное время.

На вечерахъ у графа Ѳедора Павловича я познакомился съ Федотовымъ, прославившимся какъ замѣчательный карикатуристъ, или, вѣрнѣе, сатирикъ. Это былъ тотъ самый Федотовъ, бывшій офицеръ лейбъ-гв. Егерскаго полка, который написалъ «Сватовство майора», «Первый крестъ» и многія другія прелестныя вещи. Онъ занималъ маленькую квартирку на Васильевскомъ островѣ, въ которой жилъ со своимъ бывшимъ денщикомъ, оставшимся при немъ послѣ своей службы.

Наружность Федотова была очень симпатична, каріе глаза его добродушно смотрѣли и какъ будто бы все время улыбались, но эта улыбка прикрывала наболѣвшую душу талантливаго человѣка. Волосы были темные, коротко остриженные, руки тонкія, женственныя и на одномъ изъ пальцевъ какой-то перстень. Федотовъ прекрасно игралъ на гитарѣ, пѣлъ очень пріятнымъ баритономъ сочиненные имъ же самимъ куплеты, полные остроумія и сарказма, но никогда въ немъ не было ничего скабрезнаго, кромѣ того, онъ былъ прекрасный разсказчикъ. Бесѣда съ этимъ человѣкомъ была необыкновенно пріятна, онъ былъ веселъ всегда и остроуменъ. Но нелегко досталась Федотову слава первоклассnаго художника; работать онъ началъ совершеннымъ диллетантомъ, и только его страстная настойчивость въ направленіи его артистической дѣятельности помогла ему преодолѣть всѣ трудности техники безъ всякой школы и руководителя. Это указывало на его прямую геніальность.

Я часто бывалъ у Федотова, сошелся съ нимъ и часто за стаканомъ чая цѣлыми часами велъ интересную бесѣду. Конецъ бѣднаго товарища былъ ужасенъ: онъ умеръ въ больницѣ душевнобольныхъ съ припадками бѣшенства. Я былъ въ это время уже въ Москвѣ и не могъ навѣщать больного пріятеля. Но художникъ Козловъ, не переставшій видѣть его, показывалъ мнѣ его фотографическую карточку, изображавшую Федотова въ сумасшедшей рубашкѣ. Видъ этой фотографіи переворачивалъ мою душу.

Чтобы понять, какъ натерпѣлся этотъ геніальный человѣкъ отъ нужды и индифферентнаго отношенія къ нему господъ, эксплоатировавшихъ его талантъ ради своего удовольствія, довольно привести одинъ примѣръ, какъ извѣстный въ свое время меценатъ Прянишниковъ эксъ-почтъ-директоръ въ Петербургѣ, собрав-

шій большую галерею исключительно русскихъ художниковъ, долго заставлялъ его ждать очень умѣренной суммы за его картины, которыя онъ купилъ для музея, а бѣдный художникъ чуть не съ голоду умиралъ въ это время.

Это обстоятельство могу еще подкрѣпить фактомъ, что и я самъ не получилъ съ него за двѣ головки моей работы, которыя этотъ меценатъ развязно присоединилъ къ своей знаменитой коллекціи, находя, вѣроятно, что я достаточно уже вознагражденъ тѣмъ, что онѣ туда попали. И не мы одни были жертвами этого прекраснаго мецената.

Наступилъ ужасный для Россіи годъ, годъ утраты нашего солнца поэзіи—Александра Сергѣевича Пушкина. Я лежалъ больной воспаленіемъ легкихъ, когда до меня донеслась эта роковая вѣсть, и я, къ великому своему горю, не могъ поклониться его священному праху. Когда я сталъ поправляться, наступила весна, снова потекли ручьи, тронулась рѣка, и заликовала природа, равнодушная къ нашей великой утратѣ, продолжая слѣдовать своему вѣчному закону забвенія и возобновленія.

Опять я провелъ лѣто въ Павловскѣ, куда къ намъ часто изъ Петербурга пріѣзжалъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ; это былъ самый пріятный собесѣдникъ и веселый разсказчикъ, оживлявшій наше довольно однообразное житье. У него всегда было много юмора и умѣнья схватить самыя смѣшныя стороны того лица, о которомъ шла рѣчь, особенно же онъ рѣзко выдѣлялся среди прочихъ разсказчиковъ тѣмъ, что при удачной шуткѣ или остротѣ никогда не смѣялся самъ, тогда какъ окружающіе покатывались со смѣху. Кто умѣлъ еще смѣшить нашу компанію, такъ это Матвѣй Аверичъ Гамазовъ; онъ обладалъ мимическимъ талантомъ и умѣлъ передразнивать какъ людей, такъ и животныхъ; этотъ Гамазовъ впослѣдствіи завѣдывалъ восточнымъ факультетомъ. Мы часто всей компаніей отправлялись на вокзалъ играть на бильярдѣ, и мнѣ припоминается экспромтъ Панаева, когда онъ смотрѣлъ на игру брата Пьера, сражавшагося противъ двухъ моихъ знакомыхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ игралъ, не снявъ своего плаща, а другой былъ во фракѣ. Пьеръ игралъ очень хорошо и обыгрывалъ обоихъ юношей: и вотъ, когда проигрышъ того, который былъ во фракѣ, казался уже несомнѣннымъ, Панаевъ воскликнулъ:

— Увы, старанія во прахѣ, погибъ сей юноша во фракѣ,—а когда очередь дошла и до другого, то Иванъ Ивановичъ продолжалъ свой экспромтъ:

— Увы, старанія вотще, погибнетъ также мужъ во плащѣ!

Съ Иваномъ Ивановичемъ пріѣзжалъ къ намъ также Андрей Александровичъ Краевскій, тогда еще молодой, и оба они ухаживали за гостившими у насъ дочерьми актера Брянскаго. Краевскій за старшей Анной, а Панаевъ за младшей Авдотьей Яковлев-

ной; оба они впослѣдствіи и поженились на нихъ. Больше я зналъ младшую, да она и чаще пріѣзжала къ намъ. Это была очень симпатичная, но при томъ и крайне наивная дѣвушка, образованіе она получила весьма ограниченное, но ея природный умъ пополнялъ этотъ пробѣлъ, и она была всегда интересною собесѣдницею. Иванъ Ивановичъ Панаевъ понялъ, что изъ нея можно сдѣлать умную подходящую для себя подругу и, женившись на ней, настолько развилъ ее, что эта наивная простушка превратилась въ извѣстную писательницу и печатала свои повѣсти и романы подъ псевдонимомъ Станицкаго. То время, когда она была окружена плеядою самыхъ умныхъ и даровитыхъ людей, какъ: Некрасовъ, Бѣлинскій, Фетъ, Жемчужниковъ, Салтыковъ и др., положило начало ея извѣстнымъ мемуарамъ той безконечно интересной эпохи.

Вечера мы проводили на музыкѣ, а тутъ еще предстояло одно развлеченіе, о которомъ я не могу умолчать, такъ какъ оно касается лица, имѣющаго право на названіе историческаго. Это былъ нѣкто Дмитріевъ-Свѣчинъ [1])—человѣкъ замѣчательный. Въ одно и то же время онъ былъ талантливѣйшій артистъ-скрипачъ, и его имя должно остаться въ лѣтописяхъ музыкальнаго міра, а также совершеннѣйшій дуракъ, просто феноменъ этого рода. Этотъ человѣкъ не имѣлъ ничего, жилъ уроками, но такъ какъ талантъ его былъ настолько блестящъ, что не могъ быть не замѣченнымъ, то онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи большой успѣхъ и, кромѣ того, часто выступалъ въ концертахъ. Во время одного изъ такихъ концертовъ онъ познакомился съ талантливою піанисткой, дочерью нѣкоего Миллера, и вотъ однажды послѣ грома апплодисментовъ и похвалъ, расточаемыхъ публикой обоимъ счастливцамъ, юный скрипачъ не выдержалъ наплыва нѣжнаго чувства, брякнулся на колѣни передъ талантливой артисткой и положилъ свою скрипку къ ея ногамъ. Эффектъ былъ поразительный, а публика разразилась апплодисментами. Съ той поры они стали считаться женихомъ и невѣстой.

Однако три года прошло съ этого счастливаго момента, а о бракосочетаніи не было и помину—остановка была за недостаткомъ средствъ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты. Наконецъ Марія Павловна Сумарокова, всеобщая любимица въ Павловскѣ и хлопотунья, до страсти любившая устраивать приличныя свадьбы, явилась на помощь двумъ любящимъ сердцамъ. Она открыла подписку на большой концертъ съ танцами, имѣвшій быть на вокзалѣ. Подписка имѣла колоссальный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что поджидали прибытія на этотъ вечеръ его высочества наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Но что вышло изъ этого лестнаго посѣ-

[1]) Незаконный сынъ Дмитріева-Свѣчина.

щенія? Какъ сумѣлъ воспользоваться имъ для своего будущаго нашъ талантливый артистъ?

Залъ былъ великолѣпно освѣщенъ; среди публики преобладалъ аристократическій элементъ. Концертъ шелъ блестяще, и съ каждымъ номеромъ бенефиціантъ исполнялъ свои аріи все лучше и лучше. Къ послѣднему отдѣленію пріѣхалъ наконецъ наслѣдникъ, и дѣйствительно его высочество прибылъ какъ разъ къ самому торжеству счастливаго артиста; это отдѣленіе проведено было имъ восхитительно.

Однако успѣхъ такъ отуманилъ бенефиціанта, что съ нимъ сдѣлалось что-то необычайное; онъ началъ ломаться и небрежно отвѣчать полусловами на поздравленія и выраженія своихъ восторговъ публики.

— Когда же ваша свадьба?—спросила его извѣстная красавица Свистунова.

— Право, не знаю,—отвѣчалъ онъ небрежнымъ тономъ:—заказаны многія вещи, отдѣлывается квартира... ужъ эти мастеровые всегда заставляютъ себя ждать...

Несмотря на то, что въ залѣ даже было жарко, онъ надѣлъ сверхъ фрака осеннее двубортное пальто, не стѣсняясь присутствіемъ наслѣдника цесаревича, бывшаго тутъ же и въ мундирѣ; его высочество уже приблизился къ нему, чтобы сказать артисту для поощренія что-нибудь лестное.

Выразивъ сожалѣніе, что опоздалъ къ началу концерта и поблагодаривъ артиста, наслѣдникъ вдругъ замѣтилъ, что бенефиціантъ былъ въ пальто.

— Здоровы ли вы?—озабоченно спросилъ наслѣдникъ цесаревичъ.

— Ничего, ваше высочество, я чувствую себя хорошо; вы это меня спросили, вѣроятно, потому, что я въ пальто,—вдругъ прибавилъ онъ:—такъ это я нарочно сдѣлалъ, чтобы не простудиться.

Въ это время раздались звуки вальса, и танцы начались. Великій князь пересталъ уже говорить съ бенефиціантомъ и повернулся къ нему бокомъ, поглядывая на танцующихъ, какъ вдругъ нашъ артистъ уже самъ затѣялъ бесѣду съ великимъ княземъ, что ужъ совсѣмъ не допускалось придворнымъ этикетомъ.

— Отчего вы не танцуете?—спросилъ онъ наслѣдника.

Великій князь оглянулся, съ улыбкою посмотрѣлъ на артиста и снисходительно отвѣтилъ:

— Не желаю.

Но нашъ бенефиціантъ не угомонился:

— Вѣдь вы такъ молоды,—опять обращаясь къ наслѣднику, сказалъ онъ:—сколько вамъ лѣтъ?

Тутъ уже его высочество совсѣмъ отвернулся отъ него, и на лицѣ его вспыхнула досада, а взглядъ его, казалось, говорилъ: «справьтесь въ календарѣ».

Послѣ этого наслѣдникъ цесаревичъ сейчасъ же уѣхалъ, а за нимъ разъѣхались и всѣ болѣе сановные гости.

Вотъ чему я былъ лично свидѣтелемъ и невольно вспомнилъ утонченную бесѣду Булгакова съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, гдѣ тонкій умъ нахала и изысканная манера обращенія такъ блестяще достигли желаемыхъ результатовъ.

Крупнымъ явленіемъ въ концѣ этого лѣта было возвращеніе изъ-за границы графини Самойловой. Она появилась на вокзалѣ съ цѣлой свитой красавцевъ итальянцевъ и французовъ; на видъ графиня казалась довольно перезрѣлой, но глаза ея отличались поразительной красотою. Ея сочныя уста, вздернутый носъ и выраженіе лица какъ будто говорили: «Je me fiche de l'opinion du monde».

Также однажды вечеромъ на музыкѣ появился знаменитый Бальзакъ въ какой-то большой сѣрой курткѣ и большой соломенной шляпѣ изъ итальянской соломы, съ физіономіей, довольно скучающей.

Въ этотъ пріѣздъ его въ Россію ему какъ-то не оказали подобающаго вниманія, онъ не былъ принятъ во дворцѣ, а слѣдовательно, и въ болѣе богатыхъ и знатныхъ домахъ, и бѣдный Бальзакъ утѣшалъ себя тѣмъ, и говорилъ даже объ этомъ своимъ друзьямъ, что все это невниманіе къ нему произошло оттого, что незадолго до его пріѣзда въ Петербургѣ былъ Кюстинъ, который за оказанный ему почетъ и гостепріимство отблагодарилъ русскій дворъ тѣмъ, что напечаталъ по возвращеніи во Франціи по его адресу пасквиль въ самомъ несдержанномъ тонѣ.

Вотъ что сказалъ Бальзакъ по этому поводу: «j'ai reçu le souflet, qui a été destiné à Custine». (Я получилъ пощечину, назначенную Кюстину).

П. П. Соколовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА [1].

VII.

Архитекторъ или художникъ.—Поступленіе въ художественный классъ.—Новыя продѣлки дяди Карла Павловича.—Его ученикъ Михайловъ.—Академическая выставка.—И. Айвазовскій.—Братья Агины.—Встрѣча съ Некрасовымъ и работы его въ «Альманахѣ».—Мои иллюстраціи «Капитанской дочки» Пушкина и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя.

ПРЕДѢЛИВЪ брата моего въ гимназію въ 1842 году, отецъ уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до 1844 года; во время этого путешествія въ Парижѣ имъ было написано нѣсколько превосходныхъ портретовъ и въ томъ числѣ герцогини де-Серра-Капріоли. Всюду его встрѣчали съ необыкновеннымъ радушіемъ, отдавая должное его недюжинному таланту, и такимъ образомъ въ самое непродолжительное время слава отца моего за границей была упрочена. Вернулся онъ въ Россію и въ 1846 году переѣхалъ на жительство въ Москву, куда неоднократно ѣздилъ въ теченіе тридцатыхъ годовъ и гдѣ также стяжалъ себѣ славу перваго портретиста и любовь всѣхъ окружающихъ.

Въ Москвѣ отецъ останавливался преимущественно у князя Голицына, для котораго исполнялъ очень много работъ; князь любилъ отца и охотно проводилъ время въ его обществѣ. За это время пребыванія въ первопрестольной столицѣ отецъ сошелся и подружился съ Иваномъ Петровичемъ Витали, сдѣлавшимъ

[1] Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. CXXI, стр. 378.

съ него очень удачный бюстъ въ натуральную величину, который былъ привезенъ къ намъ при возвращеніи отца въ Петербургъ, но въ дорогѣ былъ поврежденъ и требовалъ сильныхъ исправленій. Форма, въ которую его отливали, долгое время безслѣдно пропадала и недавно только была найдена моимъ братомъ Александромъ, хранителемъ музея академіи художествъ, и по его распоряженію съ нея былъ отлитъ вторично бюстъ отца—поразительнаго сходства. Какъ оказалось, форма эта была перевезена изъ Москвы въ Петербургъ во время переѣзда Витали для производства колоссальныхъ работъ по сооруженію Исаакіевскаго собора. Тамъ уже въ Москвѣ пріятель моего отца, извѣстный художникъ Василій Андреевичъ Тропининъ написалъ съ него огромный масляный потретъ, хотя и очень похожій, но съ какимъ-то слащавымъ выраженіемъ лица; съ тѣмъ же недостаткомъ былъ написанъ портретъ и художникомъ Стрѣлковскимъ. Самымъ же удачнымъ изъ всѣхъ портретовъ моего отца такъ и остался рисунокъ, дѣланный карандашомъ, гораздо раньше, дядей Иваномъ Павловичемъ Брюлловымъ, находящійся теперь также у брата Александра.

По отъѣздѣ отца за границу положеніе мое оставалось еще не выясненнымъ, и я не зналъ, чему наконецъ окончательно посвятить себя: архитектурѣ или живописи. Уйдя въ архитектурный классъ, чтобы избѣжать недоброжелательства моего дядюшки Карла Павловича, я, однако, вскорѣ почувствовалъ, что во мнѣ нѣтъ настоящихъ способностей быть строителемъ, и письменно обратился за границу къ отцу, прося его совѣта и разрѣшенія перейти въ живописный классъ. Въ ожиданіи отвѣта я усердно посѣщалъ натурный классъ. Перспектива сдѣлаться опять ученикомъ дяди Карла Павловича не особенно-то мнѣ улыбалась, но другого исхода я не находилъ, и покорился своей участи. Но недолго мнѣ пришлось ждать проявленія новыхъ безнравственныхъ выходокъ знаменитаго художника, и я не могу обойти молчаніемъ случай, вредно отозвавшійся на карьерѣ способнѣйшихъ изъ моихъ товарищей, которые имѣли полное право на полученіе первыхъ наградъ и командировки за границу и, благодаря Карлу Павловичу, остались ни при чемъ. У моего дяди Карла Павловича Брюллова среди академическихъ учениковъ былъ нѣкто Михайловъ, типъ очень несимпатичный, совершенный неучъ, завсегдатай кабаковъ и другихъ злачныхъ мѣстъ, существо безусловно бездарное. Не было фразы, въ которую Михайловъ не вставлялъ самое бранное площадное словцо, и въ довершеніе всего отъ него всегда разило водкой; вдругъ этотъ самый Михайловъ дѣлается фаворитомъ Карла Брюллова. Мнѣ это сначала казалось просто непостижимымъ, но когда я узналъ причину такой перемѣны дядюшки къ своему ученику, то мнѣ все стало болѣе чѣмъ ясно и показалось въ порядкѣ вещей.

У Михайлова была молоденькая и очень миловидная сестра, которую «Карла-Черноморъ» (какъ мы прозывали дядю) со свойственною ему хищностью и безсердечіемъ не замедлилъ обезчестить, покрывъ, такимъ образомъ, позоромъ и всю ея семью. Пьяный Михайловъ забилъ тревогу, и дядюшкѣ предстоялъ грандіозный скандалъ, нужно было замять дѣло—и вотъ ловкій профессоръ пошелъ на слѣдующій компромиссъ со своимъ оскорбленнымъ ученикомъ. Онъ взялся написать тайкомъ для Михайлова на золотую медаль этюдъ съ громкимъ титуломъ «Прометея», и картину, изображавшую молящуюся русскую дѣвушку въ церкви, на которой съ натуры была изображена его жертва. Оригиналомъ для «Прометея» служилъ одинъ изъ нашихъ натурщиковъ въ лежачемъ положеніи съ закинутой за голову рукой, только дядя пририсовалъ къ груди этого этюда рыжаго орла. Во всей этой работѣ мастерская рука Карла Павловича была видна очень явственно, но... Михайловъ вѣдь былъ его ученикомъ и не могъ достигнуть большихъ успѣховъ техники своего учителя. Дѣло сошло какъ нельзя лучше, и, несмотря на разговоры о скандалѣ, Михайловъ получилъ золотую медаль и былъ командированъ на казенный счетъ въ Италію для совершенствованія своего таланта, котораго у него, впрочемъ, и не было, и, конечно, ничего не достигъ и за границей. Такимъ образомъ, академія должна была заплатить за позоръ, удовлетворившій прихоть неразборчиваго и безсовѣстнаго своего профессора.

Между тѣмъ въ академіи нашей была объявлена выставка и самыми крупными украшеніями ея должны были быть присланныя изъ-за границы пейзажи швейцарскихъ живописцевъ Кукука и Каламма; въ особенности произведенія послѣдняго возбуждали всеобщій восторгъ. Слава Айвазовскаго также начинала возникать, и его извѣстная картина «Волна» должна была появиться впервые на этой выставкѣ.

Этотъ нашъ очень и очень маститый художникъ-маринистъ тогда, въ началѣ своего поприща, еще работалъ подъ символомъ не одной только мысли о наживѣ. Одно изъ его замѣчательнѣйшихъ произведеній того времени находилось въ числѣ русскихъ картинъ въ галереѣ покойнаго Прянишникова; это была картина, изображающая берегъ Чернаго моря ночью, довольно большихъ размѣровъ и написанная не наотмашь, а съ особенною любовью къ дѣлу. Крутая, почти отвѣсная скала, покрытая лѣсомъ, подошвою своею упиралась прямо въ море, по этой скалѣ до самаго передняго края лежала густая прозрачная тѣнь; луна, которую не видно на картинѣ, изъ-за горы лила свой свѣтъ, освѣщая лѣвую сторону неба, видимаго на картинѣ, и озаряя гористый берегъ, опускающійся въ море съ правой стороны. Вѣрность тоновъ и теплота южной ночи такъ вѣрно выражены, что производятъ чарующее впечатлѣніе на зрителя. Жаль, что этой картины нѣтъ въ музеѣ императора Александра III,

гдѣ выставлена его же картина «Потопъ», вовсе этого не заслуживающая.

Въ бытность мою въ Москвѣ я познакомился съ хромоногимъ художникомъ Фроловымъ, хорошо извѣстнымъ въ Москвѣ, который разсказывалъ мнѣ любопытный эпизодъ, бывшій у него съ Айвазовскимъ. Будучи въ Римѣ между русскими художниками, Фроловъ встрѣтилъ Айвазовскаго, тогда еще бѣднаго производителя морскихъ картинъ. Случилось такъ, что Айвазовскій, сильно нуждаясь въ деньгахъ, взялъ у Фролова два золотыхъ съ тѣмъ, что напишетъ ему два морскихъ вида.—«Много лѣтъ прошло съ того времени,—разсказывалъ Фроловъ:—только я отъ Айвазовскаго не получилъ ни моихъ денегъ, ни обѣщанныхъ картинъ. Вернулся я въ Москву, а объ Айвазовскомъ только и слышно, какъ онъ деньги загребаетъ и какъ цѣнятся его произведенія. Наконецъ пріѣзжаетъ онъ и къ намъ. Я въ него и вцѣпился.

«— А не угодно ли, господинъ Айвазовскій, мнѣ должокъ отдать, который еще въ Римѣ, помните, на берегу моря вы изволили у меня учинить.

«Онъ было за портмонэ; вынулъ два золотыхъ и подаетъ ихъ мнѣ.

«— Нѣтъ,—говорю,—шалишь. Условія-то у насъ были другія. Не угодно ли вамъ будетъ двѣ картины нарисовать.

«Ну, дѣлать нечего, тутъ же мнѣ нарисовалъ почти въ одно утро ихъ обѣ. Тамъ какой-то парусъ виднѣется на зеленоватомъ фонѣ воды, а напереди обломокъ мачты плыветъ, а за него ухватился человѣкъ: меня же, должно быть, изобразилъ, какъ я за него ухватился. Все-таки картинки-то теперь стоили не по золотому, а подороже. Такъ что проценты и наросли».

Фроловъ былъ большой шутникъ и говорилъ всегда съ прибаутками.

Однажды я проходилъ мимо магазина Аванцо на Морской и увидѣлъ небольшую рамочку, въ которую была вставлена забѣленная холстинка съ проведенною поперекъ чертою въ видѣ горизонта, а на нижней части плывущій боченокъ; съ правой стороны полная подпись: И. Айвазовскій,—цѣна объявлена 300 рублей. И много въ своей жизни написалъ этихъ бочекъ маститый художникъ, такъ что теперь составляетъ рѣдкое исключеніе тотъ, кто ихъ не имѣетъ.

Затѣмъ шли также нѣсколько портретовъ дяди Карла Павловича, двѣ картины Мордвинова: «Венеція». Старикъ Максимъ Никифоровичъ Воробьевъ выставлялъ свои виды Іерусалима и рѣки Іорданъ, а также были выставлены нѣсколько картинъ Ладюрнера, писавшаго тогда свои военные сюжеты, т. е. парады и разводы, страстно любимые Николаемъ I. Здѣсь же находились картина «Прометей» и «Молящаяся дѣвушка», объ исторіи которой я уже говорилъ. Скульпторный отдѣлъ былъ наполненъ талантливыми произведеніями, среди которыхъ «Бабошникъ» и «Священникъ» извѣстнаго

Пименова и «Рыбачекъ» Ставасера, обращали на себя всеобщее вниманіе [1]), «Мальчикъ съ шайкой» Рамазанова [2]) и многія другія.

Нѣсколько картинъ пейзажиста Лебедева оставлены въ академіи, а нѣкоторыя находятся въ музеѣ императора Александра III. Кромѣ того, выдѣлялись произведенія Шашмина, Скоти и Завьялова образъ работы котораго, изображающій Александра Невскаго, находится въ часовнѣ на Николаевскомъ мосту. Огромное впечатлѣніе производила картина Петровскаго «Агарь въ пустынѣ со своимъ умирающимъ сыномъ»: эта картина исчезла безслѣдно, и никто не знаетъ о ея участи, и «Поцѣлуй» Моллера. Превосходныя гравюры профессоровъ Іордана и Уткина были поразительны. Всѣ залы, выходящія окнами на круглый дворъ, были заняты архитектурными работами, среди которыхъ работы моего товарища К. А. Тона занимали тамъ первыя мѣста. Программы Карла Штельба отличались своей оригинальностью, онъ первый началъ разрабатывать стиль древне-русской архитектуры и этимъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Эта выставка была одною изъ очень обильныхъ хорошими произведеніями, и публика хлынула туда волною.

Еще до открытія выставки мы, ученики, разсыпались по заламъ небольшими групками, смотря кто чѣмъ увлекался; я бродилъ вмѣстѣ съ моими двумя товарищами, сдѣлавшимися впослѣдствіи очень извѣстными въ художественномъ мірѣ. Одинъ изъ нихъ былъ Лагоріо, пейзажистъ, теперь маститый профессоръ.

Тогда онъ уже обращалъ на себя вниманіе своими прекрасными этюдами, которые онъ дѣлалъ, бродя по окрестностямъ Петербурга, и послѣ Лебедева первый изъ пейзажистовъ уловилъ и передалъ меланхолическую прелесть его скудной природы. Въ то время манера его писать была совсѣмъ не та, которая проявилась въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, созданныхъ имъ на Кавказѣ, и вообще роскошный колоритъ юга такъ сильно повліялъ на него, что онъ, какъ колористъ, совершенно измѣнился, а затѣмъ, хотя и вошелъ въ разрядъ первоклассныхъ художниковъ этого жанра, но далеко былъ не такъ оригиналенъ и типиченъ, какъ до своего отъѣзда на югъ; другой мой товарищъ былъ Бейдеманъ, отличный скульпторъ, впослѣдствіи трагически окончившій свою жизнь въ самомъ расцвѣтѣ своей дѣятельности,—онъ былъ убитъ въ собственной мастерской сорвавшеюся съ полки гипсовою рукою, небрежно положенною туда.

Между прочими моими товарищами были также братья Агины; старшій, Александръ Алексѣевичъ, былъ тотъ самый Агинъ, который сдѣлался впослѣдствіи непосредственнымъ помощникомъ барона Петра Карловича Клодта при созданіи имъ памятника И. А. Кры-

[1]) Эти произведенія находятся теперь въ музеѣ Императора Александра III.
[2]) Тамъ же.

лову. Это были простые теплые ребята, съ которыми я съ удовольствіемъ проводилъ время. Младшій, Василій, во время Крымской кампаніи, когда англичане стояли въ виду Кронштадта, поступилъ добровольцемъ во флотъ. Съ Агиными мы устраивали небольшіе литературные вечера, или далеко уѣзжали въ Финскій заливъ на лодкѣ, гдѣ проводили время за рисованьемъ или охотясь.

Написавъ еще нѣсколько новыхъ рисунковъ къ «Капитанской дочкѣ», я снесъ ихъ къ А. А. Агину, которому они очень понравились, и онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться для изданія ихъ къ граверу Вернадскому, который въ то время приготовлялъ уже свое изданіе «Мертвыхъ душъ» Гоголя съ рисунками Агина.

Затѣя моя иллюстрировать одно изъ лучшихъ произведеній угасшаго поэта была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ также со стороны Панаева и Соллогуба, которымъ я показывалъ мои первые рисунки «Капитанской дочки», а я въ своей задачѣ находилъ безконечное для себя удовольствіе и чѣмъ дальше рисовалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что мысль, побудившая меня начать это дѣло, была вполнѣ счастливою. Мнѣ между прочимъ попались литографированные оттиски-факсимиле съ рисунковъ, дѣланныхъ рукою самого Пушкина, который одно время отыскивалъ художника, способнаго повторить ихъ въ болѣе правильномъ и изящномъ видѣ. Повидимому, самъ великій поэтъ мечталъ создать иллюстраціи къ своимъ сочиненіямъ такими, какими онъ ихъ себѣ воображалъ. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы Александръ Сергѣевичъ могъ хоть разъ взглянуть на мои иллюстраціи, созданныя по его вдохновенію, но этой возможности я былъ лишенъ, поэтъ заснулъ навѣки... Я работалъ съ увлеченіемъ. Вотъ когда я понялъ и моего дядю Карла Павловича, получившаго отъ императора Николая Павловича одинъ заказъ противъ своего желанія, несмотря на то, что сюжетъ картины былъ весьма благодарный. Эта картина должна была изображать осаду Пскова. Карлъ Павловичъ съ большой неохотой принялъ этотъ заказъ, несмотря даже на то, что сюжетъ картины, собственно, шелъ параллельно его направленію, его способности изображать все ужасное и трескучее, но онъ почему-то не нравился Брюллову.

Я самъ слышалъ, какъ мой дядя, говоря объ этомъ заказѣ съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ, съ особенною злостью сказалъ:

— Ну, что я подѣлаю съ этими дураками русскими съ ихъ неуклюжими фигурками въ армякахъ? Только на колѣни могу ихъ поставить.

Вотъ какъ относился къ русскому элементу этотъ насильственно обрусѣлый нѣмецъ.

Конечно, къ моей идеѣ заняться созданіемъ картинъ изъ чисто русской жизни онъ также отнесся скептически, находя это банальнымъ. Но я нашелъ себѣ сочувствіе среди другихъ лицъ. Моя «Капитанская дочка» произвела такое впечатлѣніе на Панаева, что онъ, вернувшись изъ-за границы, навѣстилъ меня и сообщилъ о затѣян-

номъ имъ совмѣстно съ Некрасовымъ предпріятіи издать иллюстрированный альбомъ подъ заглавіемъ: «Альманахъ», и просилъ меня принять участіе, какъ иллюстратора. На этой почвѣ я и сблизился съ Некрасовымъ. Жилъ онъ тогда въ Поварскомъ переулкѣ, около Владимирской церкви и занималъ маленькую квартирку почти безъ мебели, или меблированную, какъ говорятъ французы, «trois chaises dans deux chambres». По крайней мѣрѣ та комната, въ которой онъ меня принялъ, была почти совершенно пустая: у стѣны стоялъ простой деревянный столъ, а около него стулъ. Какъ на томъ, такъ и на другомъ грудою лежали книги и газеты, на одномъ изъ оконъ валялась не повѣшенная стора. Другая комната была почти съ такимъ же убранствомъ.

Некрасовъ вышелъ ко мнѣ, наскоро оканчивая свой туалетъ, и, поздоровавшись со мною, какъ-то нервно началъ ходить по комнатѣ, лихорадочно потирая себѣ руки, и заговорилъ:

— Такъ вотъ, г. Соколовъ, мы это такъ сдѣлаемъ, какъ Панаевъ вамъ уже говорилъ, а къ моимъ стихотвореніямъ я васъ попрошу нарисовать двѣ или три виньетки. Но главною вещью этого «Альманаха» и самою выдающеюся будетъ повѣсть Достоевскаго «Бѣдные люди»; ужъ вы, пожалуйста, постарайтесь передать эти безподобные типы.

Некрасовъ былъ чѣмъ-то взволнованъ и, какъ я потомъ узналъ, онъ хлопоталъ о деньгахъ для этого изданія.

По моему совѣту, Некрасовъ рѣшился ограничиться однимъ заглавнымъ листомъ; это было бы и дешевле и скорѣе могло быть исполнено. На большомъ листѣ я собралъ всѣ цвѣты поэзіи этого «Альманаха» въ видѣ большого букета съ группою изъ повѣсти «Бѣдные люди».

Моя «Капитанская дочка» была закончена въ Москвѣ и впослѣдствіи была пріобрѣтена великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ и среди прочихъ картинъ фигурировала на выставкѣ по случаю столѣтняго юбилея Пушкина. Нужда не давала мнѣ возможности сосредоточить всѣ эти мои произведенія въ одномъ мѣстѣ или хранить у себя. Тогда я продавалъ свои труды за безцѣнокъ, а многіе пропали даромъ, Такъ, напримѣръ, чудныя мои иллюстраціи къ «Евгенію Онѣгину» я оставилъ въ Москвѣ у Булгакова, не желая везти ихъ въ Петербургъ; Булгаковъ умеръ, имущество его было описано и продано, въ томъ числѣ проданы были и мои рисунки. Не могу утверждать, но предполагаю, что Булгаковъ продалъ ихъ еще при жизни, на что меня наводитъ письмо, полученное мною отъ Л. Майкова 4-го января 1894 г., въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что послѣ долгихъ розысковъ онъ наконецъ узналъ, гдѣ находятся рисунки къ «Онѣгину», что они «были куплены у Булгакова Дмитріемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ и подарены Маріи Владимировнѣ Катковой, рожденной княгинѣ Щербатовой, женѣ Михаила Каткова,

сына знаменитаго Михаила Никифоровича». Рисунки эти были чудесно изданы Готье.

«Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» издалъ Марксъ, но въ такомъ скверномъ изданіи, что, правда, было больно видѣть свое произведеніе въ подобномъ видѣ. Эти рисунки попали къ нему отъ семейства Бенкендорфовъ, жившихъ въ своемъ имѣніи подъ Москвою и купившихъ у меня эти иллюстраціи за сто рублей. Но не этотъ скромный гонораръ былъ мнѣ наградою за этотъ вдохновенный альбомъ, а то, что когда моихъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» разсматривала одна англичанка, гостившая у Бенкендорфовъ, которая ни слова по-русски не понимала, то она по рисункамъ поняла сюжетъ повѣсти Гоголя, съ произведеніями котораго она не была знакома, безъ всякихъ объясненій и подъ конецъ заплакала. Я былъ удовлетворенъ и убѣдился, что и въ рисункахъ моихъ хорошо было передано то чувство, которымъ согрѣта эта прелестная повѣсть.

Когда-нибудь русское общество оцѣнитъ эти вдохновенныя работы и пойметъ ихъ, какъ понимали и цѣнили ихъ немногіе изъ моихъ современниковъ, глубоко постигшихъ великихъ нашихъ писателей, которыхъ я иллюстрировалъ, но мало ли, много ли пройдетъ времени до этого момента—покрыто мракомъ неизвѣстности.

VIII.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ).—Михаилъ Ивановичъ Глинка.—Петербургскій театръ и его знаменитости.—Итальянская опера.—Драма.—Французскій театръ и балетъ.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій, знаменитый баронъ Брамбеусъ, былъ женатъ на другой моей тетушкѣ, Александрѣ Александровнѣ Брюлловой, урожденной Раль, а потому я часто съ нимъ встрѣчался въ домѣ моего дяди Александра Павловича. Наружность Осипа Павловича по портретамъ болѣе или менѣе извѣстна, но на самомъ дѣлѣ она была гораздо хуже. Все лицо его было ужасно изрыто оспою и окончательно безобразило и безъ того его непривлекательную наружность; ни бровей, ни рѣсницъ совершенно не было у Сенковскаго, а бороду и усы онъ брилъ, между тѣмъ глаза и волосы были совершенно черные. Карлъ Брюлловъ, со свойственною ему ядовитостью, сравнивалъ лицо Сенковскаго съ кладбищемъ. Видѣлъ я лица очень неприглядныя, но имъ зачастую этотъ недостатокъ пополняла симпатичность, но у Осипа Ивановича и этого не было. Однако это не мѣшало моему талантливому родственнику быть всегда изысканно и даже франтовато одѣтымъ, съ драгоцѣнными булавками въ галстукахъ, да и вообще заниматься своей наружностью. Въ то время Осипъ Ивановичъ былъ весьма занятъ только что вышедшими въ свѣтъ романами

Жоржъ Зандъ, и главнымъ предметомъ его споровъ была эта писательница. Я очень симпатизировалъ этому симпатичному по характеру человѣку и любилъ его общество, но, къ сожалѣнію, не могъ часто доставлять себѣ это удовольствіе, такъ какъ былъ заваленъ работами и цѣлые дни проводилъ у Нестора Васильевича Кукольника, издававшаго мои «Виды Павловска».

Во время этихъ моихъ посѣщеній я часто заставалъ у него Михаила Ивановича Глинку, который при мнѣ садился за рояль и пѣлъ свои прелестные романсы. Ахъ, какъ онъ пѣлъ ихъ! Владѣя очень слабымъ голосомъ, онъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ выраженіемъ исполнялъ эти чудныя вещи, что положительно не замѣчалось этого его недостатка. Съ какимъ увлеченіемъ слушалъ я великаго композитора. Въ это время онъ писалъ партитуру «Руслана и Людмилы», и я слышалъ исполненные имъ уже тогда кое-какіе отдѣльные номера той или другой партіи голосовъ и мнѣ потомъ просто было непонятно, когда я, сидя у графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, услышалъ у него слѣдующую фразу во время разговора о современной оперѣ:

— Вотъ Глинка ко мнѣ все пристаетъ со своимъ Русланомъ,— сказалъ графъ:—я, право, боюсь, что онъ съ нимъ провалится... Впрочемъ, у него тамъ есть и прекрасныя мѣста, напримѣръ, когда поетъ Ратмиръ: «Чудный сонъ живой любви»...—и графъ запѣлъ хотя поблеклымъ, но очень пріятнымъ баритономъ.

Не знаю, но я о «Русланѣ» тогда былъ совершенно другого мнѣнія, я слышалъ многое изъ этой прелестной оперы отъ самого создателя и положительно былъ обвороженъ ею.

Теперь пора поговорить и о театрѣ той далекой эпохи.

Новинкою нашего театра была итальянская опера и первая труппа итальянскихъ артистовъ, вызванная дирекціей въ Петербургъ, во главѣ которыхъ были знаменитые: Рубини, Тамбурини и Віардо, производившіе фуроръ. Рубини былъ уже старикъ, но голосъ его, поистинѣ безсмертный, продолжалъ поражать слухъ; кромѣ того, этотъ артистъ держалъ себя на сценѣ съ такимъ тактомъ и навыкомъ, что, несмотря на неподходящее къ его годамъ амплуа первыхъ любовниковъ, онъ не подавалъ повода желать на его мѣсто другого. Репертуаръ итальянской оперы не былъ особенно богатъ: «Лючія», «Сонамбула», «Пуритане» чередовались безъ конца, но во всѣхъ этихъ операхъ великіе артисты выдѣлывали такія чудеса, что публика не утомлялась этимъ повтореніемъ. Впослѣдствіи, когда итальянская опера была лучше обставлена вторыми голосами и хорами, стали ставить и «Семирамиду» для классическаго пѣнія Віардо, и уже съ пріѣздомъ Лаблаша ставили «Донъ Паскуале», «Сороку воровку», «Севильскаго цирульника», а изъ драматическихъ вещей «Норму» и «Вильгельма Телля». Весь

Петербургъ былъ очарованъ итальянцами, а по дворамъ стали гудѣть шарманки, собирая богатую дань отъ любителей этихъ чудныхъ мотивовъ. Наконецъ ихъ развелось такое множество, что полиція запретила шарманщикамъ появляться въ чертѣ города, да и была пора, потому что они порядкомъ уже надоѣли.

Въ русскомъ театрѣ процвѣтали водевиль и комедія, въ нихъ отличались Максимовъ и Самойловъ.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ былъ сначала въ балетѣ и въ одинъ злополучный часъ довольно долго провисѣлъ на проволокѣ между небомъ и землею, изображая амура, благодаря оплошности одного изъ рабочихъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ драматическій театръ и игралъ съ обтянутыми въ бѣлое трико ногами, въ коротенькой мантіи какого-нибудь Розенкранца или Гильдштерна и другихъ принцевъ, а затѣмъ сдѣлался отличнымъ комикомъ и авторомъ забавныхъ водевилей и фарсовъ.

Съ появленіемъ Мартынова остроуміе, веселость, смѣхъ воцарились на нашей сценѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Мартыновъ привлекалъ публику и его зачастую ставили на самыя ничтожныя роли для приманки и хорошаго сбора. Юморъ его мимики былъ настолько геніальнымъ, что самая слабая пьеса, только благодаря его участію въ ней, не сходила со сцены. Я, напримѣръ, помню, какъ въ одной пьесѣ вся роль Мартынова заключалась въ томъ, что онъ изображалъ какого-то чудака, только время отъ времени подходилъ къ авансценѣ и, приложивъ палецъ къ носу, повторялъ: «Что, бишь, я хотѣлъ сказать?—да, ничего», и затѣмъ отходилъ при громкомъ хохотѣ и апплодисментахъ публики. А то въ другой разъ онъ игралъ подвыпившаго старенькаго чиновника, повторявшаго всего шесть словъ: «Ахъ, бѣда моя, много выпилъ я», и театръ покатывался со смѣху.

Хорошъ онъ былъ также и въ роли унтеръ-офицера, справлявшаго свои именины и съ упоеніемъ смотрѣвшаго на веселящихся гостей, когда онъ, подмигивая публикѣ, повторялъ: «А вѣдь я именинникъ!»—да такъ, что долго не могъ успокоиться театръ отъ дружнаго взрыва хохота. Можно же себѣ представить, что дѣлалъ этотъ талантливый актеръ изъ настоящихъ ролей—вотъ ужъ про него можно сказать, что онъ ихъ создавалъ. Одинъ его выходъ оживлялъ всю сцену, которая до того была мертва и безжизненна. У меня до сихъ поръ сохранился его портретъ, нарисованный очень талантливымъ французскимъ художникомъ Польпети на камнѣ. Этотъ художникъ пріѣзжалъ въ Петербургъ по приглашенію директора императорскаго Эрмитажа для воспроизведенія посредствомъ литографіи лучшихъ произведеній, хранящихся въ немъ. Портретъ этотъ поразительно похожъ, и я не могу его равнодушно видѣть. Впослѣдствіи Мартыновъ игралъ, но какъ игралъ, силь-

ныя драматическія роли. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ «Не въ деньгахъ счастье» онъ заставлялъ всѣхъ плакать такъ же, какъ умѣлъ заставлять смѣяться въ веселыхъ комедіяхъ. Императоръ Николай Павловичъ, несмотря на свою серьезность, нерѣдко увлекался его игрою и очень часто спеціально для него ѣздилъ въ театръ. Однажды, когда Мартыновъ очень распотѣшилъ государя, онъ приказалъ позвать его и вышелъ въ аванложу. Въ ложѣ сидѣлъ министръ двора князь П. М. Волконскій.

— Ну, пожалуйста, Мартыновъ,—сказалъ государь:—насъ никто здѣсь не видитъ, представь меня, говорятъ, ты это замѣчательно хорошо дѣлаешь.

Мартыновъ не задумался ни на минуту, а, отступивъ на шагъ назадъ, поднялъ голову и, заложивъ руки назадъ, какъ это часто дѣлалъ государь, сказалъ голосомъ, очень похожимъ на государевъ:

— Волконскій, прибавь къ жалованью, которое получаетъ Мартыновъ, тысячу рублей.

— Угадалъ!—вскричалъ государь:—я только что хотѣлъ это сдѣлать.

И Мартыновъ съ этого вечера сталъ получать эту прибавку.

Въ русскомъ театрѣ я бывалъ постоянно до самой катастрофы съ моимъ пріятелемъ С. Ѳ. Дуровымъ и А. И. Пальмомъ; оба они очень любили сцену, а Александръ Ивановичъ былъ особеннымъ знатокомъ театральнаго искусства, что и доказалъ впослѣдствіи, написавъ для сцены много пьесъ, изъ которыхъ «Старый баринъ» дается и до сихъ поръ. Въ исполненіи главной роли этой пьесы былъ хорошъ Самойловъ.

Нельзя не упомянуть объ одной забавной личности, отличавшейся тогда на подмосткахъ своею бездарностью. Это былъ нѣкто Толченовъ, товарищъ Каратыгина; держался онъ на сценѣ потому только, что его некѣмъ было замѣстить, да и благодаря покровительству Каратыгина.

Игралъ онъ въ пьесахъ старой школы злодѣевъ и изверговъ. Онъ былъ довольно большого роста и очень тученъ, съ большимъ плоскимъ лицомъ, на которомъ были помѣщены два маленькіе глазочка, закрывавшіеся въ патетическіе моменты. Этотъ Толченовъ имѣлъ въ Царскомъ Селѣ домъ и кусочекъ земли, на которомъ разводилъ какую-то особенную породу свиней, до которыхъ, вообще какъ обжора, былъ большой охотникъ.

Однажды въ Александринскомъ театрѣ шла драма «Коріоланъ», въ которой Толченовъ игралъ Юстиніана. Вдругъ ему подаютъ экстренное извѣщеніе, что его свиньи разбѣжались. Директоръ Гедеоновъ сидѣлъ въ своей ложѣ, когда вдругъ во время антракта къ нему вбѣгаетъ Толченовъ въ царскомъ облаченіи и отчаянномъ голосомъ объявляетъ о своей катастрофѣ, умоляя не-

медленно отпустить его. Видъ его былъ такъ комиченъ и жалокъ, что всѣ присутствовавшіе не могли не расхохотаться надъ этимъ царемъ, умолявшимъ отпустить его на ловлю своихъ свиней.

— Да ты, любезный, съ ума сошелъ,—отвѣтилъ ему Гедеоновъ:— да какого же борова я за тебя выпущу на сцену въ слѣдующемъ актѣ, если и твои-то всѣ разбѣжались.

И этотъ Толченовъ имѣлъ нахальство при каждомъ удобномъ случаѣ говорить:

— На драматической сценѣ у насъ двое истинныхъ актеровъ классической трагедіи: это я и Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

Самойловъ тоже дошелъ до такого же ослѣпленія, вообразивъ себя совершенствомъ изъ совершенствъ. Онъ говорилъ, напримѣръ:

— Я покажу имъ (кому это имъ (?)), какъ надо играть Шекспира,—и одинъ разъ, играя Гамлета, до того увлекся желаніемъ произвести эффектъ, что во время сцены во дворцѣ, когда мать Гамлета, не имѣя силъ перенести сцену отравленія, лишается чувствъ, а дядя его въ смущеніи удаляется, онъ вскочилъ на столъ съ крикомъ: «Свѣчей!» и сталъ бить въ ладоши и хохотать. Но билъ въ ладоши одинъ Самойловъ, а въ театрѣ не было ни хлопка.

Французская сцена начинала входить въ большую моду, и на ней появились новые талантливые артисты изъ Парижа. Мужъ и жена Алланъ и красавецъ Брессанъ очаровывали своею игрою безусловно всѣхъ. Въ особенности послѣдній сводилъ съ ума не только дамъ, но даже и молодежь старалась подражать его манерамъ, костюму и даже прическѣ; напримѣръ, у него на вискахъ были большія взлызины, и многіе юноши, не имѣвшіе ихъ, принуждены были прибѣгать къ бритвѣ. Прическа эта такъ и была названа «а-ла-Брессанъ».

Оба супруга Алланъ были превосходны и въ драмѣ и въ комедіи, и я не стану перечислять ролей, въ которыхъ они наиболѣе блистали, такъ какъ имъ уже давно сдѣлана вѣрная оцѣнка. Еще изъ выдающихся артистовъ этой труппы назову m-eur и m-me Alexandre, послѣдняя была во многихъ роляхъ прелестна и по сценѣ носила двойную фамилію: Alexandre Mayère.

Была также въ Михайловскомъ театрѣ другая артистка, отличавшаяся только своей поразительной красотою, Desirée-Mayère, что и подало поводъ великому князю Михаилу Павловичу сказать одно изъ своихъ удачныхъ bons-mots, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ и мастеръ. Однажды, во время представленія въ Михайловскомъ театрѣ, въ присутствіи великаго князя, участвовали обѣ Mayère, и по окончаніи спектакля кто-то спросилъ его высочество: «какъ онъ находитъ игру второй изъ нихъ?»—на что великій князь отвѣтилъ: «Madame Alexandre a été si bien qu'il ne reste rien à Desirée».

Мужъ m-me Alexandre былъ посредственнымъ актеромъ, но была, однако, одна значительная роль, въ которой онъ былъ превосходенъ, а именно Ришелье; онъ ее исполнялъ, какъ никто. Наружность и гримировка его были настолько близки къ оставшимся портретамъ этого французскаго министра, что приводили всѣхъ въ изумленіе. Когда я впослѣдствіи увидѣлъ въ этой роли Самойлова, то хотя онъ игралъ хорошо по-своему и производилъ, какъ извѣстно, большой эффектъ, но, да не прогнѣвается его тѣнь на меня, если я скажу, что преимущество въ исполненіи этой роли было на сторонѣ Alexandre.

И наружностью своею, и относительно малымъ ростомъ, коротким и круглымъ носомъ. Самойловъ походилъ скорѣе на другого кардинала изъ другой эпохи, а именно на Мазарини, тогда какъ Alexandre съ перваго же выхода поражалъ величественностью своей рослой фигуры и чисто французскимъ профилемъ лица. Наконецъ, въ самой игрѣ было болѣе выдержки, менѣе подчеркиванія нѣкоторыхъ фразъ, а во взглядахъ болѣе исторической правды.

Балетъ въ то время блисталъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Стоитъ только перечислить такія имена: Муравьева, Марія Васильевна Петипа, Прихунова, ученица Тамани, Мадаева, Радина и многія другія изъ нашихъ корифеекъ, чтобы себѣ представить, что это былъ за балетъ. Для балета того времени музыку писалъ даровитый Пуни, талантъ котораго былъ такъ мало оцѣненъ, что, когда онъ умеръ, потребовалось устроить спектакль для того, чтобы собрать извѣстную сумму на похороны. Обстановка балета была поразительно хороша, и въ особенности ею отличались: «Сильфида», «Жизель», «Эсмеральда», «Дочь Фараона» и др. Публика положительно сходила съ ума и засыпала розами прелестныхъ корифеекъ. Однажды, когда Муравьева привела въ особенный восторгъ своихъ обожателей, вся сцена была сплошь завалена розами, такъ что для того, чтобы очистить ее, потребовалось шесть человѣкъ прислуги съ большими садовыми метлами. Счастливая фаворитка публики, неоднократно вызываемая, путалась своими очаровательными ножками въ грудѣ цвѣтовъ и наконецъ, споткнувшись, упала подъ громъ рукоплесканій неистовствовавшей толпы. Да, весело было тогда въ балетахъ! но это увлеченіе балетомъ продолжалось не особенно долго: публика какъ-то вскорѣ остыла къ нему, и черезъ десятка два лѣтъ послѣ этихъ овацій театръ началъ пустовать до такой степени, что изъ кассы выдавались даровыя мѣста, чтобы хоть этимъ наполнить сколько-нибудь залъ.

Русская опера начала выдвигаться съ басомъ Петрова и контральто Леоновой во главѣ, да и репертуаръ ея былъ пополненъ музыкой Глинки и Даргомыжскаго. Не хватало у насъ только теноровъ равной силы для первыхъ ролей.

IX.

Поступленіе учителемъ рисованія въ Николаевскій женскій институтъ.—Директрисса г-жа Оомъ и ея семейство.—Графъ А. К. Толстой.—Князь Щербатовъ.—Графъ О. С. Апраксинъ.

Однажды, придя къ графу Владимиру Александровичу Соллогубу, я засталъ графиню Софью Михайловну въ большомъ волненіи; оказалось, что великая княгиня Елена Павловна обратилась къ ней съ просьбой наскоро нарисовать и прислать акварельную копію съ женскаго портрета, писаннаго знаменитымъ портретистомъ Винтергальтеромъ и находившагося въ комнатѣ ея отца, графа М. Ю. Віельгорскаго. Великой княгинѣ собственно нуженъ былъ видъ рукава на платьѣ этой фигуры, какъ бы модная картина, необходимая для ея туалета. Графиня не могла сама исполнить этого, такъ какъ рукавъ былъ украшенъ кружевами самыхъ затѣйливыхъ узоровъ, созданныхъ искусною рукою талантливаго художника и требующихъ при копировкѣ особенно тщательной работы. Я, конечно, поспѣшилъ на помощь къ графинѣ, нисколько не подозрѣвая, что эта пустячная услуга послужитъ началомъ для моей новой карьеры. Картина была готова и немедленно отправлена во дворецъ; тутъ произошло то же самое, что было у моего отца съ цыбикомъ чая. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ графа М. Ю. Віельгорскаго извѣщеніе, что меня приглашаютъ занять мѣсто учителя рисованія старшихъ классовъ въ Николаевскомъ женскомъ институтѣ и что я долженъ отправиться къ начальницѣ института г-жѣ Оомъ. Это было какъ разъ кстати, а потому я съ радостью принялъ предложеніе и, поблагодаривъ графа, отправился къ директриссѣ, оказавшейся очень милой и привѣтливой старушкой, весьма любезно принявшей меня. Она сейчасъ же представила меня своему семейству, состоявшему изъ сына и двухъ дочерей, и предложила на слѣдующій же день приступить къ отправленію моихъ новыхъ обязанностей.

Признаться сказать, первое время я ужасно смущался, когда меня окружалъ цѣлый рой красавицъ, устремлявшихъ на новаго учителя свои любопытные хорошенькіе глазки. Однако все обошлось благополучно, и я понемногу акклиматизировался въ институтѣ. Начальство ко мнѣ относилось превосходно, а мои ученицы безусловно меня обожали, и я нерѣдко слышалъ вокругъ меня вздохи и восклицанія, въ родѣ: «очаровательный», «incompréhensible», «жестокій» и т. д., но я, разумѣется, былъ очень остороженъ ко всѣмъ этимъ комплиментамъ, ужасно боясь какихъ бы то ни было осложненій, которыя въ то время такъ часто возникали въ институтахъ изъ-за подобныхъ пустяковъ. Когда эти красавицы приносили ко мнѣ показывать свои рисунки, то вмѣстѣ съ ними

мнѣ подсовывались лоскутки бумаги, испещренные признаніями своихъ чувствъ.

Однажды эти проказницы вылили цѣлый флаконъ духовъ въ мою шляпу (тогда шляпы брали съ собою, а не оставляли ихъ въ передней), такъ что я, уходя, страшно боялся встрѣтиться съ инспекторомъ, который, несомнѣнно, обратилъ бы вниманіе на окружавшій меня ароматъ и заподозрѣлъ бы меня въ кокетствѣ передъ моими ученицами. По окончаніи экзамена, когда мой классъ особенно отличился благодаря моимъ тщательнымъ поправкамъ рисунковъ, я спускался уже по лѣстницѣ, какъ вдругъ на меня неожиданно налетѣла тройка въ бѣлыхъ передничкахъ, и не успѣлъ я опомниться, какъ у меня въ рукахъ очутился пакетъ, завернутый въ бѣлую бумагу. Сдѣлавъ мнѣ дружный реверансъ, эта тройка такъ же скоро скрылась въ коридорѣ. Развернувъ пакетъ, я увидѣлъ прелестный бархатный портфельчикъ, сплошь вышитый шелками съ бѣлой муаровой отдѣлкой внутри.

Въ семействѣ директриссы я былъ принятъ очень ласково и съ удовольствіемъ проводилъ время въ этомъ простомъ и интеллигентномъ обществѣ. Сынъ моей начальницы, Ѳедоръ Адольфовичъ, мой ровесникъ, довольно близко находился при особѣ наслѣдника цесаревича Николая Александровича, а впослѣдствіи былъ секретаремъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Хорошія отношенія съ семействомъ графа Владимира Александровича Соллогуба упрочились, и я почти ежедневно бывалъ въ его домѣ, продолжая давать уроки графинѣ Софьѣ Михайловнѣ, и бывалъ у нихъ на вечерахъ; но эти вечера были уже не тѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Петербургъ какъ будто бы усталъ, утомился сплошнымъ своимъ весельемъ и теперь отдыхалъ въ салонахъ и гостиныхъ, внимая музыкѣ и произведеніямъ геніальныхъ писателей, звѣзды которыхъ одна за другою появлялись на горизонтѣ нашего литературнаго міра. Однажды я засталъ у графини Софьи Михайловны графа Алексѣя Константиновича Толстого, впослѣдствіи знаменитаго поэта-писателя, гулявшаго по гостиной въ ожиданіи выхода хозяйки; я тогда не былъ знакомъ съ Алексѣемъ Константиновичемъ и не зналъ его въ лицо. Ставъ у рояля, я невольно заглядѣлся на этого пышащаго здоровьемъ человѣка съ лицомъ, выражающимъ кроткую и глубокую мысль на открытомъ, бѣломъ, съ прекрасными очертаніями лбѣ. Мы смотрѣли другъ на друга, наши глаза встрѣтились, и графъ улыбнулся. Въ этой улыбкѣ было столько чарующаго и ласкающаго, что я невольно подошелъ къ нему съ искреннимъ желаніемъ познакомиться съ такимъ, повидимому, хорошимъ человѣкомъ. Графъ продолжалъ улыбаться и, подвинувшись на диванѣ, сказалъ:

— Чѣмъ намъ врозь поглядывать другъ на друга, какъ какимъ-нибудь часовымъ, присядьте-ка сюда, вѣдь вы художникъ Соко-

ловъ? Какъ же, какъ же, любовался вашей «Капитанской дочкой». А позвольте васъ спросить, почему вы на меня такъ пристально смотрѣли?—спросилъ онъ.

— Да потому,—отвѣчалъ я:—что вы обладаете такимъ здоровымъ цвѣтомъ лица, что мнѣ, художнику, крайне въ диковинку встрѣтить что-нибудь подобное въ Петербургѣ.

— Да, этому я обязанъ всецѣло только деревенской жизни. Вѣдь я постоянно живу въ деревнѣ,—прибавилъ онъ:—охочусь, вожусь со своими собаками и беру все, что только можетъ дать мнѣ наша общая мать природа. Но мы съ вами еще незнакомы,—сказалъ онъ мнѣ вдругъ, подавая руку:—Алексѣй Толстой, и очень буду радъ встрѣтиться съ вами. Вѣдь вы знаете Жемчужникова,—не литератора, тотъ мой другъ,—а художника. Такъ вотъ я у него бываю, и мы можемъ у него встрѣтиться.

Въ это время вошла графиня и прервала нашъ разговоръ.

Успѣхи моихъ иллюстрацій и картинъ придавали мнѣ энергію, и я съ большимъ рвеніемъ принялся за работу. Мастерскую мою стали посѣщать бывшіе товарищи по академіи, а между ними часто заѣзжалъ князь Щербатовъ, глухонѣмой, сидѣвшій со мной въ рисовальномъ классѣ на одной скамейкѣ. Этотъ талантливый человѣкъ былъ глухонѣмой, служилъ въ Кирасирскомъ полку, имѣлъ большую страсть къ рисованію и разговаривалъ всегда письменно, нося для этого особую книжку съ отрывными листами. Наше знакомство не могло быть прочно, и я скоро потерялъ его изъ виду.

Другой графъ Апраксинъ, Степана Ѳедоровича Апраксина сынъ, также удостаивалъ меня своимъ вниманіемъ, но онъ мнѣ, по правдѣ говоря, былъ антипатиченъ. Это былъ черствый, скупой человѣкъ. Домъ отца его на Литейной, въ которомъ онъ жилъ, никогда не проявлялъ признаковъ жизни и всѣ проѣзжали мимо его, какъ мимо какой-нибудь таинственной могилы, а когда онъ умеръ, то никто его даже добрымъ словомъ не помянулъ. Одинъ только какой-то аэронавтъ, которому онъ помогалъ производить его шарлатанскіе опыты изобрѣтеннаго имъ аппарата, пользовался его вниманіемъ, но затѣя эта въ концѣ концовъ не увѣнчалась ни малѣйшимъ успѣхомъ. Одно время на Охтѣ въ докѣ, оставшемся еще со времени Петра I, благодаря хлопотамъ графа, была устроена мастерская, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ строго сохранялась тайна этого летательнаго снаряда; но такъ оттуда никакого шара и не вылетало, и все дѣло кончилось мыльнымъ пузыремъ. Навѣрное, подобное предпріятіе порастрясло-таки карманъ этого скупого вельможи. Наружность графа Ѳедора Степановича была очень невзрачная, да къ тому же онъ всегда ходилъ какой-то угрюмый и молчаливый, какъ бы недовольный всѣмъ окружающимъ, и только флигель-адъютантскій мундиръ нѣсколько его скрашивалъ. Сознавая свое убожество, онъ думалъ замаскировать его проявле-

ніемъ въ себѣ какого-нибудь таланта, и вотъ благодаря чему его стали встрѣчать въ рисовальныхъ классахъ академіи; но, пробившись тамъ безъ толку года три, онъ принужденъ былъ сознаться, что и тутъ ему не удастся отличиться, и онъ бросилъ рисованіе, какъ ненужную вещь. Такъ и скончался графъ Ѳедоръ Степановичъ Апраксинъ, не оставивъ о себѣ никакой памяти. Миръ праху твоему, безполезный человѣкъ.

X.

Поѣздка въ Москву.—Каретка mâl poste.—Попутчики.—Пріѣздъ къ родителямъ.—Егоръ Ивановичъ Маковскій. — Любовь Корниловна Маковская. — Константинъ Маковскій.—Въ гостяхъ у Маковскаго.—Рамазановъ.—Въ гостяхъ у чудака Булгакова.—Эпизодъ съ Н. В. Гоголемъ.

Наступила весна 1846 г., и я рѣшилъ отправиться навѣстить своихъ въ Москву. Въ одно ясное утро я уложилъ свои вещи въ каретку mâl poste (желѣзной дороги тогда еще не было). Можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что мало осталось людей стараго времени, которые помнятъ эти каретки. Собственно, каретка составляла центральный корпусъ экипажа и въ ней было четыре мѣста, затѣмъ находилось еще пять мѣстъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: два рядомъ съ ямщикомъ съ верхомъ и фартукомъ изъ кожи, и три такія же позади. Не дай Богъ, если такая карета въ дорогѣ сваливалась, какъ это зачастую бывало, или застревала въ грязи. Тогда несчастнымъ пассажирамъ приходилось собственными силами извлекать ее оттуда и устанавливать въ первобытное положеніе. Наружныя мѣста, конечно, были дешевле, а такъ какъ переднія еще менѣе были подвержены пыли, то я и занялъ одно изъ послѣднихъ. Дорога была ровная, и первую станцію я проѣхалъ, не испытывая ни малѣйшей усталости. Наша каретка остановилась у станціоннаго домика съ довольно обширнымъ дворомъ, ямщикъ спрыгнулъ и сталъ отпрягать лошадей, я слѣзъ съ своего сидѣнья и сталъ подниматься на крыльцо станціоннаго дома, слѣдуя за какой-то дамой, державшей въ правой рукѣ дорожный мѣшокъ. Черезъ темныя сѣни мы вошли въ комнату для пріѣзжающихъ; убогая обстановка, состоящая изъ дивана, обтянутаго старымъ замаслепымъ козломъ, стола, покрытаго ярославской салфеткой, и нѣсколькихъ стульевъ, нагоняла какую-то тоску; я подошелъ къ окну и сѣлъ на его подоконникъ. Дама подошла къ дивану и положила свой сакъ, окинула взглядомъ комнату, и глаза ея остановились на зеркалѣ, но она, видимо, не рѣшалась подойти къ нему, и хорошо сдѣлала, потому что, когда я привсталъ и снова заглянулъ въ него, то увидалъ тамъ вмѣсто себя совсѣмъ незнакомое мнѣ лицо или, лучше сказать, харю, выглянувшую на меня оттуда довольно насмѣшливо. Другіе наши спутники, которые вошли

въ станціонное помѣщеніе, были: толстый купецъ съ двѣнадцатилѣтней дочкой, двое гимназистовъ и мой сосѣдъ съ лѣвой стороны, очевидно, семинаристъ, ѣдущій на вакаціи; за всей этой гурьбой вошелъ станціонный смотритель и повторилъ свою заученную фразу:

— Прикажете самоварчикъ, господа?

— Конечно, почтеннѣйшій,—отвѣтилъ хрипло купецъ и началъ развязывать узелочки. Съ помощью сыновей-гимназистовъ купецъ разставилъ столъ, на которомъ черезъ нѣсколько минутъ уже шумѣлъ, пыхтя и пуская во всѣ стороны паръ, огромный мѣдный самоваръ. Между купцомъ и дамой затѣялся какой-то разговоръ, а мой сосѣдъ, уже долго посматривавшій на меня, вдругъ приблизился ко мнѣ и, крякнувъ, заговорилъ молодымъ басомъ:

— А вѣдь мы съ вами, кажется, сосѣди по мѣсту?—сказалъ онъ:—а до сихъ поръ не обмолвились словечкомъ. Вѣдь вы до Москвы ѣдете?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Да, столица—примѣрно огромная,—многозначительно пробасилъ семинаристъ:—у меня тамъ дядя проживаетъ, я собственно къ нему и ѣду, вызванъ, примѣрно, для приготовленія одного юноши въ гимназію.

— Это хорошо,—сказалъ я, не зная, что отвѣтить.

И мы также занялись чаепитіемъ; семинаристъ выражалъ мнѣ свою радость, что нашелъ во мнѣ пріятнаго попутчика, и ужасно настаивалъ на томъ, чтобы онъ, а не я расходовалъ свой чай. Между купцомъ и дамой завязались совсѣмъ дружескія отношенія и все содержимое въ ея дорожномъ мѣшкѣ и его многозначительныхъ узелкахъ поступило въ ихъ общее пользованіе и съ аппетитомъ уничтожалось проголодавшейся компаніей.

Начинало смеркаться, и снаружи доносилось побрякиваніе колокольчиковъ запрягающагося экипажа. Наконецъ вошелъ смотритель и объявилъ, что лошади готовы, и мы, расплатившись, уже въ полной темнотѣ стали занимать наши мѣста. Мы тронулись, и я, устроившись поудобнѣе въ углу моего сидѣнья, началъ дремать. Я совершенно забылъ упомянуть о почтальонѣ, сопровождавшемъ нашъ экипажъ; это былъ маленькій юркій человѣкъ съ сумкою, перекинутою черезъ плечо. Онъ съ такою быстротою соскакивалъ съ своего мѣста, находившагося гдѣ-то сзади экипажа, и перебѣгалъ къ станціоннымъ домикамъ, что положительно невозможно было уловить его наружности.

— Эй, Терешка, отнесешь это сотскому,—говорилъ онъ, передавая караульному мужику, стоявшему возлѣ какой-то деревеньки, которую мы проѣзжали, и съ этими словами онъ давалъ ему довольно объемистый пакетъ съ письмами.

— Ладно,—гнусилъ тотъ и пряталъ пакетъ за пазуху, а каретa катилась дальше

Уже разсвѣло, когда мы подъѣзжали къ Новгороду. Церковный звонъ къ заутренѣ привелъ меня въ какое-то благотворное состояніе, и я даже перекрестился. Навстрѣчу намъ прокатилъ крупный дормезъ въ четверку, съ военнымъ лакеемъ на козлахъ. Затѣмъ потянулись деревенскіе возы со спящими на нихъ мужиками. Маленькія разношерстныя лошадки шли мѣрнымъ шагомъ, изрѣдка похрапывая. Проскакалъ верховой съ эстафетой, нахлестывая своего пѣгаго мерина. Время отъ времени попадались пѣшіе съ котомками и узелками, съ любопытствомъ поглядывая на нашу карету. Вотъ и группа мужиковъ съ закинутыми за спину желтыми сапогами, весело болтающихъ, осталась позади, и вотъ начали попадаться солдаты въ шинеляхъ съ закинутыми назадъ полами, завернутыми низами штановъ, съ тяжелыми ранцами за спиною и ружьями на плечахъ. Бабы, ребятишки, опять возы, и опять мужики,—и такъ всю дорогу. Теперь опустѣло это шоссе, а тогда эта артерія между столицами переливалась кровью русской народной жизни.

Мой сосѣдъ спалъ безмятежнымъ сномъ, сильно похрапывая, и мнѣ было досадно, что сонъ оставилъ меня. Я захотѣлъ ѣсть и развернулъ свои снѣди, которыя бойкій ярославецъ изъ бакалейной лавки завернулъ мнѣ на дорогу. Услыша съѣстной запахъ, сосѣдъ мой вдругъ пересталъ храпѣть, потомъ приподнялъ немного голову, открылъ одинъ глазъ и, поправивъ сбившійся на сторону картузъ, проговорилъ:

— Однако вы благимъ дѣломъ занимаетесь.

Я предложилъ ему раздѣлить мою трапезу, на что онъ съ обычными причитаніями охотно согласился и, мы стали закусывать.

Прекомиченъ былъ мой спутникъ во время своихъ причитаній.

— Умиленъ еси вашею ласкою,—говорилъ онъ, принимая отъ меня кусокъ хлѣба съ колбасою.—Господи, благослови, Христосъ. Ты зришь съ высотъ Своихъ всю кротость и благорасположеніе посланнаго мнѣ Тобою друга на пути страннической жизни моея.

Я невольно улыбнулся, слушая монологъ, а ямщикъ даже прыснулъ и крикнулъ на лошадокъ:

— Эхъ вы, соколики!

Новгородъ я видѣлъ только издали. Тверь мнѣ понравилась своею чистотою. Въ Валдайкѣ насъ осадили бабы и мальчишки, навязывая свои баранки, бубенцы и колокольчики. Къ Торжку я подъѣхалъ уже совершенно разбитый дорогой, и только прекрасно приготовленныя пожарскія котлеты немного подкрѣпили мои силы. Я остановился въ «Пожарской гостиницѣ» (нынѣ номера Федюхина) и отдохнулъ на славу. На третьи сутки мы стали уже подъѣзжать къ Москвѣ. Вотъ проѣхали уже и Клинъ, и я увидѣлъ въ правой сторонѣ Петровское-Разумовское, окутанное сплошь зеленью, налѣво виднѣлось Останкино, а вотъ по дорогѣ съ правой стороны

потянулся рядъ довольно крупныхъ дачъ. Налѣво выступилъ своими красными стѣнами съ бѣлой обшивкой Петровскій дворецъ, а налѣво огромное Ходынское поле, и наконецъ показались Тріумфальныя ворота съ заставою, находившеюся тутъ же возлѣ нихъ. Но вотъ по Тверской мы въѣхали въ Москву: «мелькаютъ мимо будки, бабы, мальчишки, сани, фонари...» На Мясницкой противъ главнаго почтамта жили мои родители, а потому мнѣ было недалеко перебираться съ вещами отъ мѣста отправки нашей каретки, и я, простившись съ моимъ попутчикомъ, поспѣшилъ туда, оставивъ вещи на почтѣ.

Нечего и говорить, какъ рада была матушка моему пріѣзду, какъ взволновалось ея любящее сердце. Отца я засталъ въ рабочемъ кабинетѣ въ черномъ шелковомъ халатѣ и съ ермолкой на головѣ. Я крѣпко обнялъ его такъ, что онъ не уснѣлъ положить своей кисти и она упала на полъ, я бросился поднимать ее и поцѣловалъ его въ руку.

На другой день вечеромъ по случаю моего пріѣзда у насъ собрались гости, и между ними былъ и другъ моего отца, Егоръ Ивановичъ Маковскій, отецъ знаменитаго нашего живописца Константина Маковскаго и его брата Владимира—жанриста, а также Николая, даровитаго акварелиста, очень сильнаго по перспективному и тому, что называютъ французы «pitoresque». Онъ умеръ въ чахоткѣ въ юношескомъ возрастѣ. Егоръ Ивановичъ Маковскій былъ очень почтенный и чрезвычайно симпатичный старикъ, служившій много лѣтъ при дворцовой конторѣ и извѣстный всей Москвѣ, какъ собиратель старинныхъ гравюръ. Коллекція его славилась большою рѣдкостью многихъ экземпляровъ лучшихъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ образцовъ, а въ особенности фламандской школы. Вся Мосоловская галерея, продававшаяся съ аукціоннаго торга, попала къ нему. Какъ онъ умудрился, живя на свое небольшое жалованье, дѣлать такія пріобрѣтенія, объясняется только одною страстью, но страсть, по-моему, также вещь необъяснимая. Съ Егоромъ Ивановичемъ такъ легко было сойтись, что я, просидѣвъ съ нимъ часа два или три, такъ привыкъ къ нему, какъ будто знавалъ его уже много лѣтъ. Такихъ людей нынче не встрѣтишь, онъ былъ, какъ говорится, весь на тарелкѣ и никогда у него никакой задней мысли не водилось. Самымъ большимъ удовольствіемъ для Егора Ивановича было показывать свои коллекціи понимающему въ нихъ толкъ человѣку, и онъ пригласилъ меня непремѣнно заѣхать къ нему. Супруга его, Любовь Корниловна, такая же добрая и сердечная женщина, какъ и ея мужъ, тоже присоединилась къ Егору Ивановичу, усиленно приглашая меня къ нимъ.

— Мы живемъ въ дворцовомъ домѣ, почти на углу набережной у Каменнаго моста,—говорила она,—и вы ничѣмъ такъ не доста-

вите удовольствія моему мужу, какъ если пересмотрите его коллекціи и переговорите о ихъ достоинствахъ.

Я, конечно, выразилъ полную готовность воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ и на другой же день былъ у Маковскаго, тѣмъ болѣе, что намѣревался осмотрѣть работы храма Спасителя, находившагося недалеко отъ ихъ дома.

Когда я вошелъ во дворъ дворцоваго дома, то положительно не зналъ, гдѣ мнѣ искать квартиру Егора Ивановича. Кругомъ никого не было, и только около одной изъ стѣнъ какого-то флигеля два мальчугана играли въ бабки. Я подошелъ къ нимъ и обратился къ тому, который былъ постарше. Лицо этого мальчика сейчасъ же напомнило мнѣ черты Егора Ивановича своимъ съ ними сходствомъ. Оказалось, что это былъ его старшій сынъ Константинъ. Личико его было пресимпатичное, и сходство съ отцомъ еще болѣе себя обнаружило, когда онъ улыбнулся и, узнавъ отъ меня, что мнѣ нужно видѣть его отца, бросилъ игру и повелъ меня къ подъѣзду ихъ квартиры. Меня встрѣтила Любовь Корниловна, Егора же Ивановича не было дома.

— Пойдемте, я познакомлю васъ съ моими дочерьми, Александрой и Вѣрой, сына одного вы уже видѣли, онъ съ вами вошелъ. А гдѣ Володя и Николаша?—обратилась она къ Константину.

— Мы тамъ, мама, въ бабки играемъ,—отвѣчалъ онъ простодушно.

Могъ ли я думать тогда, что этотъ мальчикъ съ бабкою въ рукахъ будетъ скоро крупная извѣстность и слава русской живописи.

— Какъ тебѣ не стыдно, Костя,—сказала мать:—ты такой большой мальчикъ и въ бабки съ мальчишками играешь.

— А что же, мамаша,—отвѣчалъ онъ:—это упражняетъ руку и глазъ, это очень полезно.

И дѣйствительно, онъ нашелъ очень хорошее оправданіе, если оно тутъ было нужно. Я пожалъ руку мальчику и, пожелавъ ему успѣха въ игрѣ, пошелъ за Любовью Корниловной на женскую половину ихъ квартиры. Обѣихъ дѣвочекъ я засталъ за какой-то работой, кажется, за вышиваніемъ. Онѣ привстали при моемъ появленіи, и мамаша насъ познакомила. Старшая, Сашенька, была такая же симпатичная, какъ и они всѣ, и походила на мать, у младшей же сохранились всѣ черты лица отца. Скоро пришелъ и Егоръ Ивановичъ; лицо его привѣтливо улыбалось.

— Ну, что, батюшка,—началъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—насмотрѣлись на нашу Бѣлокаменную?—и старикъ былъ доволенъ высказаннымъ мною чувствомъ восторга отъ того, что только въ Москвѣ я почувствовалъ себя настоящимъ русскимъ. Любовь Корниловна тѣмъ временемъ собрала намъ обѣдъ и дѣйствительно угостила на славу по-московскому, такъ что я еле всталъ изъ-за стола и поплелся за хозяиномъ дома разсматривать его рѣдкости.

Для того, чтобы не утомляться, мы порѣшили осмотрѣть всю коллекцію по частямъ и въ нѣсколько разъ. Я началъ съ папки, въ которой хранились историческіе портреты довольно большого формата. Тутъ были и короли, и министры, кардиналы и разныя знаменитости прошлаго столѣтія и болѣе стараго времени и нѣсколько папъ, герцоговъ и монаховъ. Всѣ гравюры были превосходныя. Передъ моимъ уходомъ Егоръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, что я видѣлъ только часть его сокровищъ, наименѣе имъ цѣнимую, но что именно съ нея онъ началъ потому чтобы болѣе интересное оставить.

Вернувшись домой, я засталъ Рамазанова, который сидѣлъ за роялемъ и импровизировалъ; онъ звалъ меня осмотрѣть постройки храма Спасителя, для котораго онъ дѣлалъ нѣсколько барельефовъ. Рамазановъ, какъ и отецъ, жилъ въ домѣ Юшковской школы, а потому я часто видѣлся съ нимъ, онъ проводилъ у насъ почти каждый вечеръ, и иногда даже составлялись домашніе концерты, когда къ намъ пріѣзжала Любовь Корниловна Маковская, которая прекрасно владѣла своимъ густымъ контральто, и симпатичный творецъ многихъ русскихъ романсовъ Гурилевъ.

Рамазановъ, скульпторъ, по возвращеніи изъ Италіи принялъ мѣсто въ Юшковской школѣ преподавателя по скульптурѣ, и для него была построена нарочно мастерская, гдѣ онъ и лѣпилъ свои знаменитыя работы для храма Спасителя. Черезъ него я познакомился съ его отцомъ, директоромъ почты, и Константиномъ Булгаковымъ, интересовавшимъ меня своею оригинальностью и остроуміемъ. Графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ былъ въ это время наѣздомъ въ Москвѣ и, какъ знавшій хорошо Рамазанова, бывалъ нерѣдко и у насъ и у него.

Однажды мы съ графомъ зашли къ Булгакову и застали его дома. Съ перваго же шага въ его помѣщеніе проявляла себя оригинальность хозяина. Булгаковъ былъ извѣстный спортсменъ и даже самъ скакалъ за жокея на собственной лошади, бравшей не одинъ призъ въ своей жизни. Вотъ скелетъ этой-то лошади и стоялъ у одной изъ стѣнъ его комнаты. Скелетъ былъ облеченъ во всю свою сбрую съ сѣдломъ, а надъ нимъ на кронштейнѣ красовался кубокъ— призъ, ею полученный. Вся квартира была заставлена разными рѣдкостями и самой затѣйливою мебелью, а самъ хозяинъ засѣдалъ въ широкомъ креслѣ за огромнымъ письменнымъ столомъ, походившимъ на какой-то престолъ со свѣтильниками и множествомъ свѣчей. Когда онъ всталъ къ намъ навстрѣчу, то походилъ скорѣе на ксендза, съ полубритой головой и въ бѣломъ халатѣ съ капюшономъ, кончающимся длинною кистью. Стѣны его кабинета были до такой степени покрыты картинами и портретами разныхъ знаменитостей, что рѣшительно нельзя было видѣть, какого цвѣта были обои. Тутъ находились также всякаго рода сувениры, по-

священія и воспоминанія съ надписями, цѣлыми фразами и иногда стихами. Въ то время, когда графъ Соллогубъ и я входили, мы сразу не замѣтили двухъ пріятелей Булгакова, лежавшихъ на огромномъ диванѣ, скрывавшемся во мракѣ комнаты, если бы они не подали голоса, то мы бы ихъ такъ и не замѣтили.

Однажды Булгакова посѣтилъ Н. В. Гоголь и пресерьезно осматривалъ его коллекцію портретовъ и рисунковъ. Не замѣтя, что на диванѣ сидѣлъ какой-то важный генералъ, и къ тому же очень щепетильный, Гоголь долго стоялъ надъ диваномъ, разсматривая висѣвшую надъ нимъ картину, не замѣчая сидѣвшаго генерала, бѣсившагося отъ злобы на неделикатность какого-то обыкновеннаго смертнаго.

— Я замѣтилъ,—разсказывалъ Булгаковъ:—что Гоголь, не видя этого пѣтуха, осѣняетъ его своимъ длиннымъ носомъ, и сталъ ихъ представлять.—«Mon cher,—сказалъ я генералу, моему старому пріятелю,—je te presente la personne du célèbre Gogol—l'écrivain». Тогда надо было видѣть, какъ флегматически Гоголь опустилъ свой длинный носъ на моего бѣднаго генерала, побагровѣвшаго отъ такого неслыханнаго sans façon обращенія, и какъ они оба въ унисонъ промычали что-то вмѣсто привѣтствія.

Увидя насъ, Булгаковъ какъ будто началъ обѣдню.

— А! петербургскіе артисты,—сказалъ онъ протяжно,—милости просимъ,—и онъ простеръ обѣ руки, облеченныя въ бѣлые длинные рукава своего костюма, точно встрѣчалъ насъ благословеніемъ.

Вмѣсто отвѣта В. А. Соллогубъ посмотрѣлъ на него своимъ соннымъ взглядомъ и флегматически сказалъ:

— Давай водки и закусить!

— Ну, вотъ безъ исповѣди и за причастіе,—возразилъ хозяинъ:—а, впрочемъ, замѣчаніе твое мудро и всегда умѣстно.

— Особенно у тебя,—замѣтилъ Соллогубъ.

Булгаковъ захлопалъ въ ладоши, и будто изъ-подъ земли выросъ мальчикъ, одѣтый Наполеономъ Первымъ.

— Дары!—крикнулъ Булгаковъ, и мальчикъ исчезъ.

— Ну, господа,—продолжалъ онъ, обращаясь къ сидѣвшимъ на диванѣ:—надо ли васъ представить? А, впрочемъ, вотъ молодой сей художникъ, носящій доблестное имя своего отца Петра Ѳедоровича Соколова и собирающійся затмить его еще доблестнѣйшими подвигами.

Двое утопавшихъ на диванѣ слегка приподнялись, и онъ назвалъ ихъ:

— Столыпинъ и Трубецкой—столпы русскаго дворянства,—добавилъ Булгаковъ.

— Шутъ!—послышалось ему въ отвѣтъ съ оттоманки.

Распростившись съ Булгаковымъ, я обѣщался бывать у него и бывалъ довольно часто, такъ какъ у него всегда можно было встрѣтить ту или другую знаменитость по всѣмъ отраслямъ искусства, заѣзжавшую посмотрѣть на его дѣйствительно интересныя коллекціи, ему же я былъ обязанъ потерею моихъ иллюстрацій къ «Евгенію Онѣгину».

XI.

Большой театръ въ Москвѣ до пожара.—Двѣ соперницы.—Мертвая кошка на сценѣ.—Малый театръ.—Пожаръ.—Портретъ Пушкина, писанный Тропининымъ, и его исторія.—У Василія Андреевича Тропинина.—Назадъ въ Петербургъ.

Какъ до пожара, такъ и послѣ него, Большой театръ сохранилъ свой прежній обликъ, но зато внутри онъ совершенно преобразился. Скажу о томъ состояніи, въ которомъ я нашелъ этотъ театръ до его знаменитаго пожара. Въ это время московскій балетъ конкурировалъ съ петербургскимъ, а потому я рѣшилъ посмотрѣть его. Когда я вошелъ въ театръ, то первое, что поразило меня, это почти полное отсутствіе освѣщенія; всѣ проходы были въ совершенномъ мракѣ и наполнены какимъ-то вонючимъ чадомъ, такъ что въ первые моменты мнѣ казалось, будто я очутился гдѣ-то въ подземельѣ, а публика и капельдинеры походили на какихъ-то фантастическихъ обитателей этого подземнаго царства. Я положительно не могъ понять,отчего такой тяжелый воздухъ царилъ въ этихъ довольно широкихъ коридорахъ, но когда дошелъ до конца одного изъ нихъ, то вопросъ разрѣшился самъ собою, такъ какъ тамъ помѣщалась такъ называемая уборная, къ тому же весьма грязно содержимая. Огромный зрительный залъ также былъ тускло освѣщенъ, а обивка бортовъ ложъ и стульевъ была до отвращенія обтерта и грязна, такъ что къ Большому театру вполнѣ можно бы было примѣнить съ небольшимъ измѣненіемъ слова Скалозуба въ «Горе отъ ума»: «Пожаръ способствовалъ ему много къ украшенью...» Однако балетъ дѣйствительно оказался на высотѣ своей репутаціи, и славившаяся тогда Санковская была прелестная балерина. Она не могла называться красавицей, но зато неоспоримо обладала какъ мимическими, такъ и хореографическими талантами. У нея было много поклонниковъ, и когда пріѣхала изъ Петербурга фаворитка тамошняго директора Гедеонова, Андріанова, то въ Москвѣ образовались двѣ враждебныя партіи, завязавшія ожесточенную борьбу въ продолженіе всего времени ея дебютовъ, окончившуюся крупнымъ скандаломъ. Павелъ Булгаковъ, братъ того офицера Московскаго полка, который такъ ловко эксплоатировалъ доброту великаго князя Михаила Павловича, былъ до безумія влюбленъ въ Санковскую. Со дня появленія Андріановой онъ неутомимо собиралъ оппозиціонную партію и во главѣ ея громко свисталъ и шикалъ

несчастной балеринѣ. Наконецъ, когда партія, сочувствовавша этой артисткѣ, начала брать перевѣсъ, онъ рѣшилъ сдѣлать небывалый скандалъ.

Шла «Сатанилла», очень хорошій балетъ, отличавшійся своимъ мимическимъ отдѣленіемъ, прекрасно выполненнымъ. Декораціи и костюмы немного уступали въ роскоши петербургской сценѣ, но художественное исполненіе было безукоризненно. Кордебалетъ былъ настолько хорошъ, что легко могъ поспорить съ петербургскимъ своей молодостью, свѣжестью и стройнымъ выполненіемъ. Петербургская гастролерша была очаровательна и въ первомъ актѣ вызывала всеобщій восторгъ, только изъ партера и изъ нѣкоторыхъ ложъ были слышны свистки и раздавались крики:

— Андріанова—долой!

Булгаковъ, какъ ракъ красный, съ какимъ-то пакетомъ бѣгалъ по коридорамъ и собиралъ свою компанію. Въ темныхъ углахъ проходовъ произошли уже двѣ схватки, и это было замѣтно по разсыпаннымъ по полу цвѣтамъ и конфетамъ. Во время второго дѣйствія, при выходѣ Андріановой на сцену полетѣло нѣсколько букетовъ и вдругъ изъ литерной боковой ложи высунулась вся фигура Булгакова, рука котораго держала за хвостъ дохлую кошку. Вотъ кошка качнулась въ воздухѣ, сдѣлала нѣсколько сальтомортале и упала къ ногамъ оторопѣвшей балерины. Несчастная схватилась за голову и упала безъ чувствъ, занавѣсъ опустилась, и Андріанова уже больше не выходила и уѣхала въ Петербургъ.

Когда послѣдовало распоряженіе о высылкѣ Булгакова изъ столицы, онъ уже былъ по дорогѣ на Кавказъ, и исторія эта была оставлена безъ послѣдствій.

Малый театръ въ то время славился драматическими талантами, такими, какъ Самаринъ, Шумскій, Живокини. Садовскаго еще не было, но по Москвѣ о немъ ходили уже слухи, какъ объ интересномъ разсказчикѣ и импровизаторѣ цѣлыхъ сценъ, полныхъ комизма и остроумія. Наконецъ на него было обращено вниманіе, и онъ былъ приглашенъ дирекціей войти въ составъ императорской труппы. Впервые этотъ талантливый артистъ читалъ свои импровизаціи въ домѣ живописца Рибуса, жившаго на Садовой, у Сухаревой башни, тамъ я его и слыхалъ. Щепкинъ пріѣзжалъ лишь наѣздомъ, но съ этимъ маститымъ артистомъ я познакомился гораздо позднѣе и бывалъ въ его семействѣ. Я даже нарисовалъ съ него три портрета, изобразивъ его въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ явился передъ парижской публикой. Эти портреты были предназначены для альбома, поднесеннаго знаменитой французской актрисѣ Рашель при пріѣздѣ ея въ Москву.

Въ Маломъ театрѣ я смотрѣлъ «Материнское благословеніе» («La nouvelle Fanchon»), которую уже видѣлъ въ Петербургѣ, на французской сценѣ. Первую роль тогда играла молодая актриса

изъ театральной школы Лебедева и сыграла ее очень хорошо. Былъ также очень хорошъ извѣстный актеръ Ленскій, игравшій умно и съ большимъ и вѣрнымъ выраженіемъ. Другой разъ я смотрѣлъ «Донъ Цезарь де-Базана», въ которой мнѣ очень понравился Самаринъ. Но это все были пьесы переводныя, которыя не сходили съ репертуара Малаго театра, и я дожидалъ случая посмотрѣть оригинальную русскую пьесу. Наконецъ я дождался: давали «Ревизора»; городничаго игралъ М. С. Щепкинъ, и нечего говорить, что онъ былъ хорошъ и типиченъ, но я уже видѣлъ въ этой роли И. И. Сосницкаго, и если позволю себѣ сравнить этихъ двухъ первоклассныхъ артистовъ, то второй имѣлъ, на мой взглядъ, преимущества чисто физическія.

Щепкинъ показался мнѣ слишкомъ малъ ростомъ, что также вредило ему при исполненіи роли Фамусова, но несравненно меньше, чѣмъ въ «Ревизорѣ». Вообще драматическій персоналъ въ Москвѣ былъ безукоризненъ. Самый театръ отличался своею уютностью. Люстра со стороны зрителей была заслонена небольшими щитками изъ зеленой тафты, что хотя и было пріятно для глазъ, но дѣлало эту половину зала черезчуръ темной. Театръ содержался чисто и былъ достаточно освѣщенъ въ проходахъ и напоминалъ собою Михайловскій въ Петербургѣ, какимъ онъ былъ до перестройки.

Маскарады въ Москвѣ устраивались въ Большомъ театрѣ и славились своимъ безобразіемъ и распущенностью, съ которою держала себя публика. Танцы происходили не только въ большомъ залѣ, но и въ комнатахъ, расположенныхъ вокругъ театра, и представляли собою сплошной канканъ самаго безобразнаго свойства, а собиравшаяся кругомъ толпа, именно толпа, а не публика, крикомъ и смѣхомъ подзадоривала пьяныхъ плясуновъ. Я видѣлъ, какъ нѣсколько мужчинъ въ какихъ-то невозможныхъ костюмахъ, присосѣдившись съ боку припеку въ кадрили, выдѣлывали такія колѣна, что положительно хотѣлось плюнуть и уйти, что я и исполнилъ.

Въ залѣ Дворянскаго собранія было немного лучше, но все же ни одного маскарада не обходилось безъ болѣе или менѣе крупнаго инцидента—ужъ такое было тогда время.

Я спокойно пилъ свой утренній чай, какъ вдругъ вбѣгаетъ наша служанка съ крикомъ:

— Большой театръ горитъ.

Было одиннадцать часовъ, когда я вышелъ изъ дому и скорыми шагами спѣшилъ по Кузнецкому мосту, къ мѣсту пожара. Огромная туча дыма покрывала почти все видимое надъ головами небо и покрывала улицы какимъ-то зловѣщимъ мракомъ. Цѣлыя массы народа бѣжали и двигались вмѣстѣ съ нами по направленію къ мѣсту, на которомъ пылалъ огромный костеръ, откуда, точно ракеты, вылетали цѣлые снопы горящихъ обломковъ, пронизывая клубы

чернаго дыма и окрашивая ихъ контуры ярко-огненнымъ блескомъ. Зрѣлище было поистинѣ величественное, и казалось, что Божественная кара послана этому мѣсту въ наказаніе за тѣ безчинства, которыя тамъ совершались. Въ ту самую минуту, когда я огибалъ послѣдній уголъ улицы и уже ясно видѣлъ весь театръ, произошло нѣчто настолько необычайное, что я, хотя и бѣжалъ, но вдругъ остановился, какъ вкопанный, и замеръ отъ ужаса и восхищенія. Весь куполъ крыши со всѣмъ потолкомъ и стропилами вдругъ обрушился въ глубину арены и сверкающія массы огня и дыма вмѣстѣ съ обломками горящаго дерева ринулись изо всѣхъ оконъ и отверстій, и казалось, что нѣсколько рядовъ пушекъ, разставленныхъ на какомъ-то колоссальномъ кораблѣ, вдругъ дали дружный всесокрушающій залпъ. Трескъ и шумъ, произошедшіе отъ этого обвала, слились въ общій гулъ, еще болѣе реализируя упомянутую картину. Огонь на мгновеніе потухъ, придавленный свалившеюся крышей, но вдругъ, какъ бы почуя свободный выходъ къ небу, съ зловѣщимъ блескомъ охватилъ все зданіе, и его яркіе языки какъ бы обвивали весь театръ, упиваясь своею разрушительной работой. Въ первый и единственный разъ въ жизни я видѣлъ такую величественную картину разрушенія и невольно сравнивалъ ее съ «Послѣднимъ днемъ Помпеи»—нѣтъ, зрѣлище, бывшее передо мною, было настолько внушительно, что для дополненія его величія не требовалось никакихъ эпизодовъ, долженствующихъ олицетворять страхъ и отчаяніе. Къ тому же весь ужасъ этой катастрофы былъ не столько въ пожарѣ, а въ томъ, что подъ провалившимся потолкомъ были помѣщенія, въ которыхъ ютились служащіе при театрѣ съ ихъ семьями, не успѣвшіе во-время выйти изъ своихъ квартиръ и погибшіе, какъ говорили, въ огнѣ. Вотъ въ чемъ былъ главный ужасъ, не требующій никакихъ позъ, ни эффектнаго освѣщенія для того, чтобы возбудить чувство состраданія въ самомъ зачерствѣломъ сердцѣ.

Протискиваясь черезъ густую толпу, я вышелъ на площадь театра, и здѣсь мнѣ представилась картина уже другого характера, очень интересная по своей оживленности: пожарные, со свойственнымъ имъ самоотверженіемъ, употребляли всѣ усилія, чтобы приблизиться къ адскому костру со своими брандспойтами и лѣстницами, но это было почти невозможно, жаръ былъ настолько силенъ, что у многихъ смѣльчаковъ, близко подходившихъ къ горящему зданію, были опалены волосы и дымилась одежда.

Вдругъ кто-то схватилъ меня за руку, я обернулся и увидѣлъ графа Алексѣя Павловича Бобринскаго.

— Пойдемте, пойдемте скорѣе туда,—указывалъ онъ мнѣ на лѣвую сторону площади:—вы увидите нѣчто необычайное.

Мы поспѣшили туда. Около деревяннаго сарая, въ которомъ хранились разныя машины и механическія приспособленія для

полетовъ и т. п., собралась большая толпа. Сарай уже начиналъ загораться, и пожарные спѣшили выдвинуть и выкатить хранившіяся въ немъ бутафорскія вещи. Вдругъ я увидѣлъ движущуюся на насъ странную группу: олени, собаки, вепри, охотники съ мѣдными трубами, мчались довольно быстро на площадь, и передъ ними разступалась озадаченная толпа народа. Это была приведенная въ движеніе посредствомъ своего механическаго способа фантастическая охота изъ «Фрейшюца» 3-го акта. Зрѣлище было до крайности комично, но общее бѣдствіе было настолько сильно, что никто даже не улыбался, тѣмъ болѣе, что вниманіе всѣхъ было отвлечено совсѣмъ въ другую сторону, гдѣ разыгрывалась поистинѣ ужасная трагедія, которой я былъ полнымъ очевидцемъ.

Когда пламя еще сильно работало въ противоположномъ концѣ театра, а пожарные только заботились о томъ, чтобы огонь не распространился на ближайшіе городскіе дома, вдругъ на краю крыши театра, уцѣлѣвшей отъ провала и выходящей на площадь, появилась фигура уже обгорѣлаго человѣка, метавшагося надъ карнизомъ въ состояніи, близкомъ къ сумасшествію. Криковъ его о помощи слышно не было за общимъ шумомъ, но по его жестамъ, полнымъ отчаянія, было видно, что онъ молилъ о спасеніи. Онъ то появлялся, то снова исчезалъ въ дыму. Сердце обливалось кровью при видѣ этой картины. Вдругъ по уцѣлѣвшей желѣзной дождевой трубѣ я увидѣлъ ползущаго по ней человѣка, и было замѣтно, какъ этотъ человѣкъ, обжигаясь о накалившуюся трубу, отдергивалъ руки и вдругъ, сорвавъ съ шеи повязанный на ней шарфъ, сталъ подкладывать подъ ту руку, которой прикасался къ трубѣ. Съ неимовѣрными усиліями онъ наконецъ достигъ карниза и за верхній прикрѣпъ трубы привязалъ конецъ обматывавшаго его талію каната. Въ то же время, извѣщенный криками и знаками толпы, погибающій бросается къ своему спасителю и со смѣлостью, только присущей погибающему, садится на плечи къ взобравшемуся, и они оба при радостныхъ крикахъ толпы спускаются по канату... Мы съ Бобринскимъ неистово апплодировали молодцу-кровельщику, совершившему такой беззавѣтный рыцарскій подвигъ.

Однако мой отпускъ и каникулы оканчивались, и предстояло подумать объ обратномъ путешествіи въ сѣверную столицу; но вскорѣ я успокоился и благодарилъ Бога, что случай мнѣ далъ возможность избѣжать вторичнаго путешествія въ мальпостной каретѣ. Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ уѣзжалъ черезъ нѣсколько дней и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ удобномъ и покойномъ его экипажѣ, и вотъ я спѣшилъ теперь потолкаться еще въ Москвѣ и досмотрѣть всѣ ея достопримѣчательности. Однажды, проходя мимо Сухаревой башни во время торга и толкаясь между рядами, я увидѣлъ столъ съ разными бездѣлушками изъ мрамора. Около него стояла женщина и усиленно предлагала публикѣ

свой товаръ. Я подошелъ и остановился на прессъ-папье, изображавшемъ собою небольшую змѣйку.

— А у меня, баринъ, и картины продаются,—замѣтила мнѣ женщина, завертывая покупку, какъ бы угадывая во мнѣ художника; у этого типа купцовъ ужасно вѣрный нюхъ на то, кому и что предложить.—Заходи ко мнѣ, можетъ, что и выберешь,—и она дала мнѣ свой адресъ.

Конечно, я не замедлилъ побывать въ складѣ этой торговки. Когда я вошелъ въ ея квартиру, то дѣйствительно увидѣлъ двѣ комнаты, стѣны которыхъ были сплошь завѣшаны разными картинами въ старыхъ поломанныхъ рамкахъ или вовсе безъ нихъ, гравюры и другія художественныя произведенія. Большая часть ихъ была попросту мазня и представляла собою грубыя копіи, развѣ годившіяся лишь для трактировъ. Пересматривая эти произведенія, мой взоръ вдругъ остановился на темномъ квадратѣ, на которомъ я все же различалъ и не безъ волненія, дорогія моему сердцу черты моего сокровеннаго божества, поэта Александра Сергѣевича Пушкина, но не того, что я уже видѣлъ, писаннаго Кипренскимъ и гравированнаго Уткинымъ,—этотъ былъ въ другомъ родѣ. Портретъ этотъ висѣлъ такъ высоко и былъ покрытъ такимъ густымъ слоемъ пыли и копоти, что еле можно было различить обликъ лица, и только ясно виднѣлась въ лѣвомъ его углу правая рука съ большимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ, которая держала раскрытую книгу. Я овладѣлъ собою, стараясь не выдать своего волненія, и довольно равнодушно спросилъ продавщицу о висѣвшей рядомъ съ нимъ какой-то старушкѣ и только затѣмъ сказалъ, указывая на интересовавшій меня портретъ:

— Ну, а это что за пластырь?

— Да это, батюшка, портретъ какого-то сочинителя, это мнѣ такъ говорили, а Богъ его знаетъ, кто онъ такой,—сказала она.

— А что ты за него хочешь?

— Да красненькую пожалуйте,—спросила торговка.

— За что это?—сказалъ я:—да вѣдь портретъ-то и безъ рамы.

— Да я вамъ и рамочку могу къ нему дать, вѣдь онъ у меня то въ рамкѣ былъ.

— Ну, да и безъ рамки сойдетъ, два рубля желаешь?—торговался я.

— Ахъ, что вы,—возмутилась старуха: вѣдь онъ только запачкался, а на немъ ни дырочки нѣтъ, цѣлехонекъ, вотъ я вамъ его съ лѣвой стороны покажу, сами увидите, что новехонькій. Пять рублей за него безъ грѣха можно взять, да и сочинитель-то, что на немъ, вишь, извѣстный какой-то, сказывали мнѣ,—значительно добавила торговка.

У меня всего было съ собою 4 рубля, и я ей предложилъ три. Торговка согласилась, сняла со стѣны мою покупку, обмахнула пыль, завернула въ два листа газетной бумаги, и я, схвативъ свое

сокровище, пустился во всю прыть домой, не слыша, какъ говорится, подъ собою ногъ.

Тщательно вымывъ картину въ нѣсколькихъ водахъ, я увидѣлъ прекрасно сохранившіяся краски очень хорошей живописи, пріемы которой мнѣ были знакомы, но я все еще не могъ вспомнить, чьи они именно были. Вдругъ я припомнилъ, что здѣсь въ Москвѣ дѣлалъ портретъ съ Пушкина Василій Андреевичъ Тропининъ, и я вдругъ узналъ въ этой работѣ его манеру писать, но почему же не было на этомъ портретѣ ни монограммы, ни надписи. Теряясь въ догадкахъ, я легъ спать съ намѣреніемъ рано утромъ отправиться къ самому Тропинину.

Было еще половина восьмого, когда я уже выходилъ изъ дому и направлялся съ своей покупкой къ Тропинину, жившему недалеко отъ дворцоваго дома. Мальчикъ-слуга, отворившій мнѣ дверь, сказалъ, что господа въ третьей комнатѣ, и безпрепятственно пропустилъ меня въ квартиру. Подобный патріархальный пріемъ мнѣ очень понравился, и я прямо пошелъ по указанію слуги. Пройдя два довольно большихъ покоя, я вошелъ въ третій въ одно окно и остановился отъ изумленія отъ открывшейся предо мною картины. На корточкахъ двое старичковъ супруговъ Тропининыхъ сидѣли передъ большимъ мѣднымъ тазомъ, въ которомъ, какъ говорится, кишмя-кишѣли тараканы, огромные русскіе кацапы. Это происходило ихъ кормленіе. Старикъ и старуха сыпали туда какую-то кашу и съ необыкновеннымъ сосредоточеніемъ слѣдили за движеніемъ этой груды насѣкомыхъ. Василій Андреевичъ, услышавъ мой приходъ, обернулъ только ко мнѣ свою голову и вотъ въ такомъ поворотѣ и хотѣлось бы изобразить его, такъ онъ былъ милъ и типиченъ.

— Что, батюшка, вамъ угодно?—спросилъ онъ, продолжая свое занятіе, совершенно спокойнымъ голосомъ, какъ будто дѣло было совсѣмъ обыкновенное и возня его съ тараканами и мое появленіе сюда безъ доклада.

Я назвалъ себя и прибавилъ, что имѣю ему показать что-то. Кряхтя приподнялся старикъ и, позвавъ мальчугана, встрѣтившаго меня въ передней, приказалъ подать ему полотенце.

— Такъ вы, значитъ, Петра Ѳедоровича сынъ?—сказалъ онъ, вытирая руки:—радъ познакомиться, прошу покорно въ свѣтлицу,— и онъ указалъ мнѣ обратный путь, которымъ я вошелъ въ эту комнату. Усѣвшись въ большое, глубокое кресло и предложивъ мнѣ стулъ, старикъ улыбнулся и обратился ко мнѣ:

— Вы, чай, нѣсколько удивлены, найдя меня за такимъ занятіемъ. Мы, знаете, со старухой давно соблюдаемъ этотъ старинный обычай. Насѣкомое безобидное, а имѣетъ все же вліяніе на судьбу человѣка: гдѣ оно водится, тамъ деньги и счастіе тоже не переводятся. А умное насѣкомое тараканъ. Какъ 8 часовъ, такъ и собираются къ намъ въ эту самую комнату, какъ по сигналу; наѣдятся,

напьются и на покой, и не видать ихъ больше до слѣдующаго утра, не безпокоятъ... Что это такое вы ко мнѣ принесли?—спросилъ Тропининъ, увидя портретъ, который я освободилъ отъ бумаги.

— А вотъ видите ли, Василій Андреевичъ,—сказалъ я:—вотъ, по-моему, этотъ портретъ вашей работы, а такъ какъ на немъ ни надписи, ни монограммы я не нашелъ, то и рѣшилъ побезпокоить васъ разъяснить мое предположеніе.

— Давайте, давайте, любопытно,—оживился старикъ:—я, кажется, на всѣхъ своихъ работахъ всегда ставилъ подпись или монограммы,—и вдругъ, пристально всмотрѣвшись въ картину, онъ воскликнулъ:

— Опять онъ ко мнѣ пожаловалъ!

Я былъ крайне удивленъ этимъ восклицаніемъ и переспросилъ Василія Андреевича, его ли это работа.

— Нѣтъ, не моя,—сказалъ онъ:—но не знай я, какъ вы мнѣ уже сказали, что на ней нѣтъ моей монограммы, я бы и самъ этотъ портретъ принялъ бы за свою работу, такъ отлично онъ здѣсь подкопированъ.

— Такъ кто же писалъ эту копію?—спросилъ я.

— А это цѣлая исторія.

И Тропининъ, принявъ удобную позу, началъ посвящать меня въ таинственное происхожденіе этого портрета, интересное потому, что и потомъ онъ былъ не разъ принимаемъ за настоящій тропининскій и даже, кажется, и теперь сходитъ за него.

— Въ то время,—началъ старикъ,—когда покойный нашъ поэтъ Александръ Сергѣевичъ пріѣзжалъ къ намъ въ Москву, онъ часто останавливался у Базилевскаго и подолгу у него гащивалъ; вотъ послѣдній и обратился ко мнѣ съ просьбой написать портретъ великаго поэта. Долго не соглашался Александръ Сергѣевичъ просидѣть на натурѣ, не по его живому характеру было это испытаніе, но наконецъ онъ согласился, и я приступилъ къ работѣ. Портретъ писался въ домѣ Базилевскаго, на Зубовскомъ бульварѣ. Въ это же время у Базилевскаго жилъ его пріятель, бывшій сосѣдъ его по имѣнію, въ конецъ разорившійся и принятый имъ, какъ родной братъ. Фамиліи его я вамъ не назову, онъ уже умеръ, да и человѣкъ-то онъ былъ очень хорошій, только безалаберный такой и если дѣлалъ вредъ, такъ только самому себѣ. Человѣкъ онъ былъ образованный, начитанный и съ большимъ дарованіемъ копировать картины, чего достигъ самоучкой. Вотъ эту копію онъ и началъ дѣлать съ самаго моего перваго сеанса. Какъ только, бывало, я уйду, онъ и засядетъ повторить то, что я сдѣлалъ, и такъ это онъ продолжалъ до самаго конца моего оригинала. Потому-то его копія и вышла такъ поразительно вѣрна. Моя работа была доведена до половины, какъ вдругъ Базилевскій задумалъ поѣхать за границу, оставивъ Пушкина хозяйничать въ своемъ домѣ. Базилевскій очень любилъ

этого копировщика, т.-е. своего-то пріятеля, и часто, подтрунивая надъ нимъ, говорилъ:

— Какой ты художникъ, мазилка ты, никогда ты ничего хорошаго не напишешь и вся цѣна-то тебѣ грошъ.

Хотя все это говорилось и по-дружески, но все же не могло не оставить слѣдовъ на самолюбіи талантливаго рисовальщика, и вотъ онъ ожидалъ удобнаго случая вымѣстить ему за нанесенныя обиды его артистическому самолюбію. Случай этотъ скоро представился. Портретъ мой былъ почти готовъ, и оставалась лишь отдѣлка въ платьѣ и другихъ аксессуарахъ, но Александру Сергѣевичу понадобилось ѣхать въ Петербургъ, и онъ уѣхалъ. Вдругъ копировщикъ нашъ получаетъ письмо изъ Парижа отъ Базилевскаго, что разъ портретъ уже оконченъ, то немедленно его переслать къ нему. Закончивъ свою работу, я поставилъ въ грунтѣ, какъ обыкновенно дѣлалъ, штилькомъ по сырому двѣ свои буквы «В. Т.» и сдалъ портретъ копировщику, но тотъ не отправилъ его въ Парижъ, а послалъ туда свою копію, конечно, думая потомъ объяснить свою шутку, да не судилъ ему, видно, Господь исполнить это, холера, господствовавшая въ тотъ годъ, скосила и его, такъ и унесъ онъ съ собой эту тайну. Получаетъ въ Парижѣ копію съ моего портрета Базилевскій, заказалъ для нея дорогую раму и выставилъ на парадномъ мѣстѣ. Вся парижская знать перебывала у него и заговорили газеты о знаменитомъ портретѣ великаго поэта, находя его безподобнымъ, и превозносили мое имя, какъ создавшаго его.

Только много прошло времени съ тѣхъ поръ, и Базилевскій все жилъ въ Парижѣ и не думалъ о возвращеніи на родину; но вотъ, наконецъ, онъ написалъ своему управляющему письмо, въ которомъ требовалъ капитальнаго ремонта дома, такъ какъ собирался на зиму домой. Во время этихъ работъ вещи всѣ выносились изъ дому, и въ комнатѣ покойнаго копировщика былъ найденъ портретъ Пушкина, писанный мною. По невѣжеству своему, дворецкій свалилъ все въ одну кучу, а затѣмъ имущество покойнаго, за неимѣніемъ на него претендентовъ, было расхищено и распродано домовой прислугой, а вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и портретъ. Наконецъ возвратился изъ-за границы и Базилевскій и поселился во вновь отдѣланномъ домѣ, и въ его кабинетѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, въ роскошной золоченой рамѣ появился портретъ, т.-е. копія моего портрета А. С. Пушкина, писанная тѣмъ самымъ копировщикомъ.

Стали собираться у Базилевскаго его пріятели, а въ числѣ ихъ пріѣхалъ разъ и извѣстный Фроловъ. Увидѣлъ онъ портретъ поэта и воскликнулъ:

— А! и у тебя есть этотъ портретъ?

— Какъ и у меня?—остолбенѣлъ Базилевскій:—мнѣ нравится это «и»! Только онъ у меня и можетъ быть, потому что Василій Андреевичъ Тропининъ по моему заказу мнѣ его и писалъ.

— Ну, ужъ извини, мой другъ,—замѣтилъ Фроловъ:—я на дняхъ видѣлъ оригиналъ у Волкова въ галереѣ, я самъ видѣлъ и подпись «В. Т.».

Стали они оба осматривать портретъ, а подписи-то и не разыскали. Базилевскій побагровѣлъ отъ бѣшенства.

— Человѣкъ, лошадь!—закричалъ онъ и поѣхалъ сейчасъ же въ магазинъ къ Волкову, у котораго и увидѣлъ портретъ Пушкина—ну, двѣ капли воды съ тѣмъ, что висѣлъ у него въ кабинетѣ. Волковъ зналъ Базилевскаго и довѣрилъ ему на нѣкоторое время картину, а тотъ и явился ко мнѣ съ обоими портретами, да и говоритъ:

— Потрудитесь объяснить, Василій Андреевичъ, какимъ образомъ послѣ того, что я вамъ заказалъ написать одинъ портретъ съ Пушкина, ихъ оказалось два и при томъ совершенно одинаковые.

Тутъ я, конечно, и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, но не сразу все же отличилъ мой портретъ отъ копіи и, къ счастью, что копировщикъ упустилъ только буквы поставить мои, а то бы вмѣсто одного явилось бы два мои портрета, и я былъ бы въ глупомъ положеніи, такъ какъ безусловно не могъ бы разобрать, который изъ нихъ мой. Базилевскій, конечно, купилъ эту картину у Волкова, а копію съ него кому-то продалъ или подарилъ, не знаю, а затѣмъ она, вѣроятно, и попала къ вашей торговкѣ. Этотъ портретъ великолѣпенъ,—замѣтилъ старикъ,—и ничуть не хуже моего,—вы сдѣлали прекрасное пріобрѣтеніе.

Поблагодаривъ Василія Андреевича, я отправился домой и, никому не говоря объ этой исторіи, уложилъ картину вмѣстѣ со своими дорожными вещами. На слѣдующій день заѣхалъ за мной графъ Владиміръ Андреевичъ Соллогубъ, и мы въ его прекрасномъ экипажѣ, увлекаемые четверкой сытыхъ лошадей, покатили обратно въ Сѣверную столицу.

Мы ѣхали съ бо́льшимъ комфортомъ, чѣмъ въ мальпостной каретѣ, и я положительно отдыхалъ во время этого пути. Проѣзжая черезъ уѣздные города, я напомнилъ Владиміру Александровичу удачную характеристику, данную имъ русскому уѣздному городу въ своей повѣсти «Тарантасъ».

— Застава-заборъ-заборъ-кабакъ-заборъ-заборъ-управа-заборъ-заборъ-соборъ-заборъ-заборъ-кабакъ-заборъ-заборъ-застава, — продекламировалъ я.

— А, вы это запомнили,—сказалъ графъ, смѣясь.

— Да, и охотно,—замѣтилъ я:—а вотъ еще я запомнилъ два слова, которыя до васъ еще никто не догадался сказать, а именно, гдѣ вы, говоря про русскія церкви, называете ихъ: «благодарная роскошь русскаго народа»...

Но тутъ графъ перебилъ меня и разразился цѣлымъ монологомъ, который я запомнилъ отъ слова до слова и записалъ его.

— Да,—сказалъ онъ,—этакой-то бѣднякъ, какъ нашъ мужичокъ, котораго лѣнивый только не обираетъ, тоже, вѣдь, «жертвуетъ на Бога», какъ онъ выражается. Положимъ, что его копеечка составляетъ небольшую часть тѣхъ капиталовъ, которые истрачиваются на эти постройки, но все же много-много кровавой мужицкой копейки идетъ на постройки этихъ храмовъ. Большая же ихъ часть пополняется пожертвованіями тщеславія купца, имѣющаго въ виду полученіе медали, или ханжи-міроѣда, мнящаго подкупить самого Бога, а то и административнаго распорядителя, намѣревающагося погрѣть руки около такого горячаго дѣла; но принципъ и его послѣдствія все-таки хороши, и роскошь эта, хотя и непроизводительная и которую Христосъ вовсе не проповѣдывалъ, все-таки гораздо почтеннѣе той, которая просто-таки разорительна и возбуждаетъ только одну зависть и самые дурные инстинкты. Какой-нибудь жидъ-банкиръ разводитъ ее, какъ паукъ свою паутину, въ которую летятъ глупыя мухи. Наконецъ, такъ какъ мужикъ лишенъ нравственнаго развитія, то для простой его души Божій домъ есть единственное мѣсто, гдѣ она находитъ безсознательный отзвукъ поэтическаго ея элемента...

И вотъ, разсуждая на эту тему, мы подъѣхали къ Старому Новгороду, а вскорѣ уже нашъ дормезъ въѣзжалъ въ знакомыя мнѣ улицы родного Петербурга.

Мы распрощались съ графомъ, и онъ взялъ съ меня слово непремѣнно попрежнему посѣщать его. Дорога сближаетъ даже иногда совершенно чужихъ людей, невольно какъ-то познаешь другъ друга, обмѣниваешься мыслями, откровенничаешь и очень скоро начинаешь понимать своего спутника. Вотъ и со мною по отношенію къ графу случилось то же самое. Послѣ этой поѣздки мы какъ-то особенно сблизились, сдружились, и я почувствовалъ потребность все чаще и чаще быть въ его миломъ обществѣ.

П. П. Соколовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА [1].

XII.

Смерть г-жи Оомъ.—Новая начальница г-жа Дараганъ.—Художники Петровскій и Стрѣлковскій.—Портретъ Подключникова и самъ оригиналъ.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ трехмѣсячнаго моего пребыванія въ Москвѣ наружность моя сильно измѣнилась, я возмужалъ, загорѣлъ. Усы и борода значительно отросли, но, къ сожалѣнію, я волей-неволей долженъ былъ съ ними разстаться. Въ то время, которое я описываю, ношеніе усовъ и бороды не пріобрѣло еще никакихъ правъ гражданства, даже у военныхъ, а нечего говорить про чиновниковъ, которымъ ношеніе ихъ вовсе запрещалось. Я заѣхалъ къ куаферу, съ грустью оставилъ у него украшеніе моего лица и даже не захотѣлъ посмотрѣться въ зеркало, надѣлъ цилиндръ и отправился въ институтъ къ директрисѣ. Пока дѣвушка докладывала о моемъ приходѣ, я вошелъ въ гостиную и очутился передъ большимъ трюмо, висѣвшимъ на противоположномъ концѣ комнаты. Заглянувъ въ него, я даже не узналъ себя въ своемъ обезображенномъ видѣ; мнѣ показалось, что навстрѣчу мнѣ шелъ сынъ начальницы Ѳедоръ Адольфовичъ Оомъ[2]), фигурою очень походившій на меня; я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ зеркалу и сразу остановился, понявъ свою ошибку, только подойдя совершенно

[1]) Продолженіе, см. «Истор. Вѣстникъ», т. CXXI, стр. 764.

[2]) Ф. А. Оомъ впослѣдствіи былъ очень близокъ къ императору Александру II.

къ нему. Вдругъ за моей спиной раздался веселый и громкій смѣхъ, и я увидалъ стоящаго за мной Ѳедора Адольфовича, вошедшаго въ тотъ моментъ, когда я быстро подходилъ къ зеркалу.

— Что это вы здѣсь продѣлываете, m-eur Соколовъ?—пожимая мнѣ руку, сказалъ онъ:—ужъ не генеральная ли это репетиція представленія своей начальницѣ? Но, къ сожалѣнію, мама принять васъ не можетъ: она очень нездорова и лежитъ въ постели уже вторую недѣлю.

Разговаривая, мы ходили взадъ и впередъ по гостиной, и я съ ужасомъ посматривалъ въ зеркало, когда въ немъ отражалась моя безусая физіономія; мальчишка не мальчишка, а какой-то лакей или придворный ловчій вмѣсто меня появлялся въ зеркалѣ, и я пришелъ къ заключенію, что борода и усы должны составлять принадлежность наружности всякаго мужчины, какъ коса женщины. Такіе великіе герои, какъ Юлій Цезарь, Наполеонъ Бонапартъ, всегда меня огорчали видомъ своихъ бритыхъ лицъ. Ну, а нашъ знаменитый воинъ Суворовъ, ну, не похожъ ли онъ былъ на какую-то закостюмированную въ военный мундиръ старуху? и если бы не его чудачества и великій геній его духа, ничто не спасло бы его отъ смѣшного. А Мольтке, развѣ это не переодѣтая старуха? И я теперь вспоминаю, какъ однажды въ домѣ Толстого на одномъ изъ его оживленныхъ вечеровъ мнѣ пришлось ставить живыя картины, между которыми были и историческіе портреты. И вотъ, вздумавъ въ одной изъ рамъ поставить этого нѣмецкаго фельдмаршала, я принужденъ былъ упрашивать старую ключницу этого дома, Ѳедосью Лазареву, точь-въ-точь походившую на Мольтке, переодѣться въ германскій мундиръ и фигурировать въ качествѣ нѣмецкаго героя. Немалаго усилія и труда стоило уговорить старуху помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Да что ты, родименькій,—отбояривалась та:—ишь, что выдумалъ, чтобы я на старости лѣтъ-то въ бусурманскій мундиръ переряжалась. Ужъ ты, какъ хочешь, а я на себя такого сраму не приму.

Только усиленныя просьбы дочерей графа и увѣщеванія графини наконецъ заставили старуху поддаться моей просьбѣ и преобразиться въ нѣмецкаго фельдмаршала. Ворча и бранясь, съ недовольно-сердитымъ выраженіемъ лица, она стала въ раму, и такое выраженіе было какъ разъ подходящимъ къ этой картинѣ. Въ сѣрой шинели, синей фуражкѣ съ краснымъ околышемъ на головѣ, она была двѣ капли воды Мольтке, и когда открыли занавѣсъ, то аплодисментамъ и повтореніямъ не было конца.

Вторичное появленіе мое въ институтѣ было привѣтливо встрѣчено очаровательными ученицами моими, и не мало труда мнѣ стоило успокоить этотъ неподдѣльный порывъ веселости и радости при встрѣчѣ ими своего обожаемаго учителя. Во время перваго урока классъ посѣтилъ директоръ института баронъ Штакельбергъ, чело-

вѣкъ всѣми любимый и доброжелательный; онъ интересовался успѣхами моихъ ученицъ каждой въ отдѣльности, хвалилъ мое умѣніе развивать въ нихъ любовь къ рисованію и вообще своимъ посѣщеніемъ произвелъ и на меня, и на классъ пріятное впечатлѣніе. Инспекторъ Арсеньевъ, написавшій въ то время учебникъ географіи, былъ человѣкъ солидный, серьезно относившійся къ своимъ обязанностямъ, рѣдко вступавшій въ частные разговоры съ преподавателями и даже на юбилейныхъ обѣдахъ остававшійся почти безмолвнымъ. Этотъ человѣкъ очень хорошо относился ко мнѣ и, благодаря его заботамъ, я имѣлъ все необходимое для процвѣтанія моихъ уроковъ.

О болѣзни г-жи Оомъ ходили очень тревожные слухи, она, повидимому, угасала, а потому я не имѣлъ возможности бывать у нея въ домѣ. Наконецъ, въ одно утро пріѣхалъ ко мнѣ Ѳедоръ Адольфовичъ съ печальнымъ извѣстіемъ о ея кончинѣ; онъ горько плакалъ, сидя въ моей комнатѣ, и просилъ меня пріѣхать и нарисовать портретъ дорогой ему покойницы, лежавшей уже въ гробу. Съ нимъ вмѣстѣ я и отправился на квартиру покойной начальницы. Гробъ стоялъ на высокомъ катафалкѣ, окруженный большими подсвѣчниками, и сплошь заваленъ былъ цвѣтами. Въ такомъ видѣ я ее изобразилъ на рисункѣ. Черезъ два дня происходили очень пышныя похороны, на которыхъ присутствовалъ наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, весь институтъ и много высокопоставленныхъ лицъ, среди которыхъ имя госпожи Оомъ пользовалось большой популярностью и уваженіемъ. Его высочество пѣшкомъ сопровождалъ гробъ покойницы до самаго кладбища отъ лютеранской церкви Петра и Павла на Невскомъ, гдѣ происходило отпѣваніе. Весь институтъ облачился въ трауръ, классы на нѣкоторое время были закрыты, и всѣ находились въ ожиданіи назначенія новой директрисы. Наконецъ стало извѣстно, что на эту должность назначена генеральша Дараганъ, жена тульскаго военнаго губернатора, и, конечно, объ ней начали носиться разные сбивчивые слухи. Такъ, говорили, что она очень строга и взыскательна, за что и заслужила прозваніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раньше была начальницей, «Ураганъ», но что она была въ то же время глубоко образована и большого ума женщина. Съ пріѣздомъ ея распространившіеся слухи о ея строгости какъ будто бы и подтвердились; такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ ея появленія въ залахъ института былъ вывѣшенъ циркуляръ, гласившій, что всѣ преподаватели подвѣдомственнаго ей заведенія должны явиться въ общемъ собраніи въ конференцъ-залѣ для представленія ея превосходительству. Въ то время вещь эта была небывалая и впервые заведенная новой начальницей; обыкновенно директора и директрисы знакомились съ преподавателями, посѣщая уроки, и это замѣняло официальное представленіе. Всѣ учителя, кромѣ меня и музыкальнаго пре-

подавателя Леви, явились въ назначенный часъ и были встрѣчены цѣлымъ потокомъ краснорѣчія. Я нарочно не поѣхалъ, чтобы сразу испытать, до чего можетъ дойти самодурство новой Клеопатры; но на ней какъ будто бы оправдались стихи другого нашего баснописца: «Иной рычитъ, какъ звѣрь, а добръ. Тотъ ласковъ, а кусаетъ». На другой день послѣ этого представленія я давалъ два урока въ институтѣ и, воспользовавшись интерваломъ между ними, отправился къ новой начальницѣ на квартиру, которую раньше занимала г-жа Оомъ. Вышла она ко мнѣ съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ, съ осанкою не безъ нѣкотораго величія. Это была высокая и очень красивая женщина, лѣтъ подъ сорокъ, прекрасно сохранившаяся, наружностью невольно влекущая къ себѣ. Я поспѣшилъ представиться новой начальницѣ и извинился, что не могъ исполнить ея желанія, выраженнаго въ ея циркулярѣ. Она предложила мнѣ сѣсть и сама усѣлась въ кресло, и между нами затѣялся въ высшей степени интересный разговоръ о высокомъ значеніи искусства и его вліяніи на воспитаніе и образованіе. Тутъ она пригласила свою дочь и представила ее мнѣ; это была дѣвушка лѣтъ 18-ти поразительной красоты, которая обладала большими способностями къ рисованію и поступила въ число моихъ ученицъ.

— Вѣдь вы спеціально акварелистъ, какъ я слышала? И потому мнѣ не трудно будетъ усвоить ваши пріемы,—сказала она.

На это я ей отвѣтилъ, что хотя и унаслѣдовалъ методы моего отца, но, по моему понятію, трудность успѣха зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ одной только той или другой техники; рисованіе, какъ и музыка, напримѣръ, имѣетъ одни и тѣ же начала, для всѣхъ школъ одинаковыя. Затѣмъ мы заговорили объ итальянской оперѣ, о балетѣ и собраніяхъ, предстоящихъ въ этомъ сезонѣ, я разсказывалъ про Москву, въ которой недавно былъ, словомъ. изъ учителя рисованія превратился какъ бы въ стараго знакомаго, пріѣхавшаго съ визитомъ. Вышелъ я отъ новой начальницы, провожаемый улыбками и любезностями дружескаго тона и усиленно приглашаемый бывать у нихъ запросто. Такимъ образомъ, страшный звѣрь, какимъ представлялась мнѣ г-жа Дараганъ, оказался весьма любезнымъ и даже предупредительнымъ, такъ что мысль, мелькнувшая у меня о выходѣ въ отставку, такъ и осталась только мыслью. Я гдѣ-то потомъ къ какихъ-то запискахъ или воспоминаніяхъ, не помню, встрѣтилъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ памяти этой моей начальницы, и не могъ не возмутиться клеветами, которыми онѣ были переполнены. Г-жа Дараганъ, дѣйствительно, была требовательна, до пунктуальности аккуратна на службѣ, но притомъ добра, отзывчива на всѣ нужды своихъ подчиненныхъ и поистинѣ съ материнской любовью относилась къ воспитанницамъ института.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ я близко сошелся съ художникомъ Петровскимъ, не тѣмъ, что нарисовалъ «Агарь въ пустынѣ», а давшимъ себя замѣтить хорошо написаннымъ портретомъ съ одного изъ своихъ товарищей, за который и получилъ званіе свободнаго художника. Это былъ мой старый товарищъ по академіи, а потому я былъ очень радъ возобновить съ нимъ прежнее знакомство. По происхожденію своему онъ былъ малороссъ, но собственно хохлацкаго въ немъ ничего не было; онъ былъ большой неряха, но добрый весельчакъ и очень симпатичный. Первый разъ встрѣтился я съ нимъ на самыхъ верхахъ итальянской оперы, гдѣ онъ приходилъ, какъ говорится, въ телячій восторгъ, до такой степени усердно вызывалъ ту или другую знаменитость, что отбилъ себѣ ладоши и надорвалъ голосъ, да такъ, что съ тѣхъ поръ началъ хрипѣть. Москву онъ зналъ превосходно и сопровождалъ меня во всѣхъ экскурсіяхъ по ея окрестностямъ.

Кстати скажу еще объ одномъ художникѣ, съ которымъ я познакомился и который написалъ съ моего отца извѣстный портретъ. По происхожденію онъ былъ полякъ, родился въ Москвѣ и такъ обрусѣлъ, что польскаго въ немъ ничего не осталось. Онъ жилъ на Мясницкой, недалеко отъ Красныхъ воротъ, занимая небольшую квартирку въ 2 комнаты съ кухнею, въ которыхъ царили чистота и порядокъ, благодаря еще довольно молодой и красивой женщинѣ, находившейся при немъ въ такой должности, которая у французовъ называется «pour tout faire».

Въ Москвѣ Стрѣлковскій слылъ за прекраснаго миніатюриста и славился своею скупостью; такъ, напримѣръ, когда онъ садился играть въ карты и когда ему приходилось расплачиваться, онъ каждый разъ вынималъ одну и ту же сторублевую ассигнацію, а такъ какъ ее большею частью трудно было размѣнять, то онъ такъ и уходилъ не расплатившись. Какъ мой отецъ, часто игравшій съ нимъ, такъ и другіе всегда ему въ этихъ случаяхъ говорили: «Ну, ужъ оставимъ это до другого раза, какъ-нибудь отыграетесь». И онъ, дѣйствительно, отыгрывался.

Черезъ этихъ двухъ художниковъ я познакомился съ художникомъ и однимъ изъ первыхъ реставраторовъ, Николаемъ Ивановичемъ Подключниковымъ, который представлялъ собою такой интересный типъ бѣднаго художника той эпохи, что я не могу обойти его молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что его оригинальная фигура вызвала у меня желаніе написать съ него портретъ, за который академія присудила мнѣ званіе свободнаго художника, безъ поданнаго мною прошенія. Отецъ его былъ крѣпостной человѣкъ графа Шереметева, но да не будетъ это поставлено въ осужденіе, стоитъ только вспомнить, что знаменитый и даже маститый художникъ Василій Андреевичъ Тропининъ былъ самъ сначала крѣпостнымъ, и это не помѣшало ему сдѣлаться первоклассным художникомъ.

Подклюшниковъ былъ женатъ и жилъ со своимъ семействомъ въ одномъ изъ домиковъ селенія, окружающаго шереметевскій дворецъ въ Останкинѣ, подъ Москвою, и мы съ Петровскимъ попали туда въ самый расцвѣтъ лѣтней поры. Въ верхнемъ этажѣ небольшой избенки находились двѣ маленькія комнатки для спальни и дѣтской и въ то же время мастерской художника, тутъ-то и жило семейство Подклюшникова, который радостно встрѣтилъ насъ. Наружность его можно было назвать вполнѣ будничною; въ полиняломъ зеленоватомъ камлотовомъ сюртукѣ, безъ галстука, съ откинутымъ отъ потной рубашки воротничкомъ, съ коротко остриженными темными волосами, съ плохо выбритымъ подбородкомъ съ синимъ отливомъ и маленькими баками на щекахъ, какія носили при императорѣ Александрѣ I, онъ, въ довершеніе всего, ежеминутно указательнымъ пальцемъ звучно вытиралъ свой большой носъ и притомъ его маленькіе глаза суетливо бѣгали и моргали подъ густыми нависшими бровями.

Въ рукѣ своей Подклюшниковъ держалъ палитру, а корявыя его ноги были широко разставлены въ стороны. Вся фигура его до колѣнъ ярко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ полотна, и вотъ въ такомъ именно видѣ я его и изобразилъ въ то же лѣто на моемъ рисункѣ, на которомъ онъ вышелъ у меня, «какъ живой», по отзыву моего отца, заключенію котораго я не могъ не вѣрить. Это былъ, кромѣ того, необыкновенно подвижный человѣкъ. Онъ очень, повидимому, былъ радъ нашему приходу и началъ сейчасъ же суетиться, желая чѣмъ-нибудь насъ угостить.

— Жена!—закричалъ онъ, и на этотъ крикъ въ дверяхъ изъ боковой комнаты появилась еще не старая женщина небольшого роста, съ лицомъ, усѣяннымъ веснушками.

— Чего тебѣ?—спросила она, поправляя свою жиденькую косу, но вдругъ, увидавъ насъ, моментально скрылась.

— Ну, куда ты провалилась?—продолжалъ Подклюшниковъ.— Людей не видала, или боишься ихъ прельстить своими прелестями въ неглиже?

— Очень глупо!—послышался тотъ же голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Дай хоть прибраться-то немножко.

— Ну, и прибирайся, да только скорѣе, а я вотъ въ лавочку сбѣгаю. Садитесь, господа,—обратился онъ къ намъ, а самъ бросился внизъ съ лѣстницы. Я началъ осматриваться и не вдругъ могъ разобраться въ этой массѣ различныхъ предметовъ, наполнявшихъ эту убогую комнату. Болѣе всего мѣста занимали картины въ рамахъ и безъ рамъ, и большая ихъ часть была размѣщена по стѣнамъ и даже по потолку, другія были сдвинуты около стѣнъ. Тутъ были и пейзажи, и портреты, и сюжеты изъ Ветхаго Завѣта, и въ особенности выдѣлялась извѣстная картина, изображающая купающуюся Сусанну и двухъ нечестивыхъ старцевъ, оригинальную тѣмъ, что

на лицѣ Сусанны совершенно не было замѣтно испуга, а, напротивъ того, она, какъ будто кокетничая, манила своими прелестными формами и роскошными волосами этихъ сладострастныхъ, плѣшивыхъ стариковъ.

Небольшой столикъ, покрытый ярославской скатертью съ синими узорами, черный узенькій шкапъ, въ которомъ хранилась кое-какая посуда, нѣсколько полокъ съ гипсами, темной бронзы подсвѣчникъ, стоявшій на грудѣ какихъ-то ящиковъ, двѣ не вычищенныя палитры, стеклянныя и жестяныя банки различной величины съ разнаго цвѣта вертикальными потоками краски, свернувшаяся въ комокъ тряпка, повидимому, брошенная на нихъ съ размаха, искусственные цвѣты, до нельзя запыленные и загаженные мухами, составляли убранство комнаты.

Въ углу стояла табуретка съ мѣднымъ на ней тазомъ и остаткомъ грязной воды, тутъ же виднѣлись въ углу и удочки съ перепутанной лесой. На полу валялись разныя игрушки и стоялъ безобразный картонный конекъ съ выдернутымъ изъ него хвостомъ и стертыми ушами.

Наконецъ вошла и сама Подклюшникова, улыбаясь намъ извиняющей улыбкой.

— Мнѣ совѣстно, господа,—начала она,—что вы застали насъ въ такомъ безпорядкѣ, да что дѣлать, вѣдь сами знаете, чай, наше-то житье,—и она начала подбирать валяющіеся на полу игрушки,—охъ ужъ этотъ мнѣ Николаша, всегда насоритъ,—добавила она по адресу сына, мальчика лѣтъ 12-ти, игравшаго на дворѣ съ ребятишками.

— Кто вы такіе будете?—обратилась она ко мнѣ:—господина Петровскаго-то я знаю.

Я назвался.

— Ахъ, какъ же,—сказала она:—вы сынъ Петра Ѳедоровича, я о васъ слыхала.

Мы усѣлись, и у насъ завязался самый обыденный разговоръ, который вскорѣ перешелъ на весьма тяжелую тему. Мы со вниманіемъ слушали хозяйку, которая съ наболѣвшей душой жаловалась намъ на горькую судьбу свою, но жаловалась какъ-то безропотно, не обвиняя никого въ своемъ несчастіи.

Еще за молодого ученика академіи вышла она замужъ по любви, по необъяснимому самой себѣ уваженію къ его профессіи, и вотъ съ перваго же дня ихъ семейной жизни она стала лицомъ къ лицу съ нуждою, сѣрою, обыденною обстановкой самаго будничнаго прозябанія. Беременность, рожденіе дѣтей, постоянныя болѣзни, возня съ ребятишками, вѣчный недостатокъ и заботы о пропитаніи 4-хъ желудковъ сливались въ одинъ какой-то ужасный кошмаръ, а индиферентное отношеніе ко всему этому Подклюшникова, занимавшагося только однимъ своимъ дѣломъ, довершали тяжесть

ея положенія. А тутъ еще нравственно страдала она, убѣдившись въ невѣрности своего мужа.

— Какое мнѣ гулянье,—отвѣчала бѣдная женщина на мой вопросъ:—цѣлый день вожусь съ дѣтьми да съ хозяйствомъ, вечеромъ ногъ подъ собой не слышу. Вы вѣдь знаете Николая Ивановича, знаете, что онъ только и признаетъ свои картины, да вотъ еще какую-то натурщицу завелъ,—грустно сказала она, голосомъ уже примирившейся съ этимъ событіемъ.—Просто съ улицы какую-то взялъ,— и она отвернулась, и я уловилъ двѣ слезинки, блеснувшія на ея рѣсницахъ.—Ужъ хоть бы скрывалъ,—продолжала она,—а то вѣдь вотъ здѣсь, на самыхъ глазахъ-то... Вотъ тоже съ дьякономъ дружбу завелъ, да что изъ этой дружбы путнаго выйдетъ — пьянство одно, да и только.

Мнѣ отъ души жалко было бѣдную женщину, и я хотѣлъ ее утѣшить, но въ этотъ моментъ возвратился Подклюшниковъ съ какимъ-то бѣлымъ пакетомъ и обратился къ женѣ, какъ обращаются обыкновенно къ прислугѣ:

— А что же самоваръ, Лизавета Ивановна?

— Да вѣдь ты ничего не сказалъ,—испуганно возразила она.

— А тебѣ все вотъ скажи?—видишь гости, ну, и сама бы догадалась.

Она покорно встала и скрылась въ кухнѣ. Не оказалось углей, и въ этомъ, конечно, была виновата хозяйка, несмотря на то, что уже три дня просила мужа запастись ими. Между тѣмъ на столѣ появилась сороковка, кусокъ колбасы и краюха хлѣба. И Подклюшниковъ началъ насъ потчевать, весело приговаривая и подмигивая передъ каждой рюмкой этого «бѣсовскаго зелья», какъ онъ выражался.

Я не пилъ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Подойдя близко къ двери, ведущей въ кухню, я заглянулъ туда. Около плиты стоялъ самоваръ, надъ которымъ, бросая въ него щепочки отъ разобранной корзинки, стояла Подклюшникова. Слезы катились по по ея блѣднымъ щекамъ, и она время отъ времени вытирала ихъ концомъ своего пожелтѣвшаго и выцвѣтшаго платка. У меня защемило сердце, и я невольно перевелъ взглядъ на полотно, на которомъ рельефно выдѣлялась роскошная фигура хорошенькой натурщицы... Будучи не въ силахъ больше оставаться въ этой тяжелой атмосферѣ, я, подъ предлогомъ желанія пройтись, направился вонъ изъ дому Подклюшникова, обѣщаясь зайти за Петровскимъ. Тяжелая дума овладѣла мною, и я долго гулялъ среди липовыхъ аллей роскошной рощи, а когда вернулся обратно, то Петровскаго уже не было—онъ уѣхалъ, не дождавшись меня.

XIII.

Я превращаюсь въ чиновника.—Реставрація Мраморнаго дворца.—Дядя А. П. Брюлловъ.—Разсказъ Делярю.—Двѣ смерти.—Окончаніе реставраціи дворца.—Успѣхъ моихъ картинъ.—Государыня осматриваетъ дворецъ.—Катастрофа А. П. Брюллова.—У барона П. К. Клодта.—Его звѣриная прислуга.—Визитъ къ А. П. Брюллову.

Послѣ академической выставки, на которой мой портретъ Подклюшникова удостоился преміи, я получилъ званіе свободнаго художника по портретной живописи. Этимъ, увы! я окончилъ курсъ академіи, такъ какъ послѣ этого уже не могъ представить программы для полученія золотой медали. Видя въ этомъ недоброжелательство, преслѣдовавшее меня со стороны моего почтеннаго дядюшки, я все же былъ доволенъ, такъ какъ отъ совѣта института былъ сдѣланъ запросъ о томъ, какой я имѣю чинъ, и я вскорѣ былъ произведенъ въ губернскіе секретари. Явился съ сенатъ, гдѣ священникъ торжественно привелъ меня къ присягѣ, и вотъ въ Россіи стало однимъ секретаремъ больше. Да, теперь гр. Соллогубъ не могъ уже меня называть «однимъ изъ немногихъ свободныхъ людей въ Россіи», какъ онъ любилъ представлять меня съ этимъ званіемъ своимъ знакомымъ, я потерялъ его и сдѣлался секретаремъ.

Но вмѣстѣ съ секретарскимъ званіемъ на меня посыпалась благодать, какъ бы въ награду за мои успѣхи въ государственной службѣ.

Какъ разъ въ это время возобновлялся долго пустовавшій Мраморный дворецъ, отдѣлывавшійся для великаго князя Константина Николаевича, и реставрація его была поручена моему дядюшкѣ, Александру Павловичу Брюллову. Какимъ-то чудомъ вспомнилъ обо мнѣ этотъ знаменитый архитекторъ, призвалъ меня къ себѣ и съ нѣкоторыми оговорками, не совсѣмъ лестными для моего самолюбія, передалъ мнѣ заказъ нѣсколькихъ картинъ-панно для гостиной великой княгини Александры Іосифовны. Гостиная эта должна была носить названіе «золотой комнаты», потому что вся она съ портретами, мебелью, бронзою и даже обоями, которые были украшены золотыми разводами по свѣтло-палевому фону, должна была производить впечатлѣніе золотой. Мнѣ пришлось написать двѣ картины въ стѣнахъ и пять небольшихъ въ плафонѣ въ стилѣ Людовика XV, т. е. группы фигуръ съ веселыми пейзажами — то, что у французовъ называется «pastorale». Для мастерской и моего жительства мнѣ было отведено помѣщеніе въ самомъ дворцѣ, находившееся въ нижнемъ этажѣ его, гдѣ я и занялъ двѣ комнаты, въ которыхъ расположился, какъ полный хозяинъ. Скомпановавъ всѣ семь сюжетовъ, я ихъ представилъ дядюшкѣ, и тотъ вскорѣ объявилъ мнѣ, что они вполнѣ одобрены комиссіей.

Работаю я себѣ во второмъ этажѣ, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ что внизу меня спрашиваетъ какой-то господинъ. Спускаюсь внизъ, гляжу—Делярю. Лицо блѣдное, взволнованъ чѣмъ-то.

— Что такое?—спрашиваю.

— Ахъ, и не говорите, это просто ужасъ что такое. Вѣдь васъ все время не было въ Петербургѣ, а въ это время здѣсь произошла прискорбная для насъ обоихъ катастрофа, которой я вчера былъ свидѣтелемъ.

— Что такое? говорите скорѣе,—съ волненіемъ перебилъ его я.

— Да вотъ вчера рано утромъ я былъ на Семеновскомъ плацу свидѣтелемъ такой сцены, которая потрясла глубоко мою душу. Въ числѣ прочихъ, нашего милаго Сергѣя Ѳедоровича Дурова и Пальма привезли туда связанными и приговоренными къ разстрѣлу. Я видѣлъ, какъ какіе-то люди развязывали имъ руки и поставили на приготовленныя для нихъ мѣста, затѣмъ былъ прочитанъ и приговоръ, который я очень плохо разслышалъ. Солдаты Семеновскаго полка находились въ полной готовности и ждали только команды, чтобы выпустить свои пули въ эти буйныя головы. Я слѣдилъ за нашими друзьями, они были мертвенно-блѣдны, но не выражали и признака малодушія, въ особенности Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ—онъ мрачно смотрѣлъ на толпу, какъ бы отыскивая кого-то въ ней, и вотъ мнѣ показалось, что наши глаза встрѣтились. Я мысленно прощался съ нимъ, слезы давили мнѣ горло, а самого трясло, какъ въ лихорадкѣ. На другихъ я и вниманія не обращалъ, вперивъ свой взоръ въ Дурова и Пальма. Кончилось чтеніе—все стихло, каждый шелестъ былъ слышенъ на площади, несмотря на огромное стеченіе народа. Петрашевскаго съ завязанными глазами подвели къ столбу, а до этого надъ головами почти всѣхъ приговоренныхъ къ казни ломали шпаги въ знакъ лишенія дворянскаго достоинства. Потрясающая это была картина! Вдругъ, когда я ждалъ, что грянутъ выстрѣлы, послѣ команды, произнесенной офицеромъ, объявляется высочайшій манифестъ о помилованіи. Знаете, Павелъ Петровичъ, я не повѣрилъ своимъ ушамъ, я думалъ, что лишился разсудка, вотъ до какой степени это было неожиданно. Но въ чемъ это помилованіе заключалось? въ замѣнѣ смертной казни каторжными работами. Одно другого не легче. Петращевскаго такъ прямо оттуда и увезли въ Сибирь. А каковъ онъ молодецъ-то! Бодрѣе всѣхъ держалъ себя, гордо такъ, безстрашно и непринужденно. Силища-то какая нравственная! Не дай Богъ никому пережить такія минуты испытанія, каждая изъ нихъ стоитъ лютой казни,— закончилъ Делярю, и я вспомнилъ его слова, сказанныя при моемъ первомъ визитѣ къ нему: «договорятся до синихъ мундировъ».

Я былъ въ отчаяніи.

— Да что вы говорите, не можетъ этого быть,—какъ невѣрующій Ѳома, говорилъ я:—вѣдь это же ужасно, надѣюсь, что мы хоть повидаемся съ ними.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Делярю,—этого вамъ не удастся, я уже пробовалъ, но мои хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, да и наконецъ зачѣмъ же вамъ подвергать себя опасности и, главное дѣло, безъ всякой въ томъ нужды. Нашихъ друзей нѣтъ—они погибли. Одно осталось утѣшеніе, что они могутъ попастъ подъ манифестъ какой-нибудь.

Это извѣстіе меня страшно поразило, отъ волненія мнѣ стало душно подъ сводами дворца, и я просилъ Делярю, пройтись со мной въ Лѣтній садъ, находившійся въ двухъ шагахъ отъ насъ. Войдя подъ тѣнь огромныхъ деревьевъ Лѣтняго сада, мы усѣлись на скамейкѣ, и я задумался.

— Знаете что, Павелъ Петровичъ,—вывелъ меня изъ задумчивости Делярю:—дѣло, за которое они взялись, такое хорошее, чистое, можно сказать святое, что такъ наказывать за него слишкомъ жестоко. Пожурить ихъ, образумить, внушить, конечно, слѣдовало бы, не за свое, молъ, взялись, но не казнить же. То-то и есть, что у насъ сейчасъ найдутся горячіе распорядители, желающіе доказать свою ретивость и благонадежность и заслужить за это ордена и другія награды, а сами ни на что болѣе неспособные, какъ «схватить», «держать» и «непущать». Нашихъ безумцевъ я не хвалю, напротивъ, ругаю, ругалъ и буду ругать, но не сочувствовать имъ не могу.

Да, не такъ слѣдовало поступить съ этими честными, умными и глубоко-образованными людьми, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались потомъ гордостью русской литературы!

Припоминается теперь мнѣ одинъ характерный случай, во время восшествія на престолъ императора Александра II, когда начались нововведенія въ видѣ различныхъ измѣненій въ обмундировкѣ, «тамъ эти выпушки, погончики, петлички». Вотъ какой-то студентъ и написалъ довольно остроумную сатиру въ стихахъ на эти «великія реформы», которая была поднесена государю для прочтенія однимъ изъ усердныхъ слугъ, жаждущихъ звѣздъ и нашивокъ. Государь приказалъ привести къ себѣ этого студента и, отдавая ему бумажку съ его же стихами и отпуская юношу, сказалъ: «У тебя есть способности и остроуміе, но постарайся дать имъ другое, болѣе полезное направленіе и не губи себя такими пустяками». Да, это было сдѣлано по-царски.

Но Делярю не ограничился только этимъ печальнымъ извѣстіемъ, онъ сообщилъ мнѣ также, что нашъ добрый и любимый пріятель Алексѣй Ѳедоровичъ Чернецовъ довольно продолжительное время хвораетъ. Немедленно же я отправился навѣстить нашего общаго друга и къ тому же любимца бѣднаго Дурова и засталъ милаго Алексѣя Ѳедоровича очень плохимъ. Лежалъ онъ почти безъ движенія и едва могъ говорить. Онъ былъ очень радъ меня видѣть, но мнѣ было тяжело и безполезно у него долго оставаться, и я, совершенно разстроенный, вернулся домой. Былъ у меня

еще одинъ другъ—женщина, искренно меня любившая. Звали ее Екатерина Павловна, а я ее называлъ Катей, такъ пусть она такъ и останется. Упоминаю о ней потому, что она немало оказала нравственнаго вліянія на мою молодую душу. Я впервые узналъ съ ней чистую, молодую любовь и былъ счастливъ, да счастливъ, въ полномъ значеніи этого слова, какъ бываютъ счастливы люди только одинъ разъ въ жизни. Познакомился я съ ней при весьма оригинальныхъ обстоятельствахъ. Однажды я зашелъ въ л.-гв. Егерскій полкъ навѣстить моихъ бѣдныхъ друзей Дурова и Пальма, у которыхъ я засталъ большое общество, а въ томъ числѣ и родственника Пальма, одного драгунскаго офицера, прибывшаго недавно съ Кавказа; онъ былъ не одинъ, а вмѣстѣ со своей дальней родственицей, полной, красивой блондинкой, которую называли Екатерина Павловна. Не могу сказать, какимъ образомъ, но вышло такъ, что я все время провелъ съ этой очаровательной особой, и она произвела на меня глубокое впечатлѣніе не только своей внѣшностью, но и глубиною своей мысли. Ушелъ я поздно, и мы съ моей новой знакомой обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ, въ которомъ сказалось, что что-то близкое въ этотъ моментъ зародилось между нами. Нѣсколько времени я не видалъ моей новой знакомки и даже забылъ о ней. Наконецъ драгунъ собрался въ обратный путь и та же компанія провожала его за шумнымъ обѣдомъ у Пальма. Была здѣсь и Екатерина Павловна и я еще разъ вдоволь наговорился съ ней. При прощаніи съ драгуномъ она расплакалась, и мы всѣ успокаивали ее, какъ могли; не знаю, чѣмъ вызваны были слезы, жаль ли ей было драгуна, любила ли она его, была ли съ нимъ въ связи, такъ это и осталось для меня тайной. Только послѣ этого случая я сталъ съ ней видѣться чаще и даже разъ былъ у нея. Наступила скучная петербургская осень съ ея несносными дождями и наводненіями и намъ, островитянамъ, приходилось иногда на очень долгій срокъ дѣлаться какъ бы арестованными на нашемъ Васильевскомъ «славномъ островѣ». Наконецъ начался ледоходъ, каменныхъ мостовъ еще не было, деревянные разводились, и съ этимъ наступало наше карантинное положеніе, которое для меня послужило къ развязкѣ моего романа.

На набережной Васильевскаго острова образовалось цѣлое гулянье и публика, любуясь ледоходомъ, густою толпою бродила по гранитному тротуару. Я пошелъ тоже поглядѣть на это, дѣйствительно, красивое зрѣлище. Фонари тускло горѣли и казались какими-то желтыми пятнами на сѣромъ фонѣ еще не темнаго неба.

Вдругъ навстрѣчу мнѣ идетъ стройная женская фигурка съ откинутой вуалью, которая, поровнявшись со мной, быстро повернулась и я услышалъ свою фамилію. Взглянулъ, смотрю—Екатерина Павловна.

— Ахъ вы, противный человѣкъ,—начала она:—изъ-за васъ я теперь не могу и домой попасть. Я цѣлый день искала вашу квартиру, у меня для васъ есть одинъ заказъ. Ну, что я теперь буду дѣлать,—продолжала она:—вѣдь теперь и не перевозятъ ужъ на ту сторону.

— Ну, что же, будьте моей гостьей,—сказалъ я и подалъ ей руку.

Она была очень мила въ своей темной бархатной шляпкѣ, и ея видъ волновалъ мои нервы. Не долго колебалась она, приняла мое предложеніе и мы отправились въ 4-ую линію, на уголъ Большого проспекта, гдѣ я жилъ въ то время въ домѣ нѣмецкаго булочника.

— Ужъ этотъ мнѣ Дуровъ,—ворчала она:—напуталъ адресъ, и я цѣлый день проходила здѣсь, устала я ужасно...

Я крѣпко прижималъ ея руку къ себѣ и страстная дрожь пробѣгала по моему тѣлу. Наконецъ мы вошли ко мнѣ и я приказалъ своему человѣку ставить самоваръ, а самъ сбѣгалъ въ лавочку, купилъ холодныхъ закусокъ, вина, фруктовъ, и мы съ аппетитомъ поужинали.

— Милый, милый художникъ,—шептала она мнѣ, когда мы сидѣли на моемъ старенькомъ диванчикѣ, а свѣча, догорая, мигала, то освѣщая комнату, то снова погружая все въ глубокій мракъ:—какъ я рада, что наконецъ судьба насъ свела. Ты мнѣ понравился съ перваго взгляда, и я безконечно счастлива...

Не знаю, былъ ли счастливъ я. Да, кажется, счастливъ. Съ тѣхъ поръ до самаго моего отъѣзда въ Москву въ квартирѣ моей царила какая-то мирная обстановка, переполненная спокойной любовью и счастіемъ. Я любилъ Катю, рисовалъ съ нея картины, и она вдохновляла меня нерѣдко на новыя работы, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, она же фигурируетъ у меня въ большинствѣ женскихъ этюдовъ и фигуръ въ моихъ работахъ того времени.

Уѣзжая, я оставилъ ее прихварывающей; что-то неладное дѣлалось въ груди ея, но молодость безпечна, и мы не придавали этому никакого значенія.

Теперь, черезъ полгода, я засталъ бѣдную женщину совсѣмъ больною. Подъ впечатлѣніемъ посѣщенія Чернецова мнѣ было еще тяжелѣе видѣть страданія существа, которое я любилъ и которое было такъ связано со мною въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ моей жизни. Ракъ, образовавшійся у нея на груди, принялъ страшные размѣры, и она ужасно измѣнилась. Куда дѣвались ея веселость и свѣжесть, только воспаленные глаза были все тѣ же, но горѣли какимъ-то зловѣщимъ огонькомъ, не обѣщающимъ ничего хорошаго. Она пожала мнѣ руку и съ жалкой улыбкой прошептала:

— Вотъ и мой чередъ насталъ, приходится умирать...

Слезы душили меня, счастливое прошлое пронеслось передъ глазами и мнѣ сдѣлалось еще больнѣе, еще горше на душѣ. Докторъ, лечившій Катю, мнѣ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Долго я просидѣлъ у Катюши, затѣмъ оставилъ у ней сидѣлку, а самъ отправился во дворецъ, бросился въ подушки и разрыдался. На другой день я принялся за работу, но кисть отказывалась повиноваться мнѣ. Я поѣхалъ навѣстить Чернецова, у котораго засталъ священника; бѣдному Чернецову, видимо, осталось жить нѣсколько часовъ. Во время службы я держалъ свѣчу, слезы наполняли мнѣ глаза, горло щекотало отъ прилива рыданій.

Оттуда я поѣхалъ къ Катѣ, и у нея нашелъ не больше утѣшительнаго, моя душа разрывалась, и я не могъ найти себѣ успокоенія.

Вернувшись послѣ поѣздки къ дядѣ Александру Павловичу, котораго мнѣ нужно было повидать по дѣлу, касающемуся дворца, я нашелъ двѣ записки: одну, въ которой Поздѣевъ извѣщалъ меня о смерти Алексѣя Ѳедоровича Чернецова, а другую отъ доктора, лечившаго Катю, что и она перестала страдать. Двое похоронъ въ одинъ день ожидали меня.

Я поѣхалъ къ Катѣ и нашелъ ее обмытую и положенную на столъ. Гробъ былъ заказанъ и все необходимое для этого случая, въ чемъ мнѣ помогла сидѣлка, очень расторопная старуха. На другой день состоялись похороны Кати и Чернецова и я успѣлъ проводить обоихъ, такъ какъ первую отпѣвали 2-мя часами раньше. Нѣтъ, я не въ силахъ возвращаться къ тому, что я испыталъ за это ужасное утро, только со мною что-то сдѣлалось вдругъ; я почувствовалъ себя какимъ-то другимъ, одинокимъ, глубоко несчастнымъ, но время, этотъ всеисцѣляющій лекарь, поспѣшило мнѣ на помощь...

Работа моя во дворцѣ двигалась шибко и, казалось, шла съ большимъ успѣхомъ. Для расписанія потолка въ столовой былъ приглашенъ изъ-за границы одинъ старый нѣмецъ, работавшій въ двойныхъ очкахъ и писавшій необыкновенно тщательно, выводя всѣ детали; но, повидимому, онъ не умѣлъ разсчитывать на разстояніе, потому что, когда стояли еще лѣса и когда его медальоны, изображавшіе четыре вѣтра, можно было видѣть вблизи, то нельзя было не любоваться ихъ красивостью, но когда лѣса были сняты и на нихъ можно было смотрѣть только съ пола, то весь эффектъ, на который разсчитывалъ художникъ, пропадалъ, все сливалось въ какіе-то неопредѣленнаго цвѣта блины.

Я принялъ къ свѣдѣнію это обстоятельство и старался уже въ подкладкѣ дать всю силу красокъ, скрадывая контуры мягкими полутонами. Въ двухъ же большихъ картинахъ надъ дверями, на которыхъ преобладалъ пейзажъ, для того, чтобы не было однообразнаго зеленаго цвѣта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ закатъ солнца, я пустилъ доминирующій розовато-красный общій тонъ, а въ другой, изображавшей лѣтнее утро, пустилъ больше бѣлилъ и то, что на-

зывается французами «gris de perle». Когда ихъ увидѣлъ дядя Александръ Павловичъ, то усомнился при видѣ смѣлаго, рѣшительнаго мазка и сказалъ:

— Смотри, братъ, ты, кажется, написалъ какія-то декораціи.— Но я потребовалъ, чтобы картины мои были поставлены на свои мѣста и вышло то, что самъ Александръ Павловичъ Брюлловъ пришелъ въ восторгъ отъ эффекта, произведеннаго ими съ разстоянія, на которое я вѣрно разсчиталъ. Онѣ имѣли видъ, какъ бы писанныя на фарфорѣ: свѣтъ силенъ, а тона мягкіе. Дядя былъ такъ доволенъ, что не велѣлъ ихъ больше трогать: «а то еще запишешь», сказалъ онъ, обнялъ меня одной рукой за талію и повелъ показывать только что отдѣланную турецкую комнату, сплошь обшитую турецкими шалями, орнаментами изъ воска и съ фонтаномъ по срединѣ.

Но что болѣе всего мнѣ понравилось въ этомъ дворцѣ, такъ это большой мраморный залъ; онъ остался почти не тронутымъ реставраціей, въ особенности тѣ куски, которые украшали стѣны въ амбразурахъ оконъ, очень глубокихъ. Такихъ породъ мрамора я никогда и нигдѣ не видѣлъ, нѣжность красокъ и рисунокъ разводовъ на нихъ были прелестные.

Изъ этихъ оконъ какъ разъ видна боковая постройка со службами, въ фасадѣ которой на эту сторону по всей линіи его, въ видѣ аттики, тянется сплошной лентой прелестный барельефъ съ лошадьми барона Н. Ф. Клодта. Послѣ моей вторичной поѣздки въ Москву, о которой я буду говорить позднѣе, я снова приступилъ къ работамъ въ Мраморномъ дворцѣ, которыя уже близились къ концу. Новое зданіе придворныхъ службъ только задержало окончаніе работъ, такъ какъ, собственно, дворецъ могъ быть оконченъ къ началу навигаціи. Я поставилъ уже свои болѣе мелкіе фрагменты въ потолкѣ и ожидалъ окончанія нѣкоторыхъ работъ для того, чтобы поставить большія. Въ это время дядюшка Александръ Павловичъ ко мнѣ не заходилъ. Онъ находился въ большомъ волненіи, такъ какъ у него было не все въ порядкѣ относительно отчетностей по расходованію отпущенныхъ суммъ на эти работы. Собственно, объ этомъ я узналъ гораздо позднѣе, но все же не могъ не замѣтить нѣкотораго волненія его при посѣщеніи имъ работъ. Онъ какъ-то даже перемѣнился, сталъ задумчивѣе, короче сказать, такъ и сквозило, что тутъ творится что-то неладное. Изъ товарищей ко мнѣ никто не заходилъ, кромѣ Алексѣя Агина, который съ любопытствомъ и удовольствіемъ осматривалъ дворецъ. Прочимъ же, конечно, не были интересны мои пастухи и пастушки. Между тѣмъ и мнѣ эта скучная работа до крайности надоѣла, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея конца; работы усиленно продолжались, тѣмъ болѣе что императрица пожелала видѣть дворецъ поскорѣе оконченнымъ. Наконецъ работы были закончены, и дядя Александръ Павловичъ готовился представить дворецъ государынѣ императрицѣ.

Я продолжалъ занимать то же помѣщеніе въ его покояхъ въ продолженіе всего лѣта и зимы, такъ какъ пріѣздъ двора долженъ былъ состояться весной слѣдующаго года. Государыня императрица Александра Ѳеодоровна пріѣзжала его осматривать и осталась очень довольна, въ особенности же ей понравилась моя работа, такъ что она два раза возвращалась въ тотъ залъ, гдѣ находились мои картины и очень хвалила ее.

Государь, при посѣщеніи своемъ дворца, въ общемъ, также былъ очень доволенъ работами и благодарилъ дядюшку за прекрасное ихъ выполненіе. Однако, въ очень скоромъ времени мнѣ окончательно сдѣлались понятны причины волненія моего дяди. Ревизіонная комиссія по реставраціи Мраморнаго дворца обнаружила возмутительныя растраты и злоупотребленія, и, какъ я слышалъ, государь былъ очень недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, и порученная уже дядѣ моему работа по реставраціи эрмитажнаго отдѣленія Зимняго дворца была у него немедленно отобрана, что произвело довольно сильный скандалъ, а я долженъ былъ лишиться имѣвшейся уже у меня въ виду работы. Дядюшка же плутъ заперся въ своемъ кабинетѣ и безвыходно просиживалъ тамъ, дѣлая видъ, что страстно погрузился въ изученіе высшей математики. Такъ изъ этой темной исторіи сумѣлъ выйти этотъ ловкій и геніальный человѣкъ.

Работы въ Мраморномъ дворцѣ и цѣлый рядъ событій, уже мною описанныхъ, не давали возможности поддерживать постоянную связь съ моею роднею и я давно не былъ въ домѣ моего дяди Ѳедора Павловича Брюллова и не видалъ кузинъ. Одна изъ нихъ, Адель, уже вышла замужъ за архитектора Ѳедора Семеновича Завьялова, моего большого пріятеля, который получилъ назначеніе преподавателя въ Юшковскую школу въ Москвѣ и вскорѣ долженъ былъ туда отправиться. И вотъ въ одно изъ воскресеній я отправился въ домъ Брюлловыхъ, кромѣ того, мнѣ было необходимо заѣхать къ моему генералу, какъ я называлъ дядю Александра Павловича, а также навѣстить милаго барона Петра Карловича Клодта, котораго я давно не видѣлъ; меня къ тому же очень интересовала его литейная мастерская, о которой я столько слышалъ, да и къ Росси хотѣлось забѣжать, вспомнить старину моей академической жизни. Къ моему великому огорченію, я Росси не засталъ и направился къ барону Клодту. Со двора былъ входъ прямо въ литейное отдѣленіе, но по случаю праздника тамъ никакихъ работъ не было, зато широкая деревянная дверь, обитая рогожею и дранью, когда я до нея дотронулся, сейчасъ же отворилась и я вошелъ въ огромный отдѣлъ съ двумя ярусами оконъ, выходившихъ на улицу и во дворъ, имѣвшій довольно внушительный и декоративный видъ. Онъ напоминалъ собою первую картину балета «Сильфиды», т. е. огромный шотландскій шалле, вмѣщавшій въ себѣ массу кордебалета и такъ же, какъ на сценѣ, здѣсь была видна съ правой стороны легкая

деревянная лѣстница, устроенная около стѣны, со входомъ въ верхній этажъ. Но кругомъ не было ни души, и на мой громкій призывъ кого-либо изъ служащихъ я не получилъ никакого отклика. Вдругъ около огромной будки что-то зашевелилось и мнѣ показалось, что это, вѣроятно, проснулся заспавшійся дворникъ, хватившій ради воскреснаго дня изрядную порцію хмельного. Я сдѣлалъ по направленію къ будкѣ нѣсколько шаговъ и остановился, какъ вкопанный; если бы кто-нибудь случайно увидѣлъ меня въ этотъ моментъ, то, навѣрно, принялъ бы за рядового, вытянувшагося передъ внезапно появившимся начальникомъ.

Такъ я стоялъ въ неописанномъ ужасѣ передъ появившимся вдругъ огромнымъ мохнатымъ медвѣдемъ. Да, да, Михаилъ Ивановичъ Таптыгинъ, живой, настоящій, собственной своей персоной флегматически уставилъ на меня свои маленькіе желтые глаза. Впрочемъ, испугъ мой былъ не очень продолжителенъ, такъ какъ во взглядѣ Михайла Ивановича, какъ и въ его позѣ, не было замѣтно ничего враждебнаго, да, кромѣ того, когда я его разсмотрѣлъ уже съ большимъ спокойствіемъ, то увидѣлъ, что онъ находится на довольно толстой цѣпи. Я такъ обрадовался этому открытію, что страхъ мой куда-то моментально исчезъ, и на меня нашло необъяснимое желаніе непремѣнно подурачиться. Приподнявъ свой котелокъ и расшаркиваясь, какъ это дѣлаютъ обыкновенно молодые чиновники передъ его превосходительствомъ, все же въ почтительномъ разстояніи, обогнулъ Михайла Ивановича и добрался до лѣстницы, по которой долженъ былъ подняться въ квартиру барона Клодта, находившуюся во второмъ этажѣ. Лѣстница кончалась площадкой, плотно прилегавшей къ стѣнѣ. Продолжая раскланиваться съ Таптыгинымъ, который недоумѣвающе смотрѣлъ на меня, попрежнему, флегматическими глазами, я поднялся на пятую ступеньку и занесъ уже ногу на шестую, да такъ и застылъ въ этой позѣ. Передо мною не лежалъ, а сидѣлъ безъ всякой привязи, раздвинувъ широко переднія лапы, большой сѣрый волкъ, совершенно такой, что въ извѣстной сказкѣ носилъ на себѣ по лѣсамъ и дебрямъ Ивана-царевича. Съ Иваномъ-царевичемъ во мнѣ не было положительно никакого сходства и я не имѣлъ при себѣ не только волшебнаго, но и никакого перстня. Душа моя съ невѣроятной быстротой спустилась въ пятки, но самъ я могъ только позавидовать ея быстрому бѣгу, ноги мои какъ бы приросли къ деревянной лѣстницѣ и пустили въ нее корни, и я не могъ шевельнуться ни однимъ суставомъ моихъ членовъ. Между тѣмъ волкъ смотрѣлъ, приподнявъ свои остроконечныя уши. Глаза его какъ-то дико горѣли и недвижно были устремлены на меня. Время отъ времени онъ разѣвалъ свою пасть и высовывалъ языкъ, какъ это дѣлаютъ собаки, когда ихъ хозяинъ приготавливаетъ для нихъ лакомое кушанье. Мнѣ казалось, что это онъ предвкушалъ довольно сытый завтракъ,

состоящій изъ молодого художника. Философы не скептики утверждаютъ, что въ мірѣ все дѣлается къ лучшему. Такъ долженъ подумать и я, вспоминая эту критическую минуту: что если бы я обрѣлъ свободу движеній и подъ вліяніемъ страха ринулся бы отъ волка внизъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ очутился бы у меня на плечахъ. Но крайній страхъ, какъ я это испыталъ въ ту минуту, превращается въ отчаянную храбрость, и я вмѣсто того, чтобы бѣжать, вдругъ, не отдавая себѣ отчета, сталъ подыматься по ступенькамъ лѣстницы навстрѣчу моему противнику. Сердце мое билось съ невѣроятною силою и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ оно должно разорваться. Крикнуть я уже не рѣшался, а какъ на зло кругомъ не было ни одной живой души, кромѣ Михаила Ивановича, изрѣдка побрякивавшаго цѣпью, какъ бы напоминая мнѣ, что, молъ, «и я вѣдь здѣсь». Но тутъ вдругъ совершилось чудо, которому на этотъ разъ я уже не могъ не повѣрить: волкъ, съ ловкостью и вѣжливостью отлично выдрессированнаго лакея, отодвинулъ свои ноги и убралъ морду, чтобы дать мнѣ пройти. Мнѣ оставалось еще, пройдя площадку, сдѣлать нѣсколько ступенекъ до двери въ квартиру барона, и я этихъ ступеней никогда не забуду. Все время я чувствовалъ за собою ужаснаго лакея и ждалъ, что вотъ-вотъ онъ вцѣпится въ меня своими огромными зубищами, но взглянуть назадъ я боялся и впопыхахъ чуть не упалъ на дверь, схватившись за мѣдную ручку ея и нервно дернулъ ее къ себѣ.

Дверь отворилась, я бросился въ комнату и быстро захлопнулъ ее за собой. Холодный потъ выступилъ у меня на лицѣ—но я былъ спасенъ. Однако испытаніямъ моимъ, очевидно, еще не пришелъ конецъ кончиться. Не успѣлъ я прійти въ себя, какъ услышалъ страшное шипѣніе и какіе-то дикіе звуки, раздавшіеся съ противоположнаго конца комнаты; я съ ужасомъ оглядѣлся и увидѣлъ злобную блѣдную рожу, съ довольно большими баками и тѣсно сдвинутыми, маленькими, совершенно круглыми глазами; ротъ этого чудовища былъ полуоткрытымъ и обнаружилъ рядъ яркихъ зубовъ. Это была обезьяна, державшаяся за протянутую выше нея проволоку и выдѣлывавшая задними ногами какія-то изумительныя антраша. Но вотъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась, и я, къ своей великой радости, увидѣлъ входящаго Петра Карловича барона Клодта, обладателя этихъ ужасныхъ чертоговъ.

— Бога вы не боитесь, Петръ Карловичъ!—воскликнулъ я,— отъ души радъ, что наконецъ нашелъ избавителя.

— А что такое съ вами случилось?—спросилъ онъ меня, улыбаясь; и мнѣ было досадно, что этотъ добрый, чуткій человѣкъ улыбался въ такую для меня тяжелую минуту.

— Да, какъ же,—сказалъ я:—что это вы за прислугу развели тутъ внизу? Вмѣсто швейцара—медвѣдь, а лакея на лѣстницѣ замѣняетъ огромный волкъ.

— Ахъ, это Мишка-то, вѣдь онъ на цѣпи.

— Ну, хорошо, тотъ на цѣпи, а этотъ лакей-то вашъ сѣрый, вѣдь онъ совсѣмъ безъ привязи.

— А этотъ только видомъ страшенъ, онъ у меня очень благовоспитанный,—отвѣчалъ баронъ.—и напрасно вы пренебрегаете познакомиться съ нимъ—онъ презабавный,—прибавилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Очень вамъ благодаренъ за такое лестное знакомство съ подобными джентльменами,—сказалъ я, раскланиваясь.

— Вѣдь онъ васъ не тронулъ,—замѣтилъ баронъ.

— Не тронулъ!—вскричалъ я:—онъ, если хотите, даже меня растрогалъ; я теперь не знаю, гдѣ у меня душа: знаю, что очень недавно она была у меня въ пяткахъ.

Петръ Карловичъ громко расхохотался и, обхвативъ меня за спину одной рукой, ввелъ въ свой кабинетъ и сталъ разспрашивать.

— Развѣ вы тамъ внизу никого не нашли?—спросилъ онъ.

— По крайней мѣрѣ съ человѣческимъ образомъ никого,—отвѣтилъ я.—А эта ваша прислуга нельзя сказать, чтобы располагала особенно обращаться къ ней съ вопросами. Ужъ одни зубки вашего чуднаго лакея чего стоятъ.

— Ахъ да!—сказалъ баронъ:—вѣдь сегодня праздникъ, у меня не работаютъ, а сторожъ по обыкновенію пьянъ. Вѣдь вы, вѣроятно, знаете, что я дѣлаю памятникъ И. А. Крылову, такъ въ пьедесталѣ будутъ находиться звѣри изъ басенъ его. Вотъ я и набралъ себѣ этихъ натурщиковъ. А обезьяну видѣли?—спросилъ онъ.

— Какъ же, она на меня успѣла зашипѣть.

— Да, она у меня презлая. Пойдемте-ка лучше къ моимъ, у насъ сегодня пирогъ. Хотите пирога?—спросилъ онъ.

— Хочу,—сказалъ я,—только дайте, Петръ Карловичъ, сначала стаканъ холодной воды.

Баронъ Клодтъ бросился къ стоящему на окнѣ графину, налилъ стаканъ и подалъ его мнѣ.

— Эхъ, вѣдь какъ звѣрье мое васъ взбударажило,—говорилъ онъ, наблюдая за тѣмъ, какъ я жадно глоталъ холодную воду и какъ стучатъ мои зубы о стекло стакана.

— Знаете, когда я васъ увидѣлъ, вы показались мнѣ похожимъ на Бертрама, когда онъ только что выскочилъ изъ пещеры, при громѣ цѣпей и адскомъ хохотѣ. Лицо у васъ было что-то ужъ черезчуръ бѣло. А куда вы дѣвали свою бороду и усы? Зачѣмъ вы сбрили ихъ, знаете, я васъ еле узналъ,—вдругъ сказалъ онъ.

— Эхъ, не говорите, Петръ Карловичъ, это мое больное мѣсто. Вѣдь я уже больше не свободный художникъ, а губернскій секретарь, служу въ Николаевскомъ институтѣ и мнѣ по штату ни бороды, ни усовъ не положено.

— Да, да,—сказалъ онъ:—вольнодумство внушаетъ. А кстати вы слышали, какъ великая княгиня, президентъ-то нашъ, отдѣлала Иванова за бороду, когда онъ пріѣхалъ изъ Италіи, гдѣ тридцать лѣтъ писалъ свою картину, и она въ поощреніе не нашла болѣе ничего для привѣтствій, какъ кисло посмотрѣть на его бороду, расчесанную лопатой, пожала плечами и сказала: «Что это вы бороду-то не сбрили, развѣ такъ являются?»

— Ну, пойдемъ пирогъ ѣсть,—сказалъ онъ и мы пошли въ столовую, гдѣ находилась часть его семейства, сидѣвшая вокругъ стола. Надо замѣтить, что у барона Клодта было такое громадное количество тетушекъ, бабушекъ, племянниковъ и племянницъ, что всѣ эти родственники не могли бы помѣститься въ двухъ такихъ столовыхъ, а потому они раздѣлились на группы и по очереди пользовались гостепріимствомъ добраго Петра Карловича. Жена его, бароннеса, была очень простая и весьма гостепріимная женщина, она ласково пригласила меня къ столу и я, взявъ стулъ, сѣлъ подлѣ маленькаго Миши, сына барона, тогда еще мальчика, а впослѣдствіи очень извѣстнаго живописца и творца многихъ весьма художественныхъ произведеній. Надо замѣтить, что мнѣ никогда не приходилось встрѣчать болѣе дружественнаго семейства, какимъ было семейство барона Клодта; его нѣжныя отношенія къ женѣ и къ дѣтямъ были поразительны, и, вообще мягкій по натурѣ человѣкъ, въ семейномъ кругу своемъ онъ былъ настоящимъ ангеломъ. Когда Петръ Карловичъ былъ принужденъ поѣхать за границу по дѣламъ своей спеціальности, гдѣ, въ особенности въ Германіи, встрѣтилъ необыкновенный почетъ и вниманіе со стороны двора, онъ поистинѣ страдалъ, чувствуя себя оторваннымъ отъ родной атмосферы собственной семьи и жаловался на это въ своихъ письмахъ дядѣ моему Александру Павловичу Брюллову, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ, между прочимъ, писалъ ему, что «ни ласка, ни уваженіе талантливыхъ лучшихъ художниковъ, ни обѣды у короля и принцевъ не могли ему замѣнить ласки жены и дѣтей». Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на чужой сторонѣ на каждаго ребенка и отыскивалъ въ немъ сходство со своими. «Лучшія яства и вина я промѣнялъ бы на черный хлѣбъ и квасъ, лишь бы очутиться опять скорѣе въ Россіи». Да, Петръ Карловичъ Клодтъ представлялъ собою примѣръ нравственности идеальнаго семьянина, а о талантѣ его нечего и говорить—это былъ геній, оставившій по себѣ безсмертную память своими произведеніями. В. А. Жуковскій его иначе не называлъ, какъ «Клодтъ Фидіасовичъ». Петръ Карловичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, меня зналъ съ малолѣтства и относился ко мнѣ, какъ къ сыну. Онъ подробно меня разспрашивалъ въ Москвѣ о работахъ постройки храма Спасителя, которыя его въ особенности интересовали, такъ какъ онъ собирался на довольно продолжи-

тельное время туда для исполненія заказовъ по постройкѣ этого храма. Весело болтая, мы послѣ вкуснаго пирога всей семьей пили кофе и если бы не необходимость непремѣнно побывать у дяди Александра Павловича, я, казалось, такъ бы и не ушелъ изъ этого милаго и симпатичнаго дома. Вышелъ я отъ Петра Карловича уже другимъ ходомъ, онъ меня провелъ прямо на 5-ую линію, такъ что я больше не встрѣчался съ его звѣрьемъ.

Возвратившись опять въ четвертую линію, я позвонилъ у подъѣзда квартиры дяди моего Александра Павловича. «Генерала моего» дома не было и меня приняла тетушка, урожденная баронесса Разль [1]), которая въ это время была женщина довольно зрѣлаго возраста и отъ совершенно праздной жизни и постояннаго спанья сильно расплылась; слово дебелая къ ней уже не подходило, а скорѣе ее можно было назвать сырою и толстою. Сонливость ея доходила до того, что она могла засыпать въ каждую удобную минуту и довольно часто во время своихъ свѣтскихъ разговоровъ, правда, довольно скучныхъ, граціозно закрывала свой большой ротъ тоже не очень маленькой, но бѣлой, покрытой перстнями, пухленькой ручкой, чтобы сладко и вкусно зѣвнуть. Эта олицетворенная индифферентность усадила меня въ своемъ будуарѣ и съ напускнымъ участьемъ стала разспрашивать меня о нашемъ семействѣ, и когда я началъ отвѣчать ей, то она, даже не дослушавъ фразы, перебивала меня, задавая вопросы совершенно на другую тему, или просила меня подать ей ту или другую вещицу съ туалета, а чаще всего какую-то душистую соль, разгонявшую ея сонливость. Послѣ простой, безыскуственной атмосферы, окружавшей меня въ домѣ барона Клодта, меня просто коробила эта напускная аристократическая блажь и мнѣ становилась противно въ ея обществѣ. Дѣтей не было, они пошли гулять, и была дома только мать этой «спящей царевны», совершенная уже старушка, которая произвела на меня впечатлѣніе типичностью своего лица, и я въ слѣдующее мое посѣщеніе написалъ съ нея портретъ. Какъ ни задерживала меня тетушка, а обѣдать я у нея не остался, и выйдя изъ дома, направился пѣшкомъ къ Среднему проспекту, гдѣ жилъ дядя Ѳедоръ Павловичъ. Тамъ меня встрѣтили радостно и съ неподдѣльнымъ радушіемъ. Мнѣ была пріятна вся обстановка дома моего дядюшки; все напоминало мнѣ здѣсь мое милое дѣтство и впечатлѣніе, которое произвела на меня эта семья, сглаживало то непріятное чувство, которое я вынесъ изъ дома дяди Александра Павловича.

Дядю Ѳедора Павловича я засталъ хандрящаго въ кабинетѣ, онъ лежалъ на диванѣ, закрытый сѣрымъ пледомъ, и жаловался на простуду; онъ съ любопытствомъ разспрашивалъ меня про Москву и настоялъ, чтобы я остался обѣдать. Дядя разсказывалъ мнѣ также

[1]) Другая ея сестра была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ О. И. Сенковскимъ.

и мѣстныя новости о работахъ по постройкѣ нынѣ Николаевской желѣзной дороги и моста черезъ Неву, которые вотъ-вотъ должны были начаться. У Исаакія работы подвигались живѣе, видно было, что комиссію подгоняли. Государь былъ въ Москвѣ и остался также очень недоволенъ бездѣятельностью тамошней комиссіи и тоже подтянулъ ее. Словомъ, всюду дѣло закипѣло. Между тѣмъ подготовлялась Крымская кампанія, ходили тревожные слухи о какихъ-то непріязненныхъ отношеніяхъ между Наполеономъ III и нашимъ государемъ. Положительнаго изъ обыкновенныхъ смертныхъ никто не зналъ, потому что никогда еще въ газетахъ не было столько вранья, какъ въ то время, особенно же въ области политики. Однимъ словомъ, на горизонтѣ уже показалась черная туча, зловѣще висѣвшая надъ Россіей, а внутренняя жизнь государства текла своимъ обычнымъ, ровнымъ потокомъ.

Директоръ театровъ Сабуровъ, узнавъ объ успѣхѣ моихъ работъ въ Мраморномъ дворцѣ, обратился ко мнѣ съ заказомъ; онъ тогда отстраивалъ себѣ домъ и ему были необходимы два историческіе сюжета. Принималъ онъ меня очень любезно, и я часто завтракалъ въ его обществѣ и не могу сказать, чтобы оно было не интереснымъ. Изъ работъ по душѣ и собственному выбору я началъ компановать изъ Пушкина сцену «Моцартъ и Сальери».

Въ это время Анненковъ приступалъ къ коллекціонированію своего изданія и, встрѣтившись со мною, выразилъ желаніе помѣстить въ него нѣкоторые изъ моихъ рисунковъ. Я побывалъ у него и мы долго толковали насчетъ самаго изданія, для котораго предстояли огромныя издержки. Публика того времени еще не привыкла къ дорогимъ изданіямъ, и издатели всегда становились въ весьма тяжелыя рамки издать изящную вещь, но дешево. Гравюры стоили дорого, а вкусъ среди большей части интеллигентнаго общества былъ очень развитъ на хорошія художественныя произведенія. Мы рѣшили раздѣлить рисунки на два изданія. Тѣмъ же временемъ я работалъ въ «Иллюстраціи» на злобы дня, а также дѣлалъ виньетки и жанры. Работалъ я много въ виду того, что приближались праздники и мнѣ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ необходимо было ѣхать въ Москву, и вотъ для этой поѣздки я и наколачивалъ деньгу. Однажды во время моего урока у графини Софіи Михайловны вошелъ графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ и, поздоровавшись со мной, сказалъ:

— А вѣдь я опять скоро въ Москву ѣду, на праздникахъ вы не заняты и я васъ охотно туда повезу—ѣдемъ, не такъ ли?

Я очень обрадовался такому предложенію графа, во-первыхъ, мнѣ необходимо было ѣхать все равно, а, во-вторыхъ, ѣхать съ нимъ было для меня истиннымъ удовольствіемъ. Я отъ души поблагодарилъ его и вотъ черезъ недѣлю, снабженные цѣлымъ ворохомъ съѣстныхъ припасовъ, заготовленныхъ намъ заботливою графинею, мы усѣлись въ удобный закрытый возокъ и убаюкиваемые мѣрнымъ его покачива-

ніемъ изъ стороны въ сторону, быстро покатились по ровному укатанному санному пути. Колокольчикъ мѣрно выбивалъ свою однообразную пѣсню, а снаружи доносилось время отъ времени покрикиваніе ямщика на своихъ довольно ретивыхъ лошадей.

XIV.

Опять въ Москвѣ.—Встрѣча съ И. И. Панаевымъ и В. П. Боткинымъ.—Московскіе спириты.—Графиня Ростопчина.—Инцидентъ съ П. Ф. Соколовымъ въ Парижѣ.—Толстякъ Рахмановъ и его братъ.

Итакъ, я опять въ Москвѣ, въ кругу своей родной семьи, опять отдыхаю душою и тѣломъ. На другой же день моего пріѣзда меня, какъ говорится, угостили русской оперой, которая была здѣсь украшена свѣжими голосами, но состояла не изъ однихъ русскихъ, положимъ, тутъ были и чехи, и малороссы, но все-таки славянскаго племени. Теноръ былъ Владиславлевъ, который славился своей игрой и сильнымъ голосомъ; но въ Москвѣ всѣ только и говорили объ итальянской оперѣ и ждали итальянцевъ къ Великому посту. На слѣдующее утро я зашелъ въ Варваринскую гостиницу, гдѣ остановился графъ В. А. Соллогубъ, мнѣ ужасно хотѣлось повидать его. У Владимира Александровича я засталъ Ивана Ивановича Панаева и Василія Петровича Боткина, того самаго, что въ скоромъ времени написалъ и напечаталъ свои «Письма объ Испаніи». Боткинъ высматривалъ сонливо и говорилъ мало, зато Панаевъ находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи и былъ милъ и остроуменъ. Онъ разсказывалъ про какой-то московскій вечеръ, на которомъ онъ недавно былъ, и презабавно обрисовывалъ тогдашніе типы средняго свѣтскаго круга, въ которомъ уже появилась манія столоверченія и вообще увлеченіе спиритизмомъ.

— Помилуйте,—говорилъ онъ:—куда ни придешь—вездѣ столы, столики и столищи стучатъ, двигаются и даже пишутъ. Я давно привыкъ слышать выраженіе, когда хотятъ опредѣлить степень глупости кого-нибудь, то обыкновенно говорятъ: «онъ глупъ, какъ этотъ столъ». И вдругъ этотъ столъ пишетъ и даже говоритъ этимъ же самымъ умнымъ людямъ, которые дѣлаютъ подобныя сравненія. Въ особенности дамы этого круга,—продолжалъ онъ,—старались убѣдить меня во всевозможныхъ чудесахъ, выдѣлываемыхъ столами, и положительно я опасался имъ противорѣчить, такъ какъ энтузіазмъ, съ которымъ онѣ защищали силу духовъ, доходилъ до своего апогея.

Юмъ, впрочемъ, уже и въ Петербургѣ разводилъ свои кружки, а оттуда они очень быстро перешли въ московское интеллигентное общество. Все это происходило отъ праздности, говорилъ Панаевъ, а вовсе не отъ увлеченія, что ли интересными и непонятными явле-

н ями... И, дѣйствительно, праздность эта принимала колоссальные размѣры. Такъ, напримѣръ, она доходила до того, что даже въ болѣе или менѣе интеллигентныхъ кругахъ тогдашняго общества не только молодежь, но и зрѣлые люди занимались пусканіемъ мыльныхъ пузырей, находя въ этомъ занятіи себѣ достаточное развлеченіе. Входя въ какую-нибудь гостиную, вы непремѣнно замѣчали на самомъ виду приготовленною съ мыльной водой чашку, надъ которой и молодыя дамы, и старики, и юноши, вооруженные небольшими соломенными трубочками, захватывали немного мыла и пускали вверхъ довольно красивые мыльные пузыри, которые взлетали вверхъ, лопались при общемъ весельи и смѣхѣ этой забавляющейся компаніи, напоминавшей собою толпу рѣзвящихся дѣтей. И эта глупая мода процарствовала въ продолженіе цѣлаго года, но потомъ отъ нея какъ-то отстали Разсказывалъ также Иванъ Ивановичъ про графиню Ростопчину, съ которой онъ недавно видѣлся, находившуюся въ то время въ Москвѣ и писавшую свою комедію «Продолженіе Горе отъ ума».

— Вотъ скоро предполагается большой балъ у графини Орловой,—говорилъ Панаевъ:—на которомъ соберется вся аристократія, какъ родовая, денежная, такъ и умственная, во главѣ этого блестящаго общества будетъ находиться графиня Ростопчина, какъ поэтесса и знаменитость.

Меня въ особенности заинтересовали разсказы о графинѣ, такъ какъ мнѣ предстояло быть на этомъ балу, приглашеніе на который было получено моимъ отцомъ со всѣмъ нашимъ семействомъ. Отъ Соллогуба я отправился къ Миллерамъ [1]) и всѣхъ ихъ засталъ дома. Александръ Степановичъ за огромнымъ чертежнымъ столомъ возился надъ какими-то проектами барскаго дома и когда я спросилъ его, для кого онъ ихъ составляетъ, то онъ назвалъ одного изъ двухъ братьевъ, извѣстныхъ богачей Рахмановыхъ. Тотъ, для котораго онъ работалъ, былъ толстякъ и гастрономъ, жившій въ своемъ домѣ на углу Страстного бульвара и Дмитровки. Онъ былъ извѣстенъ какъ своей колоссальной толщиной, такъ и своими лукулловскими обѣдами и еще тѣмъ, что, будучи неизмѣримо толстъ, былъ крайне тяжелъ на подъемъ и почти никуда не выѣзжалъ, но для того, чтобы видѣть теченіе общественной жизни, онъ устроилъ у себя въ домѣ крытый балконъ выступавшій на улицу, на которомъ постоянно возсѣдалъ и могъ видѣть всѣхъ проѣзжавшихъ мимо его дома. Лишь только замѣтитъ бывало, Рахмановъ знакомаго, глаза его засверкаютъ, онъ нервно задвигается на своемъ сѣдалищѣ и, схвативъ находящееся постоянно при немъ павлинье перо, начинаетъ махать имъ и хриплымъ голосомъ кричать:

---

[1]) А. С. Миллеръ былъ извѣстный архитекторъ и другъ Петра Ѳедоровича Соколова. Б. Тагѣевъ.

— Ко мнѣ, ко мнѣ!

Кромѣ гастрономіи, его любимымъ провожденіемъ времени была передѣлка или какая-нибудь постройка въ своемъ домѣ; и вотъ Миллеръ, какъ его годовой архитекторъ, безъ отдыха возился надъ этими безконечными реставраціями.

— Вотъ я васъ съ нимъ познакомлю,—сказалъ мнѣ Миллеръ.— Вы видите въ этомъ самомъ чертежѣ, который передъ вами, посреди̇нѣ дома находится большая квадратная комната съ куполообразнымъ потолкомъ, которую я ему сдѣлалъ въ помпейскомъ вкусѣ. Въ парусахъ его должны были быть помѣщены четыре живописныхъ фрагмента, представляющіе собой нѣсколько летящихъ фигуръ. Не хотите ли вы взять ихъ написать? Во-первыхъ, Рахмановъ хорошій плательщикъ, а, во-вторыхъ, онъ представляетъ собою такой интересный типъ, что вамъ, какъ художнику, прямо не мѣшаетъ съ нимъ познакомиться. А вотъ еще я вамъ любопытныя вещи покажу,—прибавилъ Александръ Степановичъ и при этомъ вынулъ рисунки, которые были имъ дѣланы въ Парижѣ для извѣстной графини Самойловой [1]), той самой, которую я встрѣчалъ въ Павловскѣ.

— Да,—сказалъ онъ:—дорого ей обошелся парижскій hotel, который я ей отдѣлывалъ. Но, боги! во что бы ей обошелся онъ, если бы ей отдѣлывали его парижскіе архитектора.— И Александръ Степановичъ былъ совершенно правъ, такъ какъ отецъ мой, во возвращеніи изъ-за границы, восхищался нѣмцами за ихъ аккуратность и былъ совершенно противоположнаго мнѣнія о французахъ, называя ихъ страшными эксплоататорами.

— Если этихъ французовъ слушать и принимать за чистую монету все, что они наскажутъ, то какъ разъ попадешь съ ними впросакъ,—разсказывалъ отецъ.—Такъ, напримѣръ, одинъ дантистъ навязалъ мнѣ вставные зубы, которые мнѣ, собственно, совершенно не были нужны, но онъ, предлагая ихъ мнѣ, настойчиво убѣждалъ меня взять ихъ, такъ какъ они мнѣ непремѣнно понадобятся; и такъ сумѣлъ заговорить меня, что я ихъ и взялъ; и вотъ эти зубы теперь валяются у меня гдѣ-то въ ящикѣ. А то вотъ еще случай,— говорилъ мнѣ отецъ:—парикмахеръ, который приходилъ меня постоянно брить, замѣтя мои рѣдкіе волосы, увѣрилъ меня, что у него есть какой-то составъ для рощенія волосъ «migoralan», какъ онъ его на ывалъ. И вотъ этотъ куаферъ выбрилъ мнѣ голову и сталъ аккуратно мазать своимъ волшебнымъ составомъ, оказавшимся потомъ просто фиксатуаромъ. Голова моя стала походить на большой бильярдный шаръ, на который я надѣлъ черную шелковую ермолку и не снималъ ее въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока у меня опять не выросли такіе же жиденькіе волосы, какіе и до этого были.

---

[1]) Портретъ графини Самойловой, писанный К. П. Брюлловымъ, находится въ музеѣ императора Александра III; она изображена въ костюмѣ турчанки съ рабыней. Б. Т.

Изъ-за этой ермолки съ отцомъ вышелъ довольно курьезный случай: однажды, будучи въ Парижѣ, онъ посѣтилъ театръ «Варьете»; мѣсто его приходилось какъ разъ подъ самыми ложами 1-го яруса въ амфитеатрѣ, вдругъ во время антракта послѣ перваго дѣйствія онъ почувствовалъ, что какая-то рука подняла за кисточку его ермолку; быстро обернувшись, отецъ увидѣлъ склонившуюся надъ нимъ очень хорошенькую дамочку съ его ермолкой въ рукѣ и ласковымъ голосомъ проговорившую ему:

— Bonjour, monsieur Socoloff!

И въ этой дамѣ отецъ узналъ извѣстную проказницу графиню Орлову, съ которой онъ писалъ незадолго до этого портретъ въ Москвѣ.

Хотя мы и условились черезъ нѣсколько дней побывать у Рахманова, но на этотъ разъ мнѣ не пришлось осуществить нашей поѣздки, и только въ слѣдующій мой пріѣздъ въ Москву я съ Миллеромъ посѣтилъ эту интересную личность. Когда мы подъѣзжали къ дому Рахманова, Миллеръ, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Пріятно имѣть дѣло съ подобными толстяками, по крайней мѣрѣ, знаешь, что навѣрное застанешь его дома. Ему труднѣе сняться съ якоря, чѣмъ какому-нибудь огромному броненосцу, да и домъ-то онъ свой строитъ и перестраиваетъ только потому, что это даетъ ему возможность сидѣть дома и чѣмъ-нибудь заниматься. Вѣдь вотъ этотъ залъ, въ которомъ будутъ ваши картины, онъ уже въ четвертый разъ передѣлываетъ, все, видите ли, у него новыя фантазіи разыгрываются: то въ римскомъ вкусѣ, то въ греческомъ, то въ ренессансъ. Теперь вотъ въ помпейскомъ придумалъ,—авось на этомъ остановится.

Мы подъѣхали къ богатому крыльцу и швейцаръ, высадивъ насъ, позвонилъ наверхъ. По роскошной лѣстницѣ, установленной мраморными статуями и вазами, мы стали подниматься.

— Это вы ему все устраивали?—спросилъ я Миллера.

— Да,—отвѣчалъ онъ:— а вотъ эту лѣстницу такъ передѣлывалъ два раза.

Пройдя двѣ гостиныя, я наконецъ увидѣлъ облитаго полнымъ дневнымъ свѣтомъ, громадной величины толстяка, сидящаго на широчайшемъ табуретѣ, покрытомъ тигровой шкурой; лѣвая нога его была подогнута и онъ сидѣлъ на ней, а въ правой рукѣ держалъ нѣсколько уже помятое павлинье перо. Голова его была гладко выстрижена, черепъ былъ небольшой, но щеки и подбородокъ расплылись до того, что шеи не было никакой возможности отличить въ этой жировой массѣ. Глаза его не были лишены красоты, но жиръ настолько закрывалъ ихъ, что сразу они казались маленькими и безъ выраженія; носъ короткій, уста большія, очень пріятно улыбавшіяся. На ногахъ его были одѣты вышитые золотомъ турецкія туфли, а самъ онъ былъ одѣтъ въ блѣдно-голубую шелковую рубашку.

— А!—протянулъ толстякъ,—Александръ Степановичъ, милости просимъ, ужъ я вижу, что вы ко мнѣ художника ведете, милости прошу,—и онъ, пожавъ намъ руки, указалъ на стоявшіе подлѣ него стулья.

— Да вотъ сижу я тутъ,—продолжалъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ,—да все придумываю, какъ бы это мнѣ покрасивѣе да поудобнѣе устроить,—и тутъ онъ началъ посвящать меня въ свои идеи о квадратной комнатѣ, про которую я уже зналъ отъ Миллера. Когда рѣчь зашла про картины, то онъ вдругъ воодушевился.

— Мнѣ, знаете,—говорилъ онъ, прищуря заплывшіе глаза, какъ говоритъ обыкновенно тонкій гастрономъ, заказывая самое изысканное блюдо спеціалисту-повару:—мнѣ хочется сюда фигурки, какъ будто летящія... вакханочекъ, съ тазиками и съ чашками, тѣльце, знаете, этакое бѣленькое, пріятное...—и его глаза при этомъ совершенно закрылись отъ предвкушаемаго удовольствія постоянно видѣть передъ собою это «бѣленькое тѣльце».—Я вѣдь въ папашу пошелъ,—заговорилъ опять онъ:—такой же былъ канашка покойникъ...—и онъ захохоталъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.—Вотъ когда я еще могъ ѣздить за границу, видѣлъ я такія картиночки въ одномъ палаццо на берегу Средиземнаго моря... Эхъ, кабы оно теперь тутъ передо мною было, а то что я здѣсь вижу? галки да монастырь. А преполезныя птицы эти галки,—серьезно замѣтилъ онъ.—Ну, чтобы Лужинъ [1]) подѣлалъ со своими новшествами да распорядительностью, если бы онѣ не подчищали ему Москвы? вѣдь, поди, сколько за день онѣ всякой дряни не переѣдятъ.

Мы разсмѣялись, а хозяинъ, съ трудомъ перемѣнивъ положеніе, предложилъ мнѣ осмотрѣть его домъ, обѣщая вскорѣ прійти вслѣдъ за нами, и пригласилъ насъ остаться у него позавтракать. Мы съ Миллеромъ встали и пошли осматривать домъ и обошли множество залъ, роскошно убранныхъ въ различныхъ стиляхъ и въ то же время носившихъ на себѣ характеръ самого хозяина. Я вспомнилъ Собакевича. Все было крупно и мягко. Кресла, диваны и отоманки были колоссальныхъ размѣровъ и, казалось, такъ и говорили: «вѣдь я тоже въ своемъ родѣ Рахмановъ».

Едва мы успѣли наскоро обойти все помѣщеніе, какъ уже за нами явился слуга и объявилъ, что Михаилъ Алексѣевичъ ожидаетъ насъ въ столовой. Мы вошли въ продолговатую комнату, правда, не особенно большую, но сплошь отъ потолка до полу убранную рѣзнымъ дубомъ. По срединѣ стоялъ широкій столъ, обставленный со всѣхъ сторонъ рѣзными стульями. Въ противоположномъ концѣ столовой былъ устроенъ растворъ въ видѣ окна, въ которое подавалось очередное кушанье, и изъ прислуги, такимъ образомъ, дѣйствовалъ только одинъ человѣкъ, подававшій намъ

[1]) Оберъ-полицеймейстеръ Москвы. Б. Т.

за столомъ. Эта столовая напоминала мнѣ ту, которая была устроена въ одномъ изъ павильоновъ Царскосельскаго сада, гдѣ была поставлена подъ него машина, подающая кушанья съ кухни на столъ. Да, завтракъ былъ поистинѣ гастрономическій, и, кажется, болѣе всего чести оказалъ ему самъ хозяинъ, который, какъ гоголевскій Петръ Петровичъ Пѣтухъ, сдѣлался за столомъ совершеннымъ разбойникомъ, безпощадно приказывая подкладывать намъ все новые и новые куски и подливать вина. Еле-еле всталъ я изъ-за стола, чувствуя ужасную тяжесть въ желудкѣ и, получивъ заказъ, поспѣшилъ откланяться не въ мѣру гостепріимному хозяину.

У этого Рахманова былъ братъ, немного на него похожій. Высокаго роста мужчина, брюнетъ, плотно сложенный, но не такой толстый, какъ этотъ, онъ былъ извѣстенъ какъ азартный игрокъ и всегда бывалъ въ огромномъ залѣ Англійскаго клуба. Вотъ какіе типы существовали еще въ московскомъ обществѣ.

Но не только Рахмановъ имѣлъ обыкновеніе закармливать до одуренія своихъ гостей, это было вообще принято въ то время, и, дѣйствительно, идя куда-нибудь въ гости, надо было помнить, что находишься въ Москвѣ, и дня два тренировать себя для того, чтобы потомъ легче поглотить всѣ тѣ яства, которыя неизбѣжно долженъ принять желудокъ.

Отъ Миллера я прямо направился къ Маковскимъ. Въ зимнемъ своемъ уборѣ Москва мнѣ еще болѣе понравилась, день былъ морозный и солнечный, дорога, оконныя стекла домовъ, все сверкало и искрилось какъ-то особенно радостно и привѣтливо. Встрѣчныя сани и другіе экипажи быстро мелькали мимо, обдавая меня снѣжною пылью. Пѣшеходы шли торопливо и весело поглядывали изъ-за своихъ приподнятыхъ мѣховыхъ воротниковъ. Словомъ, вся Москва выглядывала въ ту пору совсѣмъ русскимъ городомъ. Подъѣхавъ къ Дворцовому мосту, я позвонилъ у знакомой мнѣ двери. Открылъ мнѣ ее младшій Маковскій—Николаша. Отца не было дома, а Любовь Корниловну я тотчасъ же увидѣлъ; она привѣтливо встрѣтила меня и сейчасъ же начала спрашивать, не хочу ли я чего-нибудь покушать. Мнѣ невольно вспомнились старосвѣтскіе помѣщики Гоголя. Ласковая хозяйка объявила мнѣ, что сготовила блины и что хотя масленица еще не наступила, но что необходимо сдѣлать пробные, такъ сказать, приноровиться, какъ слѣдуетъ. Маковская была большая мастерица создавать необыкновенно вкусныя блюда, и у меня вдругъ разыгрался аппетитъ и явилась охота ихъ пробовать.

Дѣйствительно, блины оказались великолѣпные, да еще съ бѣлозерскими снѣтками... Ужъ не помню, какъ я доѣхалъ домой. Наливка, что ли, приготовленія Любови Корниловны, которою она меня усердно потчевала, или блины, не знаю, такъ подѣйство-

вали на меня, только я всю дорогу клевалъ носомъ и, прямо пройдя въ свою комнату, бухнулся на кровать, какъ былъ одѣтый.

Ай да Любовь Корниловна, вотъ такъ попотчевала! Проснулся я, когда было уже совершенно темно, и засталъ всѣхъ нашихъ въ сборѣ. Меня встрѣтили хохотомъ и когда я разсказалъ, гдѣ былъ, всѣ еще больше разсмѣялись.

— Да ужъ она, если кто ей попадется,—говорилъ отецъ,—такъ ублаготворитъ, что едва ноги унесешь, я такъ просто ея боюсь, мастерица угощать.

— Да, да,—подтвердилъ учитель моего брата Александра, Родзіевскій,—я послѣ ея угощенія имѣю всегда дѣло съ аптекой и когда ѣду къ Маковскимъ, то постоянно беру съ собой коробочку съ содой».

Пришелъ Миллеръ и, узнавъ о моемъ похожденіи, тоже отъ души хохоталъ; оказалось, что и онъ былъ жертвой гостепріимства этой прекрасной женщины. А весело бывало въ домѣ у Маковскихъ, въ особенности, когда они устраивали у себя вечера съ танцами; необыкновенная простота и радушіе царили подъ ихъ кровлею, и полная чаша всегда была для множества собиравшихся у нихъ гостей. Теперь на святкахъ предполагался у нихъ маскарадъ и мы всѣ съ нетерпѣніемъ его ожидали.

— Ничего, пусть тряхнетъ карманами Егоръ Ивановичъ,—сказала моя мать:—а то онъ все только по рынкамъ на Смоленскомъ да у Сухаревой труситъ ихъ. Любовь Корниловна все ворчитъ на него за это, скупится онъ на обновы, а старье скупаетъ, такъ его «старьевщикомъ» и прозвала.

— Вамъ, женщинамъ, это не понятно,—возразилъ отецъ:—а это у него благородная страсть. Вѣдь вотъ не понимаете вы, что на эти рубли и копейки, что онъ на рынкѣ-то «труситъ», какъ ты выразилась, теперь растетъ такая драгоцѣнная коллекція, которая будетъ стоить со временемъ капиталы.

— Хорошо,—возразилъ Миллеръ:—да кто ее купитъ-то? онъ потому дешево и пріобрѣтаетъ свои гравюры, что онѣ никому не нужны. Вотъ продавалась галерея Мосолова, большая часть же ея и досталась Маковскому, никто даже аукціонной цѣны не давалъ.

— А въ музеумъ или библіотеку?—сказалъ отецъ.

— Да, это пожалуй,—отвѣтилъ Миллеръ:—только у насъ въ Россіи трудновато, развѣ вы не знаете, Петръ Ѳедоровичъ, сколько хлопотать для этого нужно и сколько денегъ придется раздать, пока пристроишь въ какой-нибудь изъ нихъ, оттого-то наши музеи и хуже заграничныхъ, потому что на пріобрѣтеніе чего-нибудь хорошаго у насъ никогда нѣтъ денегъ. Нѣтъ, батюшка, Петръ Ѳедоровичъ, не нашей дикой странѣ блистать музеями,—и онъ былъ правъ.

XV.

Балъ у графа Орлова-Денисова.

Домъ графа Орлова-Денисова былъ образцомъ тѣхъ барскихъ домовъ, которые возникли послѣ пожара и разгрома 1812 года. Главный корпусъ зданія стоялъ въ глубинѣ двора и поражалъ глазъ своимъ огромнымъ подъѣздомъ. Великолѣпная лѣстница вела въ большіе пріемные залы, изъ которыхъ самый большой находился по лѣвой сторонѣ площадки. Въ грунтѣ архитектурномъ и декоративномъ украшеніи видѣлся еще вкусъ эпохи Александра I, но по этому грунту блестящими брызгами были разсыпаны новшества послѣдовавшихъ царствованій и новѣйшаго времени, нисколько не дисгармонировавшія съ остатками дѣдовскаго вкуса. Прислуга одѣта была въ парадные шитые галунами кафтаны и въ бѣлые напудренные парики; стѣны уставлены цвѣтами и деревьями изъ оранжерей, и по угламъ огромныхъ залъ сгруппированы маленькіе возвышающіеся горою сады. Множество золотыхъ стульевъ было разсыпано по танцовальному залу, гармонировавшихъ съ великолѣпною бронзою, украшавшею стѣны и потолокъ, съ которыхъ спускались богатѣйшія золоченыя люстры.

Часовъ въ 10 вечера домъ запылалъ тысячами огней, а подъѣздъ, какъ бы огромный фантастическій фонарь, проливалъ лучи свѣта, освѣщая весь дворъ и подъѣзжающіе экипажи. Кареты то и дѣло подкатывали и останавливались у подъѣзда. Прелестныя дамы въ великолѣпныхъ туалетахъ, въ сопровожденіи стариковъ отцовъ, матерей или мужей, такихъ же блестящихъ и великолѣпныхъ, съ улыбкой предвкушенія ожидаемаго удовольствія поднимались по лѣстницѣ, устланной широкимъ и дорожайшимъ ковромъ. Какой-то нѣжный ароматъ самыхъ тончайшихъ духовъ царилъ въ воздухѣ и казалось, что цвѣты всего міра удѣлили сюда понемногу своего благоуханія. Въ широкихъ дверяхъ перваго зала, какъ въ рамѣ портретъ во весь ростъ, обрисовывалась роскошная фигура красавицы хозяйки, съ любезной улыбкой встрѣчавшей своихъ гостей, которыхъ, въ свою очередь, отъ нея принималъ уже хозяинъ дома въ блестящемъ казачьемъ мундирѣ при всѣхъ орденахъ и вводилъ въ ярко освѣщенный залъ. По знаку балетмейстера грянулъ польскій, и значительно сгустившаяся толпа начала раздѣляться по парамъ. Въ первой парѣ польскаго находилась хозяйка дома съ губернаторомъ Чертковымъ. Весь этотъ пышный цугъ подъ громкіе звуки оркестра прошелъ анфиладу парадныхъ комнатъ и возвратился въ большой залъ. Музыка на мгновеніе смолкла, и вдругъ раздались чудные звуки одного изъ волшебныхъ вальсовъ любимца публики Штрауса, и пары понеслись, будто брошенные могучей рукой букеты,

образуя собой какъ бы огромной величины волнующійся вѣнокъ. Мимо меня въ парѣ съ великолѣпнымъ офицеромъ мелькнула царица бала и интеллигентнаго кружка того времени, красавица-поэтесса графиня Ростопчина. Въ шпалерахъ не танцующихъ гостей уже мелькали звѣзды той плеяды интеллигентныхъ и геніальныхъ людей, о которыхъ я уже не разъ говорилъ; здѣсь были два брата князья Черкасскіе, Самаринъ, Кирѣевы и Аксаковы, а также лысый Чаадаевъ и долгогривый Хомяковъ, И. И. Панаевъ и др. Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ мелькнулъ мнѣ своей крупной фигурой, а когда стали составляться кадрили, появился и Константинъ Булгаковъ со своей типичной и пикантной физіономіей.

Графиня хозяйка была блистательна въ своемъ роскошномъ бѣломъ туалетѣ; ея оживленіе и довольство невольно сообщались всѣмъ ея гостямъ. Балъ закипѣлъ во всей своей силѣ и блескѣ.

Я слѣдилъ за танцующими дѣвицами, и меня невольно охватывалъ какой-то безотчетный страхъ за какое-нибудь молодое существо въ видѣ юной блондинки, сидѣвшей близко около меня, то вспыхивавшей румянцемъ, то блѣднѣвшей и дѣлавшейся серьезной отъ тѣхъ словъ, которыя ей нашептывалъ склонившійся къ ея уху уже пожилой человѣкъ въ блестящемъ мундирѣ. По всему было видно, что онъ имѣетъ претензію на нее. Что могъ онъ ей нашептывать, что ее такъ волновало, и какая, можетъ быть, готовилась тутъ драма... но зачѣмъ омрачать этими грустными тѣнями ликующую картину, полную блеска и радостей. Когда началась мазурка, Булгаковъ выступилъ, какъ дѣйствующее лицо; онъ начиналъ фигуры и былъ крайне изобрѣтателенъ, оживляя всю массу танцующихъ своей энергіей и громкими возгласами команды. У меня начинало пестрѣть въ глазахъ отъ безпрестанно сгруппировывавшихся гирляндъ милыхъ красавицъ, то становившихся въ кругъ, то разбѣгавшихся съ новыми кавалерами, то дѣлавшихъ съ ними шенъ длинной цѣпочкой по всему залу. Только сонъ или какой-нибудь роскошный балетъ можетъ дать такія картины. Тутъ я отчасти понялъ эту увлекающую и заразительную страсть женщинъ къ драгоцѣннымъ тряпкамъ; онѣ изъ нихъ дѣлаютъ вокругъ себя ореолъ пестроты, блеска и свѣта, къ которому нашъ братъ мужчина летитъ, какъ мотылекъ на огонь свѣчки. Но коварные мужчины далеко не всѣ обжигаются на этомъ огнѣ, пропитанные, вѣроятно, какой-нибудь огнеупорною жидкостью.

Но вотъ танцующіе начали какъ будто утомляться, и великолѣпныя дамы съ ихъ кавалерами разбрелись по гостинымъ. Всюду слышались оживленные разговоры, смѣхъ, выражающій неудержимое веселье, которымъ дышала вся обстановка. Прислуга разносила фрукты и прохладительные напитки. Я направился въ буфетъ и по дорогѣ встрѣтилъ Ивана Ивановича Панаева; пришлось пройти цѣлый рядъ гостиныхъ, въ которыхъ сидѣли болѣе солидные гости,

занятые своими разговорами; а въ амбразурахъ оконъ появились парочки и то и дѣло виднѣлся то складывающійся, то опять быстро разворачивающійся вѣеръ, скрывавшій или лукавую улыбку, или таинственно посланный летучій поцѣлуй. Но вотъ я подошелъ къ роскошно сервированной витринѣ, гдѣ было настояще «embarras de richesse» и около которой, весело чокаясь, собралась цѣлая группа мужчинъ. Когда я возвратился въ залъ, тамъ уже танцовали котильонъ и пары носились въ вихрѣ вальса. Да, теперь танцы совсѣмъ не тѣ, какими они были въ то благое время, тогда отдавались имъ отъ души, съ увлеченіемъ, а теперь просто грустно смотрѣть на танцующую молодежь. Хозяйка, графиня Орлова, съ увлеченіемъ и безъ устали танцовавшая, быстро опустилась въ кресло, съ котораго только что встала, чтобы сдѣлать туръ вальса, вдругъ она замѣтила, что сѣла на свою любимицу—маленькую, очень маленькую собачку. Графиня сейчасъ же вскочила, но было уже поздно,— собачка, не издавъ ни единаго звука, издохла, раздавленная своей госпожей. Графиня поблѣднѣла, задрожала и, навѣрное, упала бы на полъ, если бы къ ней на помощь не подоспѣлъ танцовавшій съ нею кавалеръ. Впечатлѣніе внезапной смерти любимой собачки было настолько сильно, что графиня принуждена была удалиться къ себѣ и больше уже не выходила въ залъ. Общее веселье какъ-то сразу было нарушено этимъ внезапнымъ эпизодомъ.

Было уже поздно, когда по великолѣпной лѣстницѣ густыми группами спускались усталые гости, и я поплелся за ними. Такъ кончилась суета и оживленіе, быстро застывшія и не оставившія ничего, кромѣ какого-то недоумѣнія. Для чего все это было дѣлать?

Обмѣнъ тщеславья иль бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

отвѣчаетъ на это поэтъ, будучи въ желчномъ настроеніи духа. Я же въ своей скромной тѣни думаю про себя, что безъ этихъ время отъ времени «Ecare de temperament» масса людей была бы еще эгоистичнѣе и злѣе, а эти движенія и суета нѣсколько развлекаютъ и ослабляютъ сокрушающую силу колецъ этого гигантскаго боа, въ объятія котораго такъ беззавѣтно бросается неопытная и увлекающаяся молодежь. Ну, развѣ не похожъ нашъ пестрый и блестящій большой свѣтъ на огромнаго змія, тоже сверкающаго и пестраго, безжалостно задушающаго въ своихъ могучихъ объятьяхъ неосторожно попавшую жертву? И какія великія жертвы погибли въ этихъ губительныхъ кольцахъ!.. Довольно только назвать одно имя Александра Сергѣевича Пушкина.

XVI.

Храмъ Спасителя.—Рязанцевъ.—Княжна Марія Волконская.—Встрѣча и знакомство съ Ивановыми.—Мое сватовство.—Оригинальные балаганы.—А. В. Кирѣева.

Одно, что томило меня во время моего пребыванія въ Москвѣ, это то, что я не осмотрѣлъ еще, какъ слѣдуетъ, работы по постройкѣ храма Спасителя, этого колоссальнаго сооруженія той эпохи. Я отправился къ этой замкнутой крѣпости квартала, гдѣ шли работы, и едва добился, чтобы меня впустили въ калитку. Только имена Каминскаго и Рязанцева послужили мнѣ лозунгомъ и дали возможность осмотрѣть этотъ строящійся храмъ. Сторожъ провелъ меня по мосткамъ въ одинъ изъ домиковъ, нарочно построенный для жилья служащихъ при строительной комиссіи, и я наконецъ вошелъ въ квартиру, занимаемую Рязанцевымъ; убранство его помѣщенія мнѣ напоминало тѣ же мастерскія, въ которыхъ мы съ нимъ въ первый разъ сошлись во флигелѣ академіи; тѣ же доски, тѣ же плиты, детальные чертежи, гипсы и антаблименты, табуреты, столы и скамейки наполняли эту мастерскую архитектора. Рязанцевъ разговаривалъ съ десятникомъ, когда я къ нему вошелъ; онъ былъ очень, повидимому, радъ моему приходу, но просилъ меня подождать, пока онъ не кончитъ съ мужикомъ.

— Ну, теперь, Павелъ Петровичъ, отправимтесь на работы,— сказалъ онъ:—но, предупреждаю васъ, многаго вы не увидите, такъ какъ лѣса еще нигдѣ не сняты, но зато кое-что изъ мозаики уже готово; вамъ будетъ интересно ее посмотрѣть.

Мы пошли опять по мосткамъ и, подойдя къ собору, спустились въ какъ е-то подвалы подъ огромные сооруженные лѣса. Передо мною тянулись вверхъ толстѣйшія мачтовыя колонны, къ которымъ помощью толстаго желѣза прикрѣплялись также солидныхъ размѣровъ поперечники, поддерживавшіе площадки и лѣстницы.

Пройдя нѣсколько отдѣленій сводовъ, мы наконецъ попали во внутренность храма и стали подниматься до цоколя тутъ Рязанцевъ обратилъ мое вниманіе на стѣны, по которымъ какъ бы были натянуты роскошные ковры изъ разноцвѣтныхъ камней весьма изящнаго рисунка и такого разнообразія пятенъ и контуровъ, что я, хотя и рисовальщикъ, не вдругъ могъ разобраться въ ихъ деталяхъ. Это было, дѣйствительно, верхъ совершенства мозаичной кладки, которая и могла лишь возникнуть только благодаря такимъ силамъ, какими были строители собора. Когда мы вошли на середину постройки, то я почувствовалъ себя, какъ бы въ самой чащѣ дѣвственныхъ лѣсовъ. Пробираясь среди этихъ огромныхъ деревянныхъ колоннъ, мы наконецъ вышли наверхъ и я увидѣлъ замѣчательные барельефы, недавно поставленные Пименовымъ и Рязанцевымъ, по-

слѣдній я уже видѣлъ оканчивавшимся въ его мастерской Юшковской школы. Тутъ на мою бѣду насъ догналъ опять какой-то десятникъ съ деревянной саженью въ рукахъ и настоятельно сталъ просить Рязанцева итти съ нимъ куда-то.

— Безъ васъ мы не можемъ приступить къ работамъ,—говорилъ десятникъ,—сдѣлайте милость, извольте указать,—какимъ-то молящимъ тономъ говорилъ онъ.

«Ага,—подумалъ я,—неудовольствіе государя за медленность хода работъ проявило и здѣсь свою силу—такъ, молъ, и слѣдуетъ», и я, не желая мѣшать Рязанцеву дѣлать свое дѣло, сталъ съ нимъ прощаться. Послѣ подробнаго осмотра всего храма, я вынесъ о немъ впечатлѣніе довольно своеобразное. Нечего говорить про тѣ богатства творчества и драгоцѣнностей, которыми онъ изобиловалъ, но этотъ великолѣпный соборъ какъ-то не гармонировалъ съ своимъ назначеніемъ; онъ былъ черезчуръ испещренъ геніальною рукою человѣка, не было въ немъ той смиренной простоты, которая встрѣчается почти во всѣхъ, даже самыхъ великолѣпныхъ храмахъ, что-то черезчуръ крикливое, музейное было въ немъ, но не русское, не подходящее подъ стиль нашей русской церкви, зато надъ каждымъ уголкомъ, надъ каждымъ портикомъ этого роскошнаго строенія можно было часами стоять и любоваться имъ.

Теперь мнѣ пора перейти къ тому періоду моей жизни, который положилъ начало новому ея фазису и вскорѣ долженъ былъ дать ей общее почти всѣмъ людямъ направленіе. Я хочу сказать про тотъ счастливый періодъ, когда мое сердце впервые загорѣлось чистой искренней любовью къ дѣвушкѣ и намѣтило ее въ постоянныя спутницы въ жизни. Въ своихъ воспоминаніяхъ я только говорилъ о разныхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на меня геніальные люди, описывалъ современную жизнь и даже слегка коснулся одного изъ своихъ увлеченій, такъ свойственныхъ каждому изъ насъ въ опредѣленный періодъ нашей жизни. Но я былъ молодъ, хорошъ, какъ говорили, собою, далеко не былъ нравственно изуродованъ и, отдавъ должное своей натурѣ, я душою искалъ мирнаго, тихаго пристанища въ лицѣ вѣрной и милой мнѣ подруги.

Еще въ прошлую зиму я бывалъ довольно часто на балахъ въ Дворянскомъ собраніи и умѣніемъ своимъ танцовать снискалъ вниманіе дамъ; часто я танцовалъ съ прелестною брюнеткой, княжною Маріею Волконской, которая меня постоянно выбирала въ котильонахъ и насъ отличали, какъ удачно составившуюся пару, на которую пріятно посмотрѣть. Княжна всегда пріѣзжала на эти балы съ своей старшей сестрой, уже пожилою и походившею скорѣе на ея тетушку, чѣмъ на сестру. Однако, это ей не мѣшало быть, повидимому, хорошимъ человѣкомъ; она, напримѣръ, никогда не танцовала, но всегда была внимательна и безропотно высиживала на этихъ длинныхъ вечерахъ, ко мнѣ относилась всегда очень любезно

и въ концѣ года выразила желаніе, чтобы я побывалъ въ ихъ домѣ. Самъ старикъ князь Волконскій былъ еще живъ, но очень старъ, почти никогда не выѣзжалъ и предоставилъ полную свободу своимъ дочерямъ въ выборѣ времяпровожденія — рѣдкое явленіе въ то старое, въ этомъ отношеніи, время. Я часто сталъ бывать у Волконскихъ и очень скоро дружески сошелся съ княжною Марьей и самъ незамѣтно для себя все больше и больше увлекался ею и, наконецъ, дѣло не обошлось безъ того, что я по уши влюбился въ эту очаровательную дѣвушку. Мы часто оставались наединѣ, она отвѣчала мнѣ тѣмъ же чувствомъ и вся атмосфера, окружавшая насъ, способствовала нашему еще болѣе тѣсному сближенію. Все какъ бы толкало насъ сдѣлать скользкій шагъ, отдавшись своему безумному увлеченію, и обречь себя на неизбѣжное паденіе, но эта невинная прелестная дѣвушка была такъ мила и наивна, ея взоръ блисталъ такой неподдѣльной чистотой и искренностью, которыя и были у нея вѣрными ангелами-хранителями отъ неминуемой, казалось бы, опасности. Я не могъ составлять для нея партіи, это я прекрасно сознавалъ и самъ. Она была аристократка, знатнаго рода, очень богата и избалована, а я всего начинающій свою карьеру молодой художникъ, только еще подающій надежды... Я видѣлъ, и не могъ этого не видѣть, что княжна была влюблена въ меня и энергично рѣшилъ наконецъ порвать все сразу — вотъ тогда-то въ первый разъ и уѣхалъ въ Москву въ знаменитой мальпостной кареткѣ. Не скажу, чтобы это дешево обошлось мнѣ нравственно; я долго не могъ забыть милую княжну, но молодость и увлеченіе взяли свое. Постепенно ея чудный образъ блѣднѣлъ въ моемъ воображеніи, а въ моемъ сердцѣ ее замѣнила другая дѣвушка, которую я съ такимъ же увлеченіемъ полюбилъ всею силою своего молодого существа. Уже будучи женихомъ, я, счастливый и радостный, по возвращеніи въ Петербургъ однажды былъ въ оперѣ, давали «Севильскаго цирульника». Обстановка была великолѣпная и одно то уже, что пѣлъ Лаблашъ, должно было обезпечить успѣхъ. Когда я вошелъ въ партеръ, театръ былъ уже почти полонъ и вскорѣ началась увертюра; я въ ожиданіи поднятія занавѣса, началъ осматривать ложи. Вдругъ мои глаза встрѣтились съ другою парою глазъ и я даже вздрогнулъ, сердце мое сжалось, въ глазахъ на мгновеніе померкло, и я схватился за спинку стула: то были глаза очаровательной княжны Волконской. Я поспѣшилъ оправиться и отвѣсилъ ей самый почтительный поклонъ. Тутъ-то я почувствовалъ всю свою вину передъ этой чистой и невинной душой и мнѣ стало вдругъ жутко, какъ это бываетъ съ ребенкомъ, стащившимъ со стола какую-нибудь сладость и уличеннымъ въ своемъ преступленіи, которое кажется и ему самому и окружающимъ самымъ серьезнымъ и непростительнымъ. Перваго акта я почти не слышалъ и все время смотрѣлъ на это милое для меня существо, совершенно забывъ о томъ, что я уже былъ совсѣмъ

не «свободный художникъ», и даже уже не секретарь, а женихъ на цѣпочкѣ. Но страсти прошлаго еще не улеглись, воспоминанія недавнихъ блаженныхъ дней были черезчуръ еще живы и я имъ отдался совершенно.

Тамбурини мнѣ показался грузенъ и старъ для своей роли и только Лаблашъ немного расшевелилъ меня, заставивъ обратиться въ слухъ и отвлечься отъ созерцанія прелестнаго женскаго профиля, съ любопытствомъ и вниманіемъ устремленнаго на сцену.

Ахъ, какъ хорошъ былъ Лаблашъ; прямо нельзя было не восторгаться простотою каждаго движенія, каждой позы, при поэтическомъ сочетаніи граціи съ милымъ неподдѣльнымъ юморомъ, безъ всякаго шаржа и натяжки. Его бархатный голосъ такъ и проникалъ въ глубину души. Віардо также сводила съ ума весь театръ, прямо забывалась ея некрасивая наружность; голосъ, манеры, живость, граціозность, кокетливость, женственность—все совершенно затмили этотъ недостатокъ; да, она была поразительная артистка; я видѣлъ въ ней совершенство экспрессіи, которая также давала возможность и Михаилу Ивановичу Глинкѣ пѣть свои чудные романсы почти совсѣмъ безъ голоса, но такъ, какъ никому изъ самыхъ голосистыхъ исполнителей не удавалось. Вотъ эта-то божественная искра и дѣлаетъ все изъ ничего. Когда окончился первый актъ, я отправился въ ложу, гдѣ сидѣла княжна, какъ на закланіе. Легко говорить нравственнымъ людямъ о постоянствѣ, о солидности, о вѣрности долга и выдержкѣ характера. Муцій Сцевола и Горацій Коклесъ! придите ко мнѣ на помощь, придержите мою руку на огнѣ, чтобы я ее позорно не отдернулъ, когда уже очень будутъ сильны страданія. Съ этою мольбою я вошелъ въ ложу. Но не рука моя была положена на костеръ, а сердце, но не все ли равно? Какая бы часть нашего существа ни подвергалась уязвленію, весь организмъ страдаетъ. Но я уже вошелъ и почувствовалъ, что даже самое тонкое вранье не спасетъ меня, а потому рѣшилъ говорить правду. Встрѣтили меня выговорами, что я совсѣмъ забылъ людей, которые, кажется, мнѣ, кромѣ чувства дружбы, ничего не выказывали. Княжна нѣжно смотрѣла на меня и, кажется, я уловилъ въ ея взглядѣ особенное удовольствіе нашей встрѣчи. Въ ложѣ бенуара было почти темно и я не сразу могъ разсмотрѣть всѣхъ, находившихся въ ней, и только, когда глазъ мой уже привыкъ къ этому полумраку, я увидѣлъ одного мужчину, сидѣвшаго въ глубинѣ ложи.

— А вотъ, Павелъ Петровичъ, позвольте вамъ представить, женихъ Магіе,—сказала старшая княжна, представляя мнѣ этого господина,—помолвка уже была и даже день свадьбы назначенъ.

При словѣ женихъ въ ложѣ какъ будто сдѣлалось свѣтлѣе. Я оживился и вдругъ почувствовалъ себя, какъ израненный Русланъ, вспрыснутый живою водою. Занавѣсь взвился и я съ легкимъ сердцемъ вышелъ изъ ложи, но нѣтъ-нѣтъ мои глаза такъ и рвались

взглянуть на ту, которая для меня уже совершенно стала недоступной, и еще существовавшій жиденькій мостикъ, соединявшій наши сердца черезъ черную пропасть, отдѣлявшую насъ другъ отъ друга, рухнулъ и исчезъ въ чернѣвшей ея пасти. Встрѣтивъ своего пріятеля Барбе, я гулялъ съ нимъ въ фойэ нисколько уже не боясь ложи, которой такъ недавно я еще опасался; я чувствовалъ себя также хорошо, какъ полковникъ, только что сдѣлавшійся генераломъ, или юнкеръ, надѣвшій въ первый разъ офицерскіе эполеты.

Между тѣмъ начался второй актъ, который прошелъ еще съ большимъ блескомъ, чѣмъ первый. Во время урока, Віардо по собственному выбору спѣла нѣсколько нумеровъ и между прочимъ вальсъ Боккачіо, наконецъ русскій романсъ, который привелъ въ неописуемый восторгъ всю публику и громъ рукоплесканій долго царилъ въ театрѣ. Когда я взглянулъ въ ложу, гдѣ сіялъ образъ милой княжны,—она была уже пуста, также пусто вдругъ почему-то сдѣлалось на мгновеніе и въ моемъ сердцѣ, но на мгновеніе только, и вотъ передъ моими глазами возникъ дру ой чудный, близкій моему сердцу обра ъ моей дорогой, чистой и любящей невѣсты.

Это было во второй мой пріѣздъ въ Москву, когда я съ Петров скимъ отправился къ Подклюшникову въ Останкино. Была чудная лѣтняя пора, солнце ярко свѣтило, наполняя какою-то радостью мою душу, и я съ необыкновенною легкостью шагалъ по большой дорогѣ, тянущейся къ Останкинскому дворцу. Глядя на эти забы.ые остатки человѣческаго творчества, на меня нашло меланхолическое настроеніе и я, оглядывая старинныя вещи ежедневнаго обихода и комфорта, будто спрашивалъ себя, тревожно оглядываясь, да нѣтъ ли ихъ тутъ, по близости, счастливыхъ обитателей этихъ пустующихъ хоромъ? Можетъ быть, они пошли только гулять, не въ рощѣ ли вонъ въ той, что отсюда видна, или не отдыхаютъ ли въ высокой душистой травѣ, какъ бархатный коверъ, раскинувшійся вокругъ зданія? Но нѣтъ, все тихо и безмолвно, все спитъ глубокимъ непробуднымъ сномъ забвенія и дѣлается невольно какъ-то страшно... Даже эти пляшущіе фавны съ цѣвницами, несмотря на живость движеній и застывшую на каменномъ лицѣ улыбку, наводятъ на васъ грусть, и только теплота солнечныхъ лучей да пѣнье птицъ умиротворяютъ вашу душу и какъ будто нашептываютъ: «Не задумывайся, живи, а то опоздаешь и нечѣмъ тебѣ будетъ помянуть твое унылое настоящее».

Такъ шелъ я съ Петровскимъ, углубляясь въ тѣнь роскошнаго парка вверхъ по берегу небольшой рѣчки Каменки, проложившей себѣ путь среди тѣнистаго лѣса.

— Побудьте здѣсь, Павелъ Петровичъ,—сказалъ мнѣ Петровскій,—а я на минутку сбѣгаю провѣдать одного своего знакомаго, онъ недалеко отсюда живетъ, мы давно съ нимъ не видались,—и съ этими словами Петровскій ускорилъ шагъ и скрылся за кустами

сирени. Я остался одинъ и задумался. Вдругъ до меня долетѣли женскіе голоса и вслѣдъ затѣмъ двѣ граціозныя дѣвушки мелькнули между стволами деревьевъ и торопливо направились мнѣ навстрѣчу. Я остановился и сталъ разглядывать этихъ двухъ миловидныхъ дѣвочекъ. Одна изъ нихъ была блондинка съ золотистыми волосами, свѣтло-сѣрыми лучистыми глазами, которые она испуганно устремила на меня, затѣмъ, вдругъ нагнувшись къ подругѣ, что-то шепнула ей и обѣ дѣвушки, повернувшись, снова скрылись въ чащѣ деревьевъ; тутъ я замѣтилъ, что на блондинкѣ было надѣто свѣтлое платьице съ лиловыми мушками, которое мнѣ почему-то очень понравилось. Я бросился по слѣдамъ незнакомокъ. На размягченную предыдущимъ настроеніемъ душу мою какъ-то особенно подѣйствовалъ лучистый взглядъ, брошенный блондинкой, и вотъ въ моемъ сердцѣ почуялась какая-то тревога: «Забота юности—любовь».

Ну, и сразу любовь! еще не любовь, а что-то сильно напомнившее мнѣ то чувство, которое я такъ недавно пережилъ при знакомствѣ моемъ съ княжной Маріей Волконской. Когда я вышелъ изъ рощи на среднюю дорожку, то снова увидѣлъ обѣихъ дѣвушекъ, ярко освѣщенныхъ солнцемъ, но онѣ быстро скрылись за шпалерой акацій на поворотѣ дороги.

— А, Соколовъ!—раздалось сзади меня,—куда вы запропастились, я васъ ищу и высматриваю уже добрый часъ.—Оглянувшись я увидѣлъ Петровскаго, запыхавшагося и краснаго.

— А видали вы, какія милашки только что прошли здѣсь? Это, вѣроятно, здѣшнія обитательницы на дачѣ. Особенно блондинка, настоящая грезовская головка.

Мнѣ почему-то было досадно это его замѣчаніе и я прервалъ его

— Ну, что же,—сказалъ я,—нашли вы вашего пріятеля?

Но оказалось, онъ его не засталъ и мы отправились къ Подклюшникову, визитъ къ которому я уже описывалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ разсказа Подклюшниковой и разыгравшейся домашней сцены, я подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на густую зелень раскинувшагося передо мною лѣска, какъ вдругъ, съ маленькой террасы дома, въ верхнемъ этажѣ котораго я находился, выбѣжала дѣвочка лѣтъ 14-ти, а вслѣдъ за нею, о восторгъ! я узналъ свѣтленькое платьице моей очаровательной незнакомки. Я сейчасъ поспѣшилъ узнать у Подклюшникова, кто жилъ надъ ними и онъ объяснилъ мнѣ, что это у него заняло пріѣхавшее на дачу семейство университетскаго эконома Степанова, состоящее изъ жены и молоденькой дочери.

— Кто же эта барышня, которую я вижу въ саду?—спросилъ я.

— А это барышня Иванова, которая часто бываетъ у нихъ; она живетъ поблизости въ сосѣдней дачѣ.

Нижніе жильцы собирались на прогулку и до меня доносились ихъ радостный смѣхъ и щебетанье барышень, которыя дѣлали пре-

бываніе мое въ квартирѣ Подклюшникова еще невыносимѣе. Наконецъ, я не выдержалъ, схватилъ мою шляпу и, обѣщаясь вернуться за Петровскимъ, бросился внизъ по лѣстницѣ. Мои незнакомки уже входили въ паркъ, когда я почти вбѣжалъ въ ворота и, умѣривъ ходъ, сталъ осматриваться. Тутъ меня со всѣхъ сторонъ окружили женщины въ платкахъ, настойчиво предлагавшія мнѣ свои самоварчики, разставленные по правую сторону, гдѣ подъ деревьями были накрыты столы со скамейками, за которыми чинно возсѣдали семейства москвичей, по тогдашнему обычаю пріѣзжавшихъ сюда отдохнуть на лонѣ природы. Я кое-какъ отдѣлался отъ насѣвшихъ на меня бабъ и вскорѣ увидѣлъ семейство Степанова, собравшееся подъ липой. Принявъ видъ гуляющаго, я началъ лавировать около мѣста, гдѣ находилась влекущая меня компанія, начавшая уже свою игру въ горѣлки. Какъ-то случилось, что маленькая дочь Степанова съ сильнаго разбѣга прямо наскочила на меня и я принужденъ былъ ее обхватить, чтобы она не упала. Это сначала ее такъ озадачило, что она на минуту остановилась, но затѣмъ, опомнившись, захохотала, сдѣлала мнѣ реверансъ и пустилась снова бѣжать. Вслѣдъ за нею появилась прямо передо мною моя блондинка; она какъ-то зардѣлась отъ этой неожиданной встрѣчи и, о Боже, какъ мила была въ эту минуту Соня Иванова, освѣщенная яркими лучами солнца и часто дышащая отъ волненія и неожиданности. Я очень почтительно раскланялся, а она, опомнившись, пошла, не торопясь, къ своей маленькой подругѣ, я же продолжалъ свою прогулку. Въ сердцѣ у меня стучало такъ, что я долженъ былъ остановиться и, обернувшись, увидѣлъ обѣихъ дѣвушекъ, возвращающимися къ старой липѣ, гдѣ остановилась мать Степановой, около которой я увидѣлъ еще одну молоденькую барышню и двухъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ оказался мнѣ знакомымъ—Шаповаловымъ, который сразу узналъ меня, подошелъ ко мнѣ и мы разговорились. Другой, высокій, красивый, щеголеватый господинъ оказался помѣщикомъ Дудинымъ, женатымъ на старшей дочери Степановой, которая также была здѣсь. Шаповаловъ поспѣшилъ меня представить Елизаветѣ Николаевнѣ Степановой и всѣмъ находящимся здѣсь, въ томъ числѣ и моей бѣлокурой героинѣ; послѣ этого, мы уже вмѣстѣ продолжали веселую прогулку.

Какъ-то случайно мнѣ пришлось итти въ парѣ съ моей блондинкой и мы разговорились.

— Такъ вы знаете Николая Ивановича Подклюшникова? не правда ли, онъ совсѣмъ не похожъ на художника?—сказала она,—какой-то странный онъ. А вотъ въ васъ я сейчасъ признала его.

— Это почему?—удивился я.—Вѣдь я не ношу длинныхъ волосъ, нѣтъ у меня шляпы съ большими полями и дубины въ рукахъ.—Мы оба разсмѣялись.

— Я не знаю сама, какъ это вамъ объяснить, но мнѣ почему-то показалось, что вы непремѣнно должны быть литераторомъ.

— Много чести. Очень благодаренъ, что вы съ перваго взгляда остались обо мнѣ такого прекраснаго мнѣнія. Въ особенности то, что признали во мнѣ писателя, сильно льститъ моему самолюбію, такъ какъ, прочтя Пушкина, я считаю это званіе выше всего на свѣтѣ.

— Вотъ видите, какой вы восторженный; это окончательно утверждаетъ меня въ мысляхъ, что вы истинный художникъ. Когда я васъ увидѣла, вы смотрѣли наверхъ, ваше лицо было такое восторженное, какого не увидишь у нашихъ, даже очень молодыхъ чиновниковъ.

— О, да какая вы наблюдательная. Но вы такъ еще молоды, что по моему, по вашей наружности вы больше мечта, чѣмъ женщина,— сказалъ я. Она разсмѣялась.

— Итакъ выходитъ по вашему, что я мечта художника?

— Да, именно,—подхватилъ я,—какъ хорошо это вы сказали, и если позволите быть этимъ художникомъ—то мнѣ.

— Я не могу вамъ этого не позволить, но я до сихъ поръ не знала, что я...—и она опять пресимпатично засмѣялась. Ея остроуміе, живость рѣчи меня положительно очаровали. Я все больше и больше увлекался этой прелестной дѣвушкой.

Обѣдалъ я у Степановыхъ, и опять, по волѣ судебъ, сидѣлъ рядомъ съ Софьей Львовной, какъ звали мою очаровательную знакомку. Солнце уже садилось, а съ поля возвращалось стадо, подымая густую пылъ, какъ то прозрачно освѣщаемую умирающими лучами склоняющагося свѣтила, и изъ этого свѣтящагося облака пыли раздавалось мычаніе коровъ и пощелкиваніе пастушьей плети. Пора было оканчивать свой продолжительный визитъ и я съ грустью распростился съ своими новыми знакомыми. Когда я подъѣхалъ къ нашему дому, въ окнахъ еще болѣе былъ свѣтъ и слышны были звуки рояля; это игралъ мой братъ Александръ, проявившій большія способности къ музыкѣ. Отецъ былъ въ своемъ кабинетѣ и игралъ въ карты. Надо замѣтить, что, благодаря этимъ картамъ, у отца вышла громадная ссора съ Завьяловымъ [1]), женатымъ на моей кузинѣ Адели. Завьяловъ еще въ академіи отличался своимъ грубымъ и несдержаннымъ характеромъ. Играя однажды съ отцомъ моимъ, онъ позволилъ сдѣлать ему рѣзкое замѣчаніе по поводу какой-то ошибки; отецъ возразилъ ему что-то въ свое оправданіе, на что Завьяловъ отвѣтилъ ему опять дерзостью. Это такъ глубоко возмутило бывшаго при этой сценѣ Миллера, что тотъ на другой же день отправился къ Завьялову и объявилъ ему, что если онъ немедленно не извинится передъ моимъ отцомъ, то онъ, Миллеръ, сведетъ съ нимъ счеты за оскорбленіе, нанесенное такому почтенному и уважаемому старику, какимъ былъ отецъ. Завьялова испугало

[1]) Завьяловъ былъ художникъ, также имѣвшій мѣсто преподавателя въ Юшковской школѣ, женатый на Адели Ѳедоровнѣ Брюлло. Б. Т.

рѣшительное наступленіе Миллера, онъ пріѣхалъ къ отцу, сознался въ своей винѣ, но съ этихъ поръ его нога не бывала уже въ нашемъ домѣ. На слѣдующій день мы цѣлой компаніей вмѣстѣ съ отцомъ, матерью, семействомъ Миллеровъ и Маковскихъ отправились въ трехъ экипажахъ въ Останкино: мысль объ этой поѣздкѣ, конечно, подалъ я. Нечего и говорить о томъ обильномъ запасѣ явствъ, которыя еще съ вечера были заготовлены нашими заботливыми хозяйками. Экипажи были удобные и покойные, и мы весел[illegible] группами размѣстились въ нихъ. Утро стояло великолѣпное. Какая-то освѣжающая прохлада царила въ воздухѣ, и мы весело покатили къ Троицкой заставѣ (тогда она еще была) и, наконецъ, выѣхали въ поле, гдѣ на лѣвой сторонѣ показалась Марьина роща, а еще подальше, направо, село Алексѣевское съ его старинною церковью временъ царя Алексѣя Михайловича. Эта церковь отличалась отъ другихъ тѣмъ, что вокругъ нея сдѣланъ на каменныхъ сводахъ крытый желѣзомъ навѣсъ, по которому во время торжественныхъ праздниковъ движется крестный ходъ, защищаемый, такимъ образомъ отъ снѣга и дождя. Отъ этого села мы повернули въ Останкино и вся наша компанія черезъ паркъ направилась осматривать дворецъ.

Еще проѣзжая мимо дачъ, я тревожно поглядывалъ на домъ, гдѣ жили Степановы, но тамъ никого не было видно; тогда я поднялся къ Подклюшникову и засталъ Елизавету Ивановну, прифранченную по воскресному. Самого Подклюшникова не было; онъ обыкновенно по воскреснымъ днямъ отправлялся на рынокъ къ Сухаревой башнѣ гдѣ высматривалъ подходящія для себя картины. Такъ и здѣсь меня постигла неудача. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ Подклюшниковой, я отправился бродить по деревнѣ, съ жадностью поглядывая на каждое окно, въ которомъ только виднѣлось женское платье, и вдругъ остановился, какъ очарованный: въ рамѣ небольшого окошка стояла моя героиня и читала какую-то записку, очевидно, не замѣчая моего приближенія; но вотъ она подняла глаза и, тихо ахнувъ, уронила записку. Я сейчасъ же бросился поднимать ее; дѣвушка привѣтствовала меня счастливою улыбкой и пригласила зайти въ комнату.

— Я васъ познакомлю съ мамой, она какъ разъ дома,—и съ этими словами она исчезла изъ окна. Когда я вошелъ въ комнату, то почти одновременно со мной вошла туда и сестра Софьи Львовны, которую я видѣлъ уже одинъ разъ по дорогѣ въ Останкино при нечаянной нашей встрѣчѣ. Пока я былъ представленъ этой дѣвушкѣ, пока мы обмѣнивались обычными фразами и привѣтствіями, дверь въ сосѣднюю комнату отворилась и въ ней появилась маленькая старушка, съ усталыми глазами, въ чепчикѣ, какія тогда носили, и стала извиняться, что заставила меня долго ждать. Долго я бесѣдовалъ въ этой симпатичной компаніи и только вопросъ Софьи

Львовны, съ кѣмъ я пріѣхалъ, заставилъ меня очнуться. Я вскочилъ, какъ ужаленный.

— Господи,—проговорилъ я,—вѣдь меня ожидаетъ цѣлая компанія,—и началъ торопливо прощаться и съ грустью разстался съ моими новыми знакомыми, но уже близкими моей душѣ людьми.

— А!—закричалъ Миллеръ, увидѣвъ меня, выходящаго изъ парка,—вотъ и онъ наконецъ.

Начались распросы, куда я дѣвался и гдѣ я такъ долго пропадалъ. Конечно, я объяснилъ, что былъ у Подклюшникова, но не засталъ его дома.

— Такъ неужели ты такъ тихо шелъ?—спросилъ меня братъ.

— Я засталъ жену,—отвѣчалъ я.

— Ну, тогда вы слишкомъ мало оставались,—продолжалъ Миллеръ и разсмѣялся.—И вслѣдъ за нимъ всѣ разразились громкимъ хохотомъ. Между тѣмъ, погода начинала хмуриться и мы стали торопиться собираться въ обратный путь. Большія рѣдкія капли уже упали мнѣ на руки и мы бросились къ коляскѣ, какъ единственному нашему прибѣжищу.

Для того, чтобы имѣть предлогъ чаще бывать въ Останкинѣ, я придумалъ писать виды окрестности Москвы. И вотъ въ первый же ближайшій день, когда Петровскій былъ свободенъ, мы, забравъ всѣ необходимыя принадлежности, отправились въ Останкино пѣшкомъ. День былъ сѣренькій, но дождя, кажется, не предвидѣлось, и очень скоро мы вышли за черту города черезъ коммерческій валъ по направленію къ Марьиной рощѣ, гдѣ намъ попались навстрѣчу два казака, вооруженные пиками. Между деревьями виднѣлись шатры цыганскаго табора, около котораго невдалекѣ паслись лошади и стояло нѣсколько повозокъ. Время отъ времени оттуда доносился звукъ гитары, аккомпанировавшей какому-то сильному грудному голосу, затянувшему свою заунывную пѣснь. Мы съ Петровскимъ шли все далѣе на перерѣзъ, чтобы по возможности сократить дорогу, какъ вдругъ до насъ долетѣлъ звукъ ружейнаго выстрѣла, а вслѣдъ за тѣмъ послышался топотъ скачущей лошади. Мы поспѣшили по направленію этихъ звуковъ и, пробѣжавъ немного, вскорѣ увидѣли тѣхъ самыхъ двухъ казаковъ, которые встрѣтились намъ на дорогѣ, отнимавшихъ у какого-то господина ружье. Одинъ изъ нихъ вырвалъ у него ружье и прехладнокровно поѣхалъ съ нимъ по направленію къ Москвѣ. Догадавшись, что здѣсь происходитъ что-то неладное, я подбѣжалъ къ казаку и грозно закричалъ ему:—«Стой»!—Казакъ остановился. А пѣшій человѣкъ, безъ ружья, съ блѣднымъ встревоженнымъ лицомъ и сильно жестикулируя, началъ мнѣ объяснять что-то на ломанномъ русскомъ языкѣ, такъ, что я ровно ничего не понялъ изъ его объясненій. Угадавъ сразу въ немъ нѣмца, я заговорилъ съ

нимъ по-нѣмецки, чѣмъ привелъ несчастнаго въ неописанный восторгъ.

— Я просто не понимаю, милостивый государь,—дрожа всѣмъ тѣломъ, говорилъ нѣмецъ,—зачѣмъ этотъ русскій солдатъ отнялъ у меня ружье? Я уже не первый разъ здѣсь стрѣляю, а онъ мнѣ говоритъ, что здѣсь запрещено стрѣлять.

— Отдай сейчасъ же ружье этому господину,—сказалъ я строго казаку, угрюмо смотрѣвшему на меня изъ подлобья. — Какъ ты смѣешь своевольничать?

— А вы мнѣ что здѣсь за начальникъ? Тутъ стрѣлять не дозволяется, вотъ и весь сказъ,—отвѣтилъ казакъ.

— Ну, это, братъ, разсказывай кому другому, а не мнѣ,—сказалъ я, прекрасно зная, что за валомъ стрѣлять разрѣшается.

— А вотъ сказано нельзя, ну, и нельзя,—и съ этими словами казакъ повернулъ лошадь. У меня въ запасѣ оставалось одно только средство, чтобы спасти ружье несчастнаго нѣмца, который необыкновенно жалостливо смотрѣлъ на свое оружіе, находившееся въ рукахъ казака.

— Слушай,—закричалъ я,—у моего отца бываетъ генералъ Лужинъ [1]). А знаешь ли ты, кто это такой? И что можетъ выйти изъ того, если я ему разскажу, какъ ты здѣсь своевольничаешь; я думаю, что онъ тебя не погладитъ за это по головкѣ.

— Да я собственно ничего. Что окромя... какъ... обязанность свою,—вдругъ началъ путаться казакъ.

— Не ври,—оборвалъ его я:—выкупъ за ружье хотѣлъ взять, и если ты его сейчасъ же не отдашь этому господину, то что-нибудь еще получишь, я же тебѣ дамъ полтинникъ. А ежели заупрямишься, то не только ничего не получишь, но и на гауптвахтѣ посидишь, если не хуже.

— Да я, собственно... началъ было казакъ и подалъ ружье. Нѣмецъ, получивъ свое оружіе обратно, былъ въ восторгѣ. Да, эти казачьи разъѣзды не мало своевольничали въ то время какъ въ окрестностяхъ, такъ и въ самой столицѣ. Бывало остановятъ цѣлый мужицкій обозъ, да и держатъ его въ карантинѣ, пока не получатъ достойнаго выкупа. А то и хуже того: прямо занимались грабежемъ эти блюстители порядка.

Простившись съ нѣмцемъ, оказавшимся дачникомъ въ Останкинѣ, мы направились къ Подклюшникову, котораго застали на четверенькахъ, задѣлывавшимъ дырья и пятна какого-то большого холста.

— Ахъ, господа!—закричалъ онъ,—погодите немного, я сейчасъ окончу, а вы покамѣстъ хоть въ садикѣ побудьте. Мнѣ только одну дырочку осталось заклепать,—съ этими словами онъ придви-

[1]) Генералъ Лужинъ былъ въ то время оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ.

нулъ горшечекъ съ какою-то жидкостью и утеръ себѣ подъ носомъ указательнымъ пальцемъ. Отъ Степановыхъ насъ замѣтили и очень любезно пригласили къ себѣ. Черезъ нѣсколько времени пришли и обѣ сестры Ивановы и вокругъ меня сдѣлалось все свѣтло.

Рисовали мы съ Петровскимъ Останкинскую церковь, куда вскорѣ пришли наши дамы, конечно, помѣшавшія нашей работѣ. Нѣсколько дней подъ рядъ рисовали мы въ Останкинѣ, и эти дни послужили началомъ новой эры моей жизни. Въ одинъ чудный теплый вечеръ, при обстановкѣ, совершенно гармонировавшей съ состояніемъ моей души, мы сидѣли съ Соничкой въ густой тѣни липовой аллеи. Луна свѣтила, нѣжно переливаясь на ея золотистыхъ волосахъ, и здѣсь, въ этой волшебной обстановкѣ, я получилъ такъ страстно желаемое «да» и въ видѣ задатка первый жгучій поцѣлуй. Мнѣ было не до шутокъ въ эту серьезную минуту; невѣста моя была дѣвушка безприданница и съ этого момента у меня явилась новая забота—создать для нея въ будущемъ уютную и спокойную жизнь. Между тѣмъ время отъѣзда моего въ Петербургъ приближалось и я собирался уѣзжать, не посвящая своихъ родныхъ въ свои намѣренія относительно женитьбы. Единственная, кому и я, и моя невѣста открыли все—это была старушка, мать Софьи Львовны, которая очень радостно встрѣтила эту вѣсть, поплакала немного и дала намъ свое благословеніе. До отъѣзда оставалось нѣсколько дней и я вмѣстѣ съ Соничкой посвятили ихъ прогулкѣ по Москвѣ и ея окрестностямъ.

Въ это время въ Москву были присланы картины извѣстнаго берлинскаго пейзажиста Гропіуса и онѣ были помѣщены въ хорошо выстроенномъ для того балаганѣ, помѣстившемся на Страстномъ бульварѣ. Это были вовсе не обыкновенныя картины, писанныя масляными красками на полотнѣ, а совершенно прозрачныя и освѣщающіяся изнутри. Вотъ мы и порѣшили отправиться посмотрѣть ихъ.

Когда я вошелъ въ зало балагана, въ которомъ показывались картины, оно мнѣ напомнило обыкновенный театральный залъ, но совершенно темный, и только сама картина была прекрасно освѣщена изнутри; такимъ образомъ, передо мною являлась та или другая мѣстность совершенно въ такомъ видѣ, какъ бы она представилась моимъ глазамъ черезъ открытое окно. Одно изъ преимуществъ подобной живописи было то, что на картинахъ этого рода изображалось не только одно какое-нибудь время дня, а постепенно передъ зрителями развивалась жизнь этой мѣстности въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Сначала замѣчательно эффектно и натурально загоралась утренняя заря, затѣмъ наступалъ полдень, потомъ сумерки лѣтняго или зимняго вечера и, наконецъ, спускалась ночь, зажигались звѣзды и луна всплывала надъ пейзажомъ, озаряя своимъ серебристымъ свѣтомъ всю мѣстность.

Но не подумаютъ читатели, что это было какое-нибудь балаганное представленіе; совсѣмъ нѣтъ; тогда я и не сталъ бы говорить о немъ, но эти измѣненія совершались благодаря обману зрѣнія, что французы называютъ въ живописи «trompe d'oeil»—и все это было исполнено съ такою художественною вѣрностью и близостью къ природнымъ явленіямъ, что можно было только восхищаться подобнымъ произведеніемъ и удивляться этимъ постепеннымъ измѣненіямъ тѣней, смотря по времени дня и ночи. Тучи и отдаленная гроза, съ подражаніемъ ея грома и шума дождя, до того были искусно выполнены, что такъ и хотѣлось подойти къ рампѣ и посмотрѣть, на самомъ ли дѣлѣ разразился на сценѣ ужасный ливень. Одна картина, изображавшая собою какой-то швейцарскій видъ въ ущельяхъ между горъ, была изумительна. На довольно близкомъ разстояніи была видна закругленная холмомъ площадка, на которой паслось стадо коровъ. Какъ бы случайнымъ порывомъ вѣтра оттуда доносилось до зрителей побрякиваніе колокольчиковъ. Иллюзія была полнѣйшая, отъ измѣненія освѣщенія стадо какъ бы приходило въ движеніе и коровы казались мелленно бродящими по полю.

Еще очаровалъ меня видъ внутренности готическаго храма, въ которомъ сначала господствовалъ густой мракъ и всѣ предметы казались закутанными въ какъ бы непроглядный туманъ и только огромное стрѣльчатое окно съ расписными стеклами обрисовывалось яркимъ силуэтомъ съ правой стороны. По серединѣ церкви алтарь тускло высматривалъ, оживляясь лишь нѣкоторыми блестками своихъ золотыхъ украшеній и покрывавшей его бѣлой пеленой. Вдругъ блеснулъ лучъ солнца, и когда онъ снаружи ударилъ въ эти стекла, то вся рама окна съ рисункомъ своего переплета легла на тѣ части внутренности храма, куда ложились лучи, и весь храмъ освѣтился съ его сводами, колоннами, статуями и образами.

Или еще монастырскій дворъ, съ полуразрушенной галереей, обгложенныхъ вѣками столбовъ и выбитыми надъ ними плитами, уходящей съ одной стороны въ глубину картины, гдѣ виднѣется церковь, мерцающая огнями отъ лампадъ, распространяющихъ какой-то мутный красноватый свѣтъ, между тѣмъ какъ на первомъ планѣ часть старой стѣны ярко освѣщена луною съ черною поперечною тѣнью отъ крыши галереи. На правой стѣнѣ въ коридорѣ видны двери заброшенныхъ келій отошедшихъ въ другой міръ монаховъ.

Но вотъ еще одна картина, о которой я не могу умолчать, она черезчуръ рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти. Передо мною открылась внутренность огромной пещеры со сводами, образовавшимися отъ самой природы съ отверстіемъ выходящимъ къ морю,

покрытому мракомъ ночи, и вдругъ въ этой пещерѣ вспыхнулъ костеръ, освѣтившій и нависшіе неровные своды, и землю, а также нѣсколькихъ человѣкъ контрабандистовъ, собравшихся вокругъ него. Лодка, привязанная на веревкѣ недалеко отъ берега и также освѣщенная яркимъ огнемъ костра, медленно покачивалась на прибѣгающихъ къ берегу волнахъ...

Если это не «trompe d'oeil», то я уже и не знаю, какъ иначе можетъ приблизиться искусство къ природѣ и чудесному проявленію въ ней жизни. Я вышелъ изъ этого балаганчика, который справедливѣе было бы назвать храмомъ искусства, какъ очарованный, и долго мнѣ казались и городъ, и день какими-то холодными, скучными и вялыми въ сравненіи съ тѣмъ, что я только что видѣлъ. справедливѣе было бы назвать храмомъ искусства, какъ очарованскучными и вялыми въ сравненіи съ тѣмъ, что я только что видѣлъ. Все это привело меня къ мысли, что искусство, какъ принято его называть, изящное имѣетъ множество отдѣловъ, изъ которыхъ самый высокій и долженъ занимать первое мѣсто тотъ, который выражаетъ какое-нибудь движеніе мысли или сердечнаго чувства, а не просто, хотя и очень вѣрное изображеніе жизни въ природѣ, что даетъ намъ весьма удовлетворительно теперь усовершенствованная фотографія.

Возвращаясь послѣ этого чуднаго зрѣлища, я проходилъ мимо какой-то старинной церкви, около которой подмостившись возлѣ образа святого, въ честь котораго былъ построенъ храмъ, на невысокой лѣстницѣ, сидѣлъ старичекъ живописецъ въ очкахъ. Святой, изображаемый имъ, былъ старикъ, идущій по водамъ, совершенно нагой, но съ такой длинной бородой, что она достигала до самыхъ его колѣнъ. Въ ту минуту, когда я остановился, старичекъ былъ занятъ отдѣлкою волнъ и пренаивно мазалъ своею кистью, выводя струйки и кладя блики на этихъ волнахъ. Я не утерпѣлъ и сказалъ:—«Какъ это вы искусно воду-то пишите».

Надо было видѣть, какъ старичекъ посмотрѣлъ на меня изъ подъ своихъ огромныхъ очковъ и, поднявши высоко носъ, сказалъ:

— А Геніусъ-то на что?—и лицо его выразило столько достоинства и сознанія своей силы, что мнѣ даже стало неловко, что я собственно сдѣлалъ ему свое ироническое замѣчаніе.

Цвѣтной бульваръ на Трубѣ, который во время перваго моего посѣщенія Москвы только прокладывался, въ слѣдующій мой пріѣздъ поразилъ меня своимъ быстрымъ развитіемъ, и я уже проходилъ подъ молодыми, но уже тѣнистыми деревцами. Удивительно, какъ скоро у насъ прививаются къ грунту деревья и въ особенности такъ называемый душистый тополь. Бульваръ этотъ упирается въ линію бульваровъ, окаймляющихъ Москву въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ роскошная гостиница Эльдорадо, но въ то время ея еще не было и на томъ самомъ углу стоялъ трактиръ съ пристройками но Трубѣ, въ концѣ которыхъ былъ устроенъ маленькій

театръ, или, лучше сказать, открытая сцена для случайныхъ представленій наѣзжающихъ артистовъ. Вотъ объ одномъ забавномъ случаѣ я и хочу упомянуть теперь.

Однажды въ Москву пріѣхалъ какой-то фокусникъ и афишировался въ этомъ театрѣ. Этотъ артистъ на огромной цвѣтной афишѣ доводилъ до свѣдѣнія публики, что въ концѣ его представленія будетъ показанъ такой замѣчательный фокусъ, котораго еще никогда не бывало на сценахъ столичныхъ театровъ, да и врядъ ли второй разъ подобный фокусъ и повторится. Конечно, мы всѣ бросились смотрѣть этого удивительнаго фокусника. Театръ былъ полонъ, мѣстъ нельзя было добиться, а передніе ряды были заняты богатыми купеческими семействами, охотниками до подобныхъ зрѣлищъ. Довольно равнодушно смотрѣла публики на рядъ заурядныхъ фокусовъ самаго грубаго свойства и съ нетерпѣніемъ ожидала обѣщаннаго конца. Но вотъ наступилъ столь ожидаемый моментъ. Фокусникъ выходитъ на авансцену и съ самымъ развязнымъ видомъ обращается къ сидящимъ въ первыхъ рядахъ съ просьбою положить въ его шляпу разныя вещи, и добродушные, довѣрчивые зрители, пропитанные чувствомъ любопытства, бросаютъ ему туда кто кольца, кто серьги, кто часы, кто табакерку и т. д. Набравъ такимъ образомъ цѣлый ворохъ драгоцѣнныхъ вещей, фокусникъ ушелъ за занавѣсъ и долго не появлялся передъ смущенной публикой, которая начала уже обнаруживать тревогу и нетерпѣніе стукомъ ногъ и апплодисментами. Наконецъ, волненіе особенно пожертвовавшихъ для представленія своими вещами дошло до того, что была потребована полиція и когда проникли за таинственную занавѣсъ театра, то тамъ увидѣли только открытый выходъ на улицу, а отъ фокусника и слѣдъ простылъ. Бросились искать, но всѣ поиски оказались тщетными и несчастные зрители, отдавшіе свои драгоцѣнныя вещи для удовлетворенія своего любопытства, должны были быть удовлетворены, такъ какъ врядъ ли имъ пришлось еще разъ посмотрѣть на подобный фокусъ—плодъ изумительной изобрѣтательности нахальнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкаго мошенничества.

Не задолго до моего отъѣзда изъ Москвы я познакомился у своего отца съ Александрой Васильевной Кирѣевой, которую въ большомъ свѣтѣ называли «la belle», и дѣйствительно, она была красавица даже и въ то время, хотя возрастъ ея былъ уже бальзаковскій.

Она часто пріѣзжала къ отцу и однажды онъ написалъ съ нея очень удачный портретъ. Между нашимъ и ея семействомъ возстановились самыя лучшія отношенія и мы бывали нерѣдко другъ у друга. Александра Васильевна была женщина, располагавшая къ себѣ своимъ милымъ характеромъ и любезностью, и оставила

эти качества всему своему потомству. У нея была два сына и дочь: старшій, также красавецъ, былъ очень пріятный и симпатичный человѣкъ и впослѣдствіи сдѣлался адъютантомъ великаго князя Константина Николаевича, а теперь генералъ [1]), съ нимъ я встрѣтился еще не такъ давно и очень пріятно провелъ цѣлый день. Второй Кирѣевъ былъ тоже очень высокій и видный офицеръ, погибшій въ сербскую компанію; онъ, какъ мнѣ разказызывали, одинъ изъ первыхъ бросился впередъ въ какомъ-то горячемъ дѣлѣ и былъ изрубленъ въ куски. Младшая дочь Александры Васильевны вышла замужъ за Новикова и теперь живетъ въ Лондонѣ, гдѣ эта умная и образованная женщина снискала себѣ извѣстность своими политическими статьями.

Наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ я уговорился съ моею необъявленной невѣстой быть на балу, даваемомъ Іогелемъ въ Дворянскомъ собраніи, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія вечера. Нарядившись въ парадную фрачную пару, я отправился въ собраніе. Подъѣздъ и лѣстница были ярко освѣщены, когда я подъѣхалъ на своемъ неказистомъ «ванькѣ» къ зданію Дворянскаго собранія; но когда я вошелъ въ залъ, то меня поразило, что тамъ была зажжена всего лишь одна большая люстра, отчего чувствовался недостатокъ въ свѣтѣ, зато кишевшая подъ нею толпа молоденькихъ головокъ была такъ мила и дышала такой свѣжестью, что я скоро забылъ про этотъ недостатокъ въ освѣщеніи. Оглядываясь вокругъ, я все отыскивалъ глазами ту, которую такъ страстно желалъ видѣть, но ея, повидимому, еще не было. Наконецъ, явился и маленькій жрецъ этого форума, Іогель, весьма живой и подвижной старичекъ, сейчасъ же принявшійся за свое дѣло. Похлопавъ въ ладоши и возвысивъ голосъ, онъ сдѣлалъ знакъ своимъ двумъ музыкантамъ и провозглосилъ: «les dames à vos places»!—и въ этотъ моментъ я увидѣлъ входящихъ въ залъ Марью Васильевну и съ нею бѣлокурую головку моей Софьи Львовны, далѣе появилась и ея сестра, Катя. Я поспѣшилъ къ моимъ дамамъ и, раскланиваясь, пригласилъ «par contenance» Катю, которая съ нѣжной улыбкой подала мнѣ свою руку, и мы встали въ общій кругъ, какъ тогда было принято становиться передъ началомъ танцевъ. Въ ту же минуту Іогель появился около насъ и съ озабоченнымъ и важнымъ видомъ осмотрѣлъ насъ съ ногъ до головы. Въ этотъ моментъ этотъ маленькій человѣкъ мнѣ ужасно напомнилъ ротнаго командира, производящаго смотръ своей роты. Визави со мной танцовала Соничка, и я, дѣлая шенъ, могъ пожимать ея ручку и, въ одномъ переходѣ на свои мѣста, успѣлъ шепнуть ей приглашеніе на слѣдующую кадриль. Полумракъ, царствовавшій въ тан-

[1]) † 13 іюля 1910 г.

ціональномъ залѣ, сильно способствовалъ моему уединенію съ Соничкой въ укромныхъ углахъ его, и мы передавали другъ другу то, чѣмъ не могли дѣлиться въ присутствіи постороннихъ, строя планы нашей будущей счастливой жизни. На этомъ вечерѣ мы еще разъ дали торжественное обѣщаніе дружно итти рука объ руку по торной дорогѣ жизненнаго пути, и я уѣхалъ изъ Москвы почти совершенно счастливый—но, ахъ, ужъ мнѣ это «почти»!

П. П. Соколовъ.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА [1]).

XVII.

Въ Петербургѣ.—Князь Кочубей и его портретъ.—Въ Александровскомъ театрѣ; Мартыновъ.—Публичная библіотека.—Межовъ.—Николаевскій мостъ.—На Невѣ.—Передъ Пасхою.—Свѣтлая заутреня.—Росси.—Профессора Уткинъ и Воробьевъ. Картина «Татьяна».—Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ меня выручаетъ.—Гулянье на островахъ.—Деккеръ-Шенкъ.—Отъѣздъ въ Москву.

ЩЕ НЕЗАДОЛГО до моего отъѣзда изъ Петербурга, когда я работалъ въ Мраморномъ дворцѣ, мнѣ доложили, что ливрейный лакей принесъ мнѣ пакетъ. Распечатываю его и читаю приглашеніе явиться къ князю Виктору Александровичу Кочубею, который проситъ меня написать съ него портретъ. Князь жилъ близко отъ Мраморнаго дворца, на нынѣ Суворовской площади, въ въ угловомъ домѣ, рядомъ съ дворцомъ принца Ольденбургскаго. Князя я засталъ дома въ его кабинетѣ, но онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и объявилъ мнѣ, что очень затрудняется назначить опредѣленные часы для сеансовъ. Портретъ предполагался масляный и во весь ростъ, такъ что князю пришлось бы довольно продолжительное время стоять на натурѣ.

— Я ужъ лучше буду за вами присылать по тѣмъ утрамъ, когда буду чувствовать себя лучше,—говорилъ князь:—вѣдь мы теперь такіе близкіе сосѣди.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXXII, стр. 86.

Я, конечно, выразилъ свое полное согласіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ матерьяльной выгоды, имѣлъ еще передъ собою человѣка съ очень интересною наружностью и крайне симпатичнаго. Князь Викторъ Александровичъ Кочубей былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова представительный. Его высокій ростъ и гордая осанка придавали всей его фигурѣ что-то величественное. Немного сухощавый брюнетъ-красавецъ, съ блѣднымъ лицомъ и густыми волосами, онъ имѣлъ правильныя, аристократическія черты лица, которыя такъ и просились быть нанесенными на холстъ опытною рукою художника. Князь разсказывалъ мнѣ, что недавно возвратился изъ-за границы, гдѣ лечился, что курсъ на водахъ въ Эмсѣ ему очень мало помогъ и что онъ никогда бы не выбралъ такое для своей наружности невыгодное время, чтобы написать съ него портретъ, если бы не настоятельное желаніе того его жены-княгини. На слѣдующій день былъ мой первый сеансъ и, къ моему удовольствію, довольно продолжительный, такъ что мнѣ удалось хорошо проложить голову князя. Въ слѣдующій разъ онъ чувствовалъ себя прекрасно и много шутилъ. Онъ разсказывалъ мнѣ одинъ эпизодъ, прочитанный имъ въ мелкихъ разсказахъ Диккенса, какъ одинъ художникъ, писавшій портретъ съ англичанина, никакъ не могъ уловить полное сходство, только благодаря тому, что тотъ не могъ забыть, что сидитъ на натурѣ и держалъ себя такъ, какъ англичане называютъ «raide». Вдругъ, увидя какой-то фотографическій видъ, англичанинъ вспомнилъ цѣлый эпизодъ изъ своей жизни, бывшій въ мѣстности, изображенной на фотографіи, и такъ воодушевился, что забылъ свое назначеніе натурщика, а художнику только этого и надо было и онъ уловилъ въ немъ то, чего недоставало ему для полнаго сходства портрета. Разсказывая мнѣ эпизодъ, переданный англичаниномъ, князь такъ оживился, что и мнѣ въ свою очередь удалось воспользоваться этимъ моментомъ и передать его на портретѣ. Главное въ портретѣ было сдѣлано, оставалось теперь уже немного; но такъ мнѣ и не удалось дописать тогда этотъ интересный портретъ. Князь нѣкоторое время болѣлъ, а затѣмъ я уѣхалъ въ Москву. Теперь, возвратившись въ Петербургъ, меня ожидалъ очень непріятный сюрпризъ. Во время моего отсутствія князь Викторъ Александровичъ Кочубей умеръ и работа моя должна была остаться неоконченною и я терялъ крупный и интересный заказъ. Да и самаго-то князя мнѣ было отъ души жаль. Это былъ рѣдкой души человѣкъ съ сильными связями и всегда готовый быть полезнымъ каждому въ минуту необходимости, а я всегда держался поговорки: «не имѣй ста рублей, а имѣй сто друзей»,—и дѣйствительно друзья меня не разъ и выручали. Я мысленно поставилъ крестъ надъ этой работой, но судьба, повидимому, рѣшила иначе. Случилось это гораздо позднѣе, когда я былъ уже женатымъ, но такъ какъ я началъ уже говорить о неоконченномъ портретѣ

князя, то ужъ кончу о немъ. Послѣ смерти князя, княгиня вскорѣ вышла замужъ за князя Бѣлосельскаго и жила тогда въ домѣ-дворцѣ на углу Невскаго проспекта и набережной Фонтанки у Аничковскаго моста (теперь дворецъ великаго князя Сергѣя Александровича). Въ одинъ прекрасный день служанка доложила мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то иностранецъ съ мальчикомъ. Я вышелъ и узналъ въ послѣднемъ сына покойнаго князя Кочубея съ его гувернеромъ. Мальчикъ передалъ мнѣ просьбу матери явиться къ ней для переговоровъ относительно продолженія начатаго и незаконченнаго портрета съ покойнаго князя.

— Всѣ говорятъ, и maman, и другіе, кто только не видѣлъ портрета, писаннаго вами съ рара, что онъ поразительно похожъ и всѣ ранѣе писанные гораздо хуже,—говорилъ мальчикъ,—но maman, продолжалъ мальчикъ, — проситъ васъ дописать его, не трогая головы.

Я, конечно, согласился и былъ отъ души радъ, что работа, надъ которою я поставилъ уже крестъ, вдругъ опять возобновилась и совершенно кстати. Мнѣ была предоставлена одна изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ дворца княгини, куда не разъ заходила и сама она посмотрѣть на мою работу. Когда я проложилъ фонъ и аксессуары всей картины, потребовалось усилить фигуру и даже лицо князя, хотя княгиня просила меня его не трогать. Не знаю, что я могъ въ немъ сдѣлать не въ добрый часъ, но сходство нѣсколько утратилось, за что княгиня сильно разсердилась на меня. Огорченный своей неудачею и сознавая, что исправленіе теперь всецѣло зависитъ отъ силы и помощи моей памяти, я не насиловалъ себя и ждалъ счастливой минуты, глубоко убѣжденный въ неизбѣжность самаго блестящаго успѣха. Въ комнату, въ которой я робаталъ, нерѣдко заходилъ и старый слуга, бывшій камердинеръ князя, очень привязанный къ покойному и не отходившій отъ него въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Обыкновенно, онъ останавливался въ нѣкоторомъ разстояніи позади меня и молча, покрякивая, простаивалъ по нѣсколько минутъ и затѣмъ тихо уходилъ. Но вотъ, наконецъ, настала для меня столь желанная минута, когда въ моей памяти вдругъ воскресли тѣ трудно уловимыя черты лица, которыя были мнѣ такъ нужны для сходства портрета, и въ одно такое благодѣтельное утро мнѣ удалось воспроизвести ихъ въ полной, прежней силѣ, какъ бы я схватилъ ихъ съ натуры. Въ это самое утро вошелъ въ комнату старикъ камердинеръ и уже не остался по обыкновенію безмолвнымъ.

— Вотъ теперь это князь Викторъ Александровичъ какъ живой!— воскликнулъ онъ,—позвольте, господинъ Соколовъ, мнѣ доложить ея сіятельству, чтобы онѣ пришли посмотрѣть.

Немного погодя, пришла княгиня, въ сопровожденіи генерала Схозанета, вошедшаго на своей деревяшкѣ, который прекрасно

зналъ князя, и оба они нашли сходство поразительнымъ. Тѣмъ и кончилась моя работа, а черезъ два дня я при очень любезной запискѣ получилъ отъ княгини 700 рублей, которые оставалось дополучить за этотъ портретъ.

Проходя мимо Доминика, я прочелъ театральную афишу, и увидя, что играетъ Мартыновъ, мною овладѣло такое желаніе быть въ театрѣ, что я рѣшилъ во что бы то ни стало быть на спектаклѣ—шелъ «Женихъ изъ долгового отдѣленія», «Что имѣемъ не хранимъ—потерявши плачемъ» и какой-то водевиль—не помню. Блаженное тогда было время, когда можно было еще имѣть билеты передъ самымъ началомъ спектакля. И вовсе это не потому, чтобы пустовалъ театръ; напротивъ того, въ то время русскій театръ, преимущественно Александринскій, давалъ полные сборы и своими доходами покрывалъ дефицитъ дирекціи, получаемый отъ остальныхъ, а потому что не было этой спекуляціи билетами и этихъ ни для чего не нужныхъ абонементовъ. Такъ и въ этотъ вечеръ, театръ постепенно наполнился весь. Почему и какъ это удавалось, должно было озадачивать тѣхъ мудрецовъ, что привыкли задумываться надо всѣмъ тѣмъ, что въ сущности очень просто. Такъ, напримѣръ, останавливая плотиной теченіе воды, вы усиливаете напоръ ея, а дайте ей итти самой и теченіе ея будетъ правильно и спокойно. Или публика была тогда другая?—ужъ не знаю.

Оркестръ, подъ управленіемъ Кажинскаго, исполнилъ увертюру изъ «Фра-Діаволо» и занавѣсъ поднялся. Въ первыхъ же явленіяхъ пьесы «Женихъ изъ долгового отдѣленія» явился Мартыновъ и встрѣченъ былъ, по обыкновенію, громомъ рукоплесканій. Гримомъ своимъ онъ изобразилъ полнѣйшій типъ Акакія Акакіевича; по крайней мѣрѣ, когда я читалъ эту повѣсть Гоголя, то иначе не представлялъ его себѣ. Мартыновъ загримировался развѣ только немного помоложе. Та же жалкая, запуганная физіономія, тотъ же потертый вицъ-мундиръ, тѣ же неторопливыя и робкія движенія и, въ то же время, во всей его особѣ было разлито нѣчто столь симпатичное, что, несмотря на его жалкую фигурку, чувствовалась къ нему симпатія и участіе къ его горькой долѣ игрока, случайно двинутаго на этотъ путь сложившимися обстоятельствами и волею болѣе сильной натуры третьяго лица, подчинившаго его своему вліянію. Мартыновъ заставилъ зрителей переживать вмѣстѣ съ этимъ несчастнымъ, запутавшимся человѣкомъ всѣ перепетіи двусмысленнаго положенія, въ которыя поставилъ его случай. Юморъ Мартынова въ исполненіи этой роли былъ такъ изященъ, правдивъ и выразителенъ, что авторъ этого, въ сущности ничтожнаго, фарса, долженъ былъ бы поцѣловать у него руку за тотъ успѣхъ, который имѣла эта пьеса, только благодаря неподражаемой игрѣ этого геніальнаго артиста. Получивъ въ задатокъ это чисто эстетическое наслажденіе, я готовился къ другому удовольствію отъ слѣдовав-

шей одноактной пьесы, написанной съ дарованіемъ и знаніемъ сцены. Кажинскій сыгралъ какой-то вальсъ и занавѣсъ поднялся. Тутъ мы увидѣли домашній бытъ двухъ застарѣлыхъ и бездѣтныхъ супруговъ старичковъ, которые отъ нечего дѣлать безпрестанно ссорятся и эти несогласія доходятъ до того, что почтенный супругъ забираетъ все свое имущество, состоящее изъ небольшого чемоданчика, клѣтки съ дроздомъ и зонтика, надѣваетъ свою старую шляпу, галоши и шинелишку и рѣшается съ миромъ удалиться, т. е. полюбовно разойтись со своей старой подругой, съ которой, такъ или иначе, прожилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Тутъ происходитъ трогательная сцена, когда за возмутившимся супругомъ его строптивая старушка, уже струсившая, плетется съ виноватымъ видомъ и робко спрашиваетъ своего стараго друга, что неужели онъ такъ-таки и рѣшился ее бросить и куда онъ теперь пойдетъ? Тотъ сначала еще сердито отвѣчаетъ, что пойдетъ, куда глаза глядятъ, только бы уйти изъ этого домашняго ада. Но когда старушка, окончательно уже встревоженная такой его рѣшимостью, прерывающимся отъ слезъ и волненія голосомъ начинаетъ напоминать ему прошедшее изъ ихъ совмѣстной долгой жизни и «что будетъ теперь съ нимъ?», «кто ему подастъ утромъ кофе, халатикъ, и будетъ исполнять всѣ его привычки, кто ему все это будетъ дѣлать?» Онъ начинаетъ какъ будто смягчаться и вотъ, чтобы окончательно доканать старикашку, она вдругъ признаетъ себя виноватой и проситъ у него прощенія. Растроганный старикъ роняетъ клѣтку съ дроздомъ, зонтикъ и чемоданъ, и старики мирятся, плача другъ у друга въ объятіяхъ. Впечатлѣніе отъ этой сцены было настолько сильное, что весь театръ нѣкоторое время находился въ безмолвіи, лихорадочно внимая этимъ всхлипывающимъ старикамъ, и вдругъ разразился громомъ апплодисментовъ... Но надо было видѣть лицо этого старика, эту мимику, какъ происходили переходы отъ раздраженнаго гнѣвомъ сердечнаго волненія къ такимъ же сердечнымъ порывамъ.

«Вотъ вѣдь я говорилъ... вѣдь я говорилъ...» — повторялъ онъ слезливымъ голосомъ. Такъ вотъ и бросился бы обнимать и утѣшать этого милаго старичка. Сожалѣю о тѣхъ, кому не удалось видѣть игру этого геніальнаго комика-трагика и какъ мнѣ жалки казались актеры, которые впослѣдствіи выступали въ этой роли; ничего у нихъ даже похожаго не выходило на то, что создавалъ Мартыновъ.

Я было хотѣлъ уѣхать, не досмотрѣвъ водевиля, но прочитавши въ афишѣ, что въ немъ главную роль будетъ играть Максимовъ, остался и не раскаялся, потому что его умная, ловкая и красивая игра доставила мнѣ истинное удовольствіе, несмотря на сильное впечатлѣніе, оставленное двумя предыдущими пьесами, и на то, что амплуа первыхъ любовниковъ, на которомъ былъ тогда Максимовъ, самое неблагодарное.

Слухи о постановкѣ на сценѣ Большого театра оперы М. И. Глинки «Русланъ и Людмила» все усиливались и вмѣстѣ съ ними увеличивалось нетерпѣніе возбужденной публики, которой уже порядкомъ надоѣла заигранная «Аскольдова могила». Но прежде чѣмъ совсѣмъ похоронить эту оперу, я хочу сказать о ней свое доброе слово. Во-первыхъ, она имѣла то достоинство, что явилась первымъ оригиналомъ русской драматической оперы съ весьма свѣжими мелодіями и никакъ нельзя ее упрекнуть въ вялости дѣйствій и безколоритности. Не даромъ она пріобрѣла въ то время, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, почти народность, и шарманки повсюду играли ея мотивы; мало того, я самъ слышалъ, какъ и среди народа раздавались напѣваемые и наигрываемые мотивы изъ этой оперы. Леоновъ прославилъ себя въ ней, играя весьма живо и типично удалого Торопку, басовую партію неизвѣстнаго исполнялъ драматическій басъ Петровъ. Однако, мнѣ разсказывали, будто музыка этой оперы принадлежитъ не Верстовскому, а Варламову, который въ минуту жизни трудную продалъ ее ему. При сравненіи ея съ другими произведеніями того же Верстовскаго, я расположенъ этому вѣрить.

На другой день я посѣтилъ Публичную библіотеку. Какъ-то внушительно дѣйствовалъ всегда на меня этотъ огромный читальный залъ, съ потолка до полу уставленныя рядами книгъ. За длинными рядами столовъ сидѣло много занимающихся въ библіотекѣ посѣтителей и, несмотря на большое ихъ число, тишина тамъ царила полная. Полы были устланы веревочными коврами, которые совершенно заглушали и безъ того осторожные шаги проходящихъ по нимъ новыхъ посѣтителей въ другую комнату, гдѣ въ то время находились преимущественно журналы и газеты.

Въ журнальномъ отдѣленіи я встрѣтилъ Владимира Измайловича Межова, съ которымъ уже былъ знакомъ. Мы разговорились полушепотомъ и онъ далъ мнѣ свой адресъ, приглашая посѣщать его и обѣщавшись со своей стороны побывать и у меня въ Мраморномъ дворцѣ. Это былъ тотъ самый Межовъ, который впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ библіографомъ. Въ то же время онъ занимался рисованіемъ и бралъ у меня уроки. Терпѣнія и того, что французы называютъ «persévérance», у этого человѣка было въ обиліи, но художественнаго таланта положительно никакого, и онъ только благодаря своему необыкновенному терпѣнію добился-таки того, что въ концѣ концовъ могъ очень посредственно копировать, и началъ бывать по моему указанію въ Эрмитажѣ. Такъ какъ у Межова были свои средства, совершенно его обезпечивающія, онъ почти каждый годъ ѣздилъ за границу и преимущественно живалъ въ Парижѣ, откуда возвращался всегда съ грудами разной мелочи, новинокъ, все больше различныхъ, никому не нужныхъ пустячковъ; даже игрушки и дѣтскіе фокусы встрѣчались въ числѣ этихъ коллекцій.

Человѣкъ онъ былъ, безъ сомнѣнія, умный и начитанный, но въ немъ были свои странности, которымъ даже трудно было повѣрить. Такъ, напримѣръ, онъ не любилъ не то что древнюю или ветхую исторію, а старый римскій міръ вообще, находя въ немъ одну только дикость и распущенность, и эта антипатія у него достигла такой степени, что когда онъ, путешествуя по Европѣ, посѣтилъ Италію въ компаніи русскихъ туристовъ и когда вся компанія находилась вблизи отъ раскопокъ Геркуланума и Помпеи, то Межовъ не пошелъ вмѣстѣ со всѣми туда, а остался въ извѣстной кофейнѣ, стоящей при въѣздѣ на большую дорогу, ведущую къ засыпаннымъ городамъ, и все время, пока спутники его не возвратились, преспокойно пилъ тамъ кофе и угощался, не спросивъ даже, что они видѣли на этомъ мѣстѣ, о которомъ съ жгучимъ интересомъ спросилъ бы каждый. Вообще, въ Межовѣ было очень много странностей, которыми онъ вовсе не рисовался, а дѣйствительно это ужъ былъ такой на самомъ дѣлѣ оригинальный человѣкъ, глубоко убѣжденный въ своихъ взглядахъ, правда, въ высшей степени самостоятельныхъ и разъ навсегда имъ усвоенныхъ. Главною отличительною чертою характера этого человѣка было страшное упрямство и настойчивость—съ этими атрибутами онъ и достигъ славы на поприщѣ библіографіи.

У графа Соллогуба я давно не былъ и зашелъ навѣстить моихъ старыхъ и искреннихъ друзей, гдѣ меня, по обыкновенію, съ радостью встрѣтили и обласкали.

— Ну что въ институтѣ?—спрашивалъ меня графъ,—«Ураганъ» все бушуетъ?—Это касалось новой директрисы, о которой я уже говорилъ, и теперь я разсказалъ графу, какою чудною личностью оказалась наша новая начальница, и сѣтовалъ на распушенные о ней ложные слухи.

— Вотъ и Леви говоритъ о ней то же самое,—сказалъ графъ:—а дочь ея, говорятъ, красавица.

— Да,—отвѣчалъ я,—она теперь аккуратно посѣщаетъ мои уроки и, надо сказать правду, дѣлаетъ большіе успѣхи.

— Лафа вамъ,—засмѣялся графъ,—только вы бѣды какой не надѣлайте въ этомъ гаремѣ одалисокъ, а то чего добраго шнурокъ пришлютъ, какъ китайскому мандарину.

— Нѣтъ, графъ, я теперь уже застрахованъ.

— Какъ? Что это значитъ?—удивился онъ.

— У меня въ Москвѣ невѣста осталась,—сказалъ я.

— Вотъ оно что,—протянулъ графъ,—ну, значитъ, быть бычку на веревочкѣ. Охъ, ужъ эта мнѣ Москва съ ея невѣстами. Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ страшно,—продолжалъ онъ,—что городъ этотъ имѣетъ какую-то особенную почву для подобнаго рода продукта и снабжаетъ почти всю Россію своими породистыми самками. Я какъ-то разъ былъ тамъ на балу въ Дворянскомъ собраніи и удивился обилію

красавицъ: цвѣты, да еще махровые, куда здѣшнимъ, оттого, вѣроятно, что прямо съ грунта безъ парниковъ. Такъ вы женихъ! А она изъ какихъ?—спросилъ онъ:—ужъ не купеческая ли дочка съ капиталомъ?

Я сказалъ, что дворянка безприданница.

— Ну, разумѣется, такъ,—сказалъ онъ не безъ ироніи:—что за расчетъ, была бы любовь! А очень хорошенькая?—подмигнулъ графъ.

— Да, очень,—отвѣтилъ я и, должно быть, покраснѣлъ, такъ какъ графъ звонко разсмѣялся.

— Ну, отъ души желаю вамъ любовь да совѣтъ; не позовете ли меня въ посаженые отцы? вѣдь я для этого еще гожусь.—И я съ истиннымъ удовольствіемъ принялъ его предложеніе. Тутъ въ кабинетъ вошла графиня Софья Михайловна и, поздоровавшись со мною, сказала, обращаясь къ мужу:

— Что это ты такъ долго валяешься, Владимиръ? Пойдемте, господа, завтракать.

Графъ подмигнулъ мнѣ и сказалъ:

— А что, можно ей сказать? она не выдастъ.—Я кивнулъ головой. И графъ, вставъ въ торжественную позу и указывая на меня пальцемъ, громко произнесъ, обращаясь къ графинѣ:

— Женихъ. Только объ этомъ нельзя еще никому сообщать, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ,—пошутилъ графъ.

Графиня также сердечно поздравила меня и мы пошли въ столовую, гдѣ за столомъ съ затянутой до подбородка салфеткой сидѣлъ сынъ графини, Александръ, то есть Саша, увы! черезъ десятка два лѣтъ сдѣлавшійся героемъ довольно скандальнаго процесса, а теперь житель Сибири. За завтракомъ затѣялся оживленный разговоръ; я разсказывалъ про Москву, о послѣднихъ событіяхъ тамъ, а мнѣ передавали интересующія меня петербургскія новости музыкальнаго и театральнаго да и вообще артистическаго міра—такъ, напримѣръ, о близившейся постановкѣ оперы М. И. Глинки и еще о томъ, что благодаря содѣйствію графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, Рубинштейнъ собирается ставить написанную имъ тоже русскую оперу «Князь Дмитрій Донской». Въ то же утро къ графинѣ приходила ея старшая сестра, бывшая замужемъ за Веневитиновымъ, и сообщила прискорбную новость о смерти младшаго брата ея мужа, извѣстнаго поэта, умершаго въ расцвѣтѣ юношескихъ лѣтъ въ чахоткѣ. Вслѣдъ за этимъ получилось еще горестное извѣстіе о смерти ихъ брата Віельгорскаго, бывшаго въ тѣсной дружбѣ съ покойнымъ Веневитиновымъ. Графиня Софія Михайловна подарила мнѣ полное собраніе сочиненій покойнаго поэта и я, пріѣхавъ домой, занялся чтеніемъ этихъ произведеній, отличающихся чистотою слога пушкинской школы, благородствомъ и простотой выраженій.

Возвращаясь отъ Соллогуба, я заѣхалъ на Васильевскій островъ въ академію; противъ нея, на Невѣ, воздвигалась цѣлая гора, почти сплошной стѣной лежавшая поперекъ рѣки, и я не могъ не удивляться силѣ человѣческаго ума и успѣху науки, давшей ему возможность бороться съ чудовищнымъ напоромъ рѣки и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она имѣетъ особенно быстрое теченіе. Но какъ велика также сила царскаго слова, что даже не задумались о могущемъ въ это время повториться наводненіи, а смѣло приступили къ работамъ моста въ самое опасное время года. Случись оно, и всѣ эти циклопическіе труды унесло бы и размыло, какъ горсть мелкаго мусора. Но государь сказалъ:—«Быть по сему»—и совершилось. Мостъ, одинъ изъ лучшихъ мостовъ, перекинулся черезъ Неву; онъ есть и будетъ стоять, доколѣ Нева не изсякнетъ въ своемъ руслѣ...

Наступилъ великій постъ, и семь недѣль его положительно кишѣли всякаго рода концертами, даваемыми пріѣзжими знаменитостями. Я слышалъ піаниста Дрейшока, Гензельта и скрипача Конскаго и восхищался его прелестнымъ «Венеціанскимъ карнаваломъ».

Во время тихой и молитвенной Страстной недѣли пріятно чувствовалось приближеніе великаго христіанскаго праздника и его обычныхъ ликованій. Кромѣ того, не менѣе было радостно и приближеніе весны, но въ Петербургѣ эти признаки приближенія ея не очень-то были пріятны. Такъ, напримѣръ, дорога тогда была отъ градоначальства и наросшіе на ней слои грязнаго льда скалывали и свозили въ кучи, которыя такъ и лежали на улицѣ, и когда грянула оттепель, то по улицамъ образовались цѣлые бугры и ямы, подвергавшіе экипажи порчѣ, а пѣшеходовъ различнымъ непріятностямъ, но всѣ эти невзгоды терпѣлись съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ, въ ожиданіи тѣхъ наслажденій и удобствъ, которыя неминуемо должна была принести съ собою милая богиня съ своимъ яснымъ и теплымъ пришествіемъ, а для меня, кромѣ того, приближались каникулы и я могъ укатить въ Москву. Но никогда время не тянется такъ долго, когда намъ нужно, чтобы оно проходило скорѣе.

Наступила Страстная недѣля, а за нею и Свѣтлый праздникъ, который я встрѣтилъ въ домѣ моихъ знакомыхъ Чачиковыхъ, въ теплой и милой компаніи. На утро, проснувшись довольно поздно, я отправился дѣлать визиты и заѣхалъ на Васильевскій островъ къ Росси, котораго засталъ дома, и мы вмѣстѣ позавтракали. Я разсказалъ ему про Москву, а онъ про академическія новости и отъ него же я узналъ, что ему присудили двѣ медали: одна большая серебряная и другая малая золотая, за представленныя программы; кромѣ того, онъ собирался въ Италію, съ чѣмъ я его отъ души поздравилъ. Мнѣ оставалось только вздохнуть и я при этомъ помянулъ крѣпкимъ словцомъ своего дядюшку, виновника того, что я не могъ представить программы на золотую медаль. Въ это время онъ уже

сильно болѣлъ и собирался на островъ Мадеру. Узналъ я также отъ Росси, что за это время скончался профессоръ нашъ, граверъ старикъ Николай Ивановичъ Уткинъ, оставившій по себѣ добрую память, какъ объ отличномъ художникѣ и прекрасномъ человѣкѣ. Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о другомъ, тоже умершемъ за это время, профессорѣ нашей академіи, пейзажистѣ Максимѣ Никифоровичѣ Воробьевѣ, котораго ученики не любили за его лицемѣріе и двоедушіе. Въ особенности Солнцевъ жаловался на него за то, что онъ, желая выдвинуть по академіи одного изъ своихъ сыновей, отстранилъ Солнцева отъ полученія медали въ пользу своего сына, бывшаго ему конкурентомъ. Да вѣдь и на моихъ глазахъ подобныя вещи продѣлывались не разъ и ни однимъ изъ нашихъ маститыхъ профессоровъ, такъ что въ этомъ ничего удивительнаго не было и только ужасно мнѣ было досадно за этого талантливаго Солнцева; воображаю, каково было ему самому перенести подобную несправедливость.

Весенній театральный сезонъ ознаменовался освѣженіемъ репертуара, пробами новыхъ пьесъ или игранныхъ уже, но въ новой обстановкѣ, съ участіемъ выпущенныхъ изъ дирекціи молодыхъ артистовъ съ выдающимися талантами, а также дебютами провинціальныхъ артистовъ средней величины. Въ то время заядлымъ театраломъ, зорко слѣдившимъ за нашей сценой, былъ хорошій мой знакомый Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, впослѣдствіи начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Я зналъ его еще совсѣмъ молодымъ, и мы нерѣдко встрѣчались съ нимъ въ театрахъ, чаще же всего онъ бывалъ въ Большомъ, такъ какъ былъ завзятымъ балетоманомъ. Михаилъ Николаевичъ былъ сынъ статсъ-секретаря императрицы Александры Ѳеодоровны, имѣлъ огромныя связи и дружилъ съ финансовыми тузами; это обстоятельство и заставило меня обратиться къ нему съ просьбой выручить меня, когда я нуждался въ деньгахъ. Вдругъ какъ-то, послѣ праздниковъ, карманъ мой сразу опустѣлъ, смерть князя Кочубея разстроила всѣ мои планы и я еще не предполагалъ да и не могъ думать, что княгиня пришлетъ за мною для окончанія портрета. Деньги нужны были до зарѣза, а гдѣ ихъ взять? И вотъ я, порывшись въ своемъ портфелѣ, выбралъ начатый еще въ прошломъ году акварельный рисунокъ, изображавшій Татьяну изъ «Онѣгина», сидящую у открытаго окна при свѣтѣ трепетномъ луны и мечтающую о Евгеніи.

Въ одно утро я засѣлъ за эту картину и, въ два дня окончивъ ее, повезъ къ Лонгинову. Въ эстампный магазинъ Бегрова отдавать ее мнѣ не хотѣлось, такъ какъ онъ бралъ за комиссію 20%, а деньги мнѣ были очень нужны. Былъ уже со мной случай, когда я, сильно нуждаясь въ деньгахъ, продалъ одну свою такую картину комиссіонеру Негри за 80 руб. и тотъ, въ тотъ же день, спустилъ ее за 300. Не желая подвергать себя такой же уже слишкомъ большой экспло-

атаціи, я и рѣшилъ предложить свою картину Лонгинову. Жилъ онъ тогда на Моховой, близь Пантелеймоновской, но на мое несчастіе онъ былъ не совсѣмъ здоровъ и никого не принималъ, однако отчаяніе дѣлаетъ человѣка рѣшительнымъ и я настоялъ, чтобы лакей доложилъ обо мнѣ. Я былъ принятъ. Когда я вошелъ, онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ въ утреннемъ неглиже и привсталъ, протягивая мнѣ руку. Послѣ обмѣна нривѣтствій и извиненій, я наконецъ изложилъ ему причину, побудившую меня обратиться къ нему.

— Ахъ, очень радъ,—сказалъ онъ,—я уже знакомъ съ вашимъ талантомъ и видѣлъ ваши рисунки къ «Капитанской дочкѣ» и мы съ Анненковымъ ужасно сожалѣли, что тогда, когда онъ собиралъ свое изданіе, нельзя было ихъ пустить въ публикацію. Ахъ, какая прелесть! Татьяна... нечего и спрашивать,—вскричалъ онъ,—но вѣдь это должно стоить крупныхъ денегъ, найдутся ли онѣ у меня, это я вамъ скажу по секрету, и составляетъ нѣкоторую часть припадковъ моей болѣзни,—и онъ громко разсмѣялся.

— Боже меня сохрани кому бы ни было навязывать свою работу,— сказалъ я,—и я только буду просить васъ показать кому-нибудь эту картину изъ понимающихъ вашихъ друзей, которые собираютъ подобнаго рода произведенія.

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ Лонгиновъ,—а я какъ разъ ожидаю къ себѣ сегодня одного пріятеля, который долженъ привезти мнѣ лекарство отъ моей болѣзни... и онъ опять громко разсмѣялся.—Во всякомъ же случаѣ я васъ выручу, но не ранѣе, какъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ.

— Помилуйте, вѣдь я разсчитывалъ оставить у васъ рисунокъ не меньшей мѣрѣ на недѣлю, просто мнѣ деньги нужны, у нашего брата художника онѣ какъ-то скоро изсякаютъ.

— Эхъ, батюшка,— сказалъ онъ,—да у кого онѣ не изсякаютъ-то?— «à qui le dites vous»? Вотъ развѣ у нашего, напримѣръ, Яковлева. Вѣдь Пушкинъ про такихъ сказалъ: «Вѣдь есть же праздные счастливцы, ума недальняго лѣнивцы, которымъ жизнь куда легка». Вотъ мы его и поразструсимъ, кому же и поддерживать талантливаго труженика, какъ не безталаннымъ бездѣльникамъ, да наконецъ тутъ для него одно только пріумноженіе капитала, черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ рисунокъ будетъ рѣдкостью, цѣна ему будетъ въ десятеро выше теперешней, а сколько вы желаете за эту чудную картину?

Я сказалъ, что сто рублей и мы простились.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ записку отъ Лонгинова слѣдующаго содержанія: «Вашу прелестную Татьяну у меня похитили, посылаю деньги, преданный и готовый къ услугамъ М. Лонгиновъ».

Такого скораго результата я никакъ не могъ ожидать и мнѣ пріятно было, что не пришлось занимать денегъ у этого въ высшей степени любезнаго, но постоянно нуждающагося человѣка.

Наступили живительные весенніе дни, ледъ на Невѣ тронулся и природа заликовала. Быстро показалась трава тамъ, гдѣ ее не стѣсняла расти городская администрація, а березки и другія деревья покрылись маленькими душистыми листочками. Вмѣстѣ съ весенними жаворонками по городу разлетѣлись афишки, извѣщавшіе объ открытіи на островахъ минеральныхъ водъ, гдѣ тогда царствовалъ Излеръ; говорили, что тамъ можно очень пріятно провести время, и я рѣшилъ непремѣнно побывать тамъ.

Отправился я туда въ сопровожденіи Алексѣя Ѳедоровича Поздѣева, на одномъ изъ пароходовъ, которые уже начали развозить публику по островамъ. Пароходикъ былъ наполненъ публикой въ весеннихъ праздничныхъ нарядахъ. Дамскіе зонтики, какъ круглые большіе цвѣты, унизывали его борты, повсюду слышались веселые голоса и разговоры, словомъ, скука здѣсь не находила себѣ мѣста. Пароходъ нашъ юркнулъ подъ Самсоніевскій мостъ и, причаливъ на минуту у пристани на Выборгской, отплылъ дальше. На лѣвомъ берегу показалось продолговатое каменное строеніе съ офицерскимъ флигелемъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, окутаннаго въ нѣжную зелень распустившихся деревьевъ. Вотъ и роскошная дача Николая Самойловича Шаншіева, женатаго на Екатеринѣ Авельевнѣ Гамазовой, осталась уже позади и чѣмъ дальше, тѣмъ дачи были грандіознѣе и богаче и, наконецъ, заканчивались роскошною дачею Василія Федуловича Громова, построенною на мысу, врѣзывающемся въ Малую Невку. Тутъ рѣка опять расширяется и на противоположномъ берегу въ густомъ паркѣ стоитъ загородный дворецъ, принадлежащій великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; конецъ берега этой дачи уставленъ рядомъ маленькихъ пушекъ, такъ какъ великій князь Михаилъ Павловичъ былъ шефомъ Артиллерійскаго корпуса. Тутъ берегъ соединяется съ правой стороны Строгановскимъ мостомъ, упирающимъ въ конецъ Строгановской дачи, домъ съ куполомъ, который красиво выдѣляется на густой массѣ деревьевъ своего обширнаго сада. Вотъ, наконецъ, и Минеральныя воды съ своею колоннадой, заканчивающейся на обоихъ концахъ небольшими павильонами; въ лѣвомъ концѣ главный входъ, къ которому отъ берега вела шоссейная дорога. Пароходъ нашъ причалилъ къ довольно красивой пристани съ развивавшемся надъ нею флагомъ, и вся пестрая и веселая публика потянулась шумною толпою къ входу въ это Эльдорадо, обѣщавшее намъ разнообразнаго рода удовольствія, на которыя такъ былъ изобрѣтателенъ популярный уже въ Петербургѣ Иванъ Ивановичъ Излеръ. Получивъ въ кассѣ проходной билетъ, мы вошли въ большой и не столько широкій, какъ длинный залъ, уставленный во всю длину рядомъ бѣлыхъ колоннъ, между которыми рядами стояли стулья для зрителей. Тутъ же была и небольшая сцена съ крошечнымъ фойе для актеровъ. Рядомъ съ большимъ заломъ находился еще меньшій, гдѣ происходила про-

дажа минеральныхъ водъ, откуда также былъ выходъ въ садъ черезъ широкую терассу, гдѣ изобиловали различныя украшенія, въ видѣ статуй, бюстовъ и т. п. Широкая площадка сада была сплошь заставлена чисто сервированными маленькими столиками. Тутъ же въ саду была еще эстрада, на которой пѣлъ русскій хоръ, а далѣе былъ видѣнъ открытый театръ съ небольшой сценой. Бильярдъ, устроенный въ деревянномъ павильонѣ, дамскій чайный буфетъ, мужской буфетъ, все было прекрасно обставлено съ высшей степени выдержаннымъ стилемъ нѣмецкаго приличія. Въ верхнемъ этажѣ главнаго зданія находились отдѣльные кабинеты и помѣщенія для цыганъ. Словомъ, это былъ совершеннѣйшій прототипъ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ увеселительныхъ садовъ и гуляній, только тогда въ немъ не было того пошло-кабацкаго пошиба, который развелся за послѣднее время и дошелъ до апогея своего неприличія. Играла военная музыка, затѣмъ пѣлъ хоръ пѣвцовъ, затѣмъ предстояло представленіе въ большомъ залѣ, потомъ опять въ саду на открытой сценѣ, потомъ снова музыка и такъ далѣе по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ. Публика прибывала все болѣе и болѣе, и наконецъ не оказалось ни одного свободнаго столика. Мы вошли въ залъ и заняли свои мѣста. Въ публикѣ начали уже раздаваться нетерпѣливые хлопки, и вотъ все стихло, а на эстрадѣ появился хоръ въ тирольскихъ костюмахъ. У двоихъ изъ мужчинъ въ рукахъ были гитары. Одинъ изъ нихъ, красивый и плотный мужчина, взялъ первые аккорды и за нимъ грянулъ хоръ. Это былъ знаменитый впослѣдствіи Деккеръ-Шенкъ, тогда простой гастролеръ, впервые пріѣхавшій въ Россію. Рядомъ съ нимъ сидѣла красивая и видная женщина—его жена, пѣвшая густымъ и очень пріятнымъ контръальтомъ. Вообще, голоса хора Деккеръ-Шенка были очень хороши, въ нихъ было много чувства и согласія, а само пѣніе отличалось оригинальностью мелодій и мотивовъ чисто національныхъ. Деккеръ-Шенкъ изумительно аккомпанировалъ на гитарѣ, а жена его спѣла вальсъ, приведшій въ неописанный восторгъ всю публику. По окончаніи этого номера, когда мы вышли въ садъ, уже наступила совершенная ночь и прекрасно иллюминованный садъ пріятно ласкалъ зрѣніе. Но вотъ часть приличной публики удалилась и началась вакханалія. Отъ одного стола къ другому, какъ ночныя бабочки, начали перебѣгать женщины съ разрисованными лицами и черезчуръ дугообразными бровями и яркими румянцами, цинично шутя съ опьянѣвшими мужчинами. Изъ открытыхъ оконъ кабинетовъ слышалось пѣніе цыганъ, звонъ стакановъ и посуды, полупьяные голоса раскутившихся повѣсъ, и затрещали отцовскіе капиталы. Становилось противно и мы поспѣшили скорѣе оставить садъ.

Тогда еще ходили Щапинскіе дилижансы, и нѣсколько каретокъ стояло недалеко отъ выхода. Мы залѣзли въ одну изъ нихъ и заколыхались по неровной мостовой, убаюкиваемые этой, хотя и

тряской качкой, но снотворно дѣйствующей на утомленные нервы.

Приближалось время года, когда классы въ институтѣ закрываются, и душа моя ликовала, предвкушая минуту моего отъѣзда въ Москву. Экзамены сошли очень благополучно. Красавица дочь нашей директрисы оказала поразительные результаты—и мною были очень довольны. Передъ отъѣздомъ своимъ я сопровождалъ директрису и нѣкоторыхъ воспитанницъ въ Эрмитажъ, гдѣ показалъ имъ наиболѣе замѣчательныя произведенія знаменитыхъ творцовъ итальянской, испанской, голландской и французской школъ, чѣмъ доставилъ имъ огромное удовольствіе, а безъ сомнѣнія и пользу. Но вотъ я опять въ мальпостной кареткѣ, опять покачиваюсь на ея тряскихъ рессорахъ по знакомой дорогѣ, опять испытываю тѣ же мытарства, но уже не наверху, а на внутреннемъ мѣстѣ. Сосѣдкою моею на этотъ разъ была какая-то молодая, толстая дама, спавшая всю дорогу. Спалъ и я довольно крѣпко и, проснувшись въ одно утро, почувствовалъ себя въ объятіяхъ моей толстой сосѣдки. Извинившись, я высвободился изъ ея мягкихъ объятій, досталъ папиросы и закурилъ, а она начала вздыхать и оправляться. Своихъ я всѣхъ засталъ здоровыми и бодрыми, ожидавшими меня, такъ какъ на этотъ разъ я уже счелъ почему-то необходимымъ увѣдомить ихъ о своемъ пріѣздѣ. И вотъ я снова въ Москвѣ.

XVIII.

Отъѣздъ родителей въ Мерчикъ.—Генералъ Лужинъ и дворецъ въ Дубровицахъ.—Чудакъ губернаторъ.—Князь Щербатовъ и происшедшіе съ нимъ курьезы.—Булаховъ и Шаповаловъ.—У Бобринскихъ.—Слухи о холерѣ.—Пальчиковъ и его усадьба.

Въ Москвѣ меня ожидала крупная новость; наши были въ полномъ сборѣ и собирались на лѣто ѣхать въ имѣніе графа Орлова-Денисова, находившееся близъ самаго Харькова и называвшееся Мерчикъ. Отецъ настоятельно предлагалъ и мнѣ ѣхать съ ними, но я, понятно, сейчасъ нашелъ предлогъ, чтобы остаться въ Москвѣ, ссылаясь на работы у толстяка Рахманова, и вмѣсто меня отецъ бралъ съ собою молодого художника Аммона, котораго онъ взялъ подъ свое покровительство. Это былъ очень способный и симпатичный молодой человѣкъ, котораго мы всѣ очень скоро полюбили, отецъ же, видя въ немъ несомнѣнный талантъ, предсказывалъ ему блестящую будущность, какъ пейзажисту, и тѣмъ болѣе охотно его бралъ съ собою, имѣя въ виду, что юноша поупражняется за это лѣто въ натурѣ. Волей не волей приходилось отложить поѣздку въ Останкино до отъѣзда своихъ и я смиренно покорился этой участи.

Былъ я съ визитомъ у графини Орловой-Денисовой, принявшей очень ласково меня и положительно очаровавшей своею любез-

ностью; у нея я засталъ генерала Лужина, бывшаго въ то время оберъ-полицеймейстеромъ Москвы и въ скоромъ времени имѣвшимъ сдѣлаться тамъ губернаторомъ. Этотъ Лужинъ былъ безъ ума влюбленъ въ красавицу графиню и бывалъ въ ея домѣ каждый день, что и послужило поводомъ одному изъ злыхъ остряковъ сказать довольно удачную остроту, указывая на крупный скульптурный гербъ, украшавшій фронтонъ дома казака гр. Орлова-Денисова, въ которомъ около его инициаловъ была помѣщена фигура казака:— «Въ этомъ домѣ я постоянно вижу трехъ казаковъ: одного въ самомъ домѣ (графъ былъ казакъ) другого на домѣ (это въ гербѣ) и третьяго у подъѣзда». Извѣстно, что въ то время оберъ-полицеймейстера всегда сопровождалъ казакъ и когда генералъ гдѣ-нибудь останавливался, то казакъ дожидался его у подъѣзда. Этотъ генералъ Лужинъ впослѣдствіи, кажется, и женился на графинѣ Орловой-Денисовой, вскорѣ овдовѣвшей. Встрѣтясь со мною у графини, Лужинъ заказалъ мнѣ рисунокъ стараго дворца царя Алексѣя Михайловича въ Дубровицахъ, отъ котораго тогда уже ничего не осталось, кромѣ невысокаго столба, на который въ былыя времена клались просьбы на имя царя. Руководствоваться для этой работы я долженъ былъ одной старинной гравюрой, изображавшей дворецъ, какимъ онъ былъ въ то время. Отъ самаго же строенія ничего не осталось и только невысокія шпалеры изъ акацій, посаженныхъ по плану уничтоженнаго зданія, давали представленіе о его расположеніи. Этотъ дворецъ былъ построенъ изъ дуба и такого прочнаго, что когда его снимали, то принуждены были не рубить, а спиливать, такъ какъ топоръ не бралъ этихъ вѣковыхъ срубовъ. Какая же дикая фантазія насильно уничтожать такую, можно сказать, священную старину. Удивительныя вещи у насъ творятся на Руси. Предшественниковъ Лужина по губернаторству былъ князь Щербатовъ, ужасный чудакъ, человѣкъ небольшого ума и державшійся на своемъ посту только потому, что жена его была необыкновенно умная женщина и прекрасная администраторша, собственно фактически и рѣшавшая всѣ дѣла и вопросы по губерніи. Князь безусловно довѣрялся своей супругѣ и никогда не дѣлалъ наперекоръ ея распоряженіямъ; послушаніе его доходило въ этомъ отношеніи до невѣроятныхъ размѣровъ и, благодаря привычкѣ повиноваться княгинѣ, съ нимъ вышелъ даже разъ очень комичный случай, имѣвшій траги-комическія послѣдствія. Однажды къ князю явился съ визитомъ городской голова, именитый и богатый купецъ. Князь встрѣтилъ его въ пріемномъ залѣ и, забывъ по своей разсѣянности, предложить ему сѣсть, разговаривалъ стоя. Въ это время мимо проходила княгиня и замѣтивъ, это неловкое положеніе, подошла къ мужу и шепнула ему—«пожалуйста, посади его»—и затѣмъ прошла въ свои покои. Князь вдругъ нахмурился и рѣзко перемѣнился въ разговорѣ съ изумленнымъ головою и въ концѣ

концовъ отправилъ его немедленно на гауптвахту, принявъ замѣчаніе жены за просьбу арестовать голову, вѣроятно, въ чемъ-нибудь да провинившагося передъ нею. Когда съ несчастнымъ купцомъ было покончено, князь веселый, что исполнилъ приказаніе жены въ точности, вошелъ къ ней въ гостиную, гдѣ собралось нѣсколько дамъ съ визитами и, цѣлуя руку княгини, сказалъ:

— Ну, я его посадилъ, да что собственно онъ тамъ надѣлалъ такого?

— Кто? что? кого посадилъ?—удивленно спросила княгиня.

— Да голову,—отвѣчалъ спокойно князь.

— Какую такую голову?—ничего не понимая, спрашивала княгиня.

— Да городского голову, котораго ты просила арестовать.

— Я арестовать? просила городского голову? да ты съ ума сошелъ,—въ ужасѣ вскричала княгиня,—я тебя просила посадить его на кресло, такъ какъ вѣдь ты говорилъ съ нимъ стоя.

— Ну, а я думалъ на гауптвахту,—сказалъ князь,—и уже отправилъ его туда. Ахъ, чортъ возьми, какая неловкость, а я предполагалъ, что ужъ вѣроятно, онъ что-нибудь да совершилъ ужасное, разъ даже ты его попросила посадить...

Всѣ засмѣялись, а княгиня поспѣшила сейчасъ же сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи несчастнаго головы и пригласила его къ себѣ, чтобы какъ-нибудь да загладить разразившійся скандалъ. А князь, какъ будто ничего не случилось, затѣялъ превеселую болтовню съ дамами. Вотъ каковъ былъ московскій губернаторъ.

Еще одинъ курьезъ, и очень забавный, былъ съ этимъ чудакомъ, о которомъ не мѣшаетъ также упомянуть для характеристики этого оригинальнаго человѣка.

Въ Москву ожидали прибытія новаго греческаго консула, которымъ былъ назначенъ нѣкто Чумаго; это былъ старый холостякъ, очень молодящійся и большой поклонникъ женщинъ. Говорили, что онъ будетъ давать пышные балы, что онъ страшно богатъ, а потому его и ждали съ нетерпѣніемъ. На бѣду князя Щербатова случилось, что за нѣсколько дней до прибытія этого консула, въ Москву пріѣхалъ извѣстный содержатель цирка и большой труппы акробатовъ и плясуновъ—Сулье. Этотъ Сулье былъ красавецъ мужчина, имѣвшій весьма представительную наружность и въ дополненіе къ ней еще носилъ въ парадныхъ случаяхъ какой-то фантастическій мундиръ, весь расшитый золотомъ, такъ какъ называлъ себя штальмейстеромъ его величества султана. Какимъ образомъ онъ былъ возведенъ въ это званіе—неизвѣстно, но только онъ имъ дѣйствительно былъ,—вѣроятно ублажилъ султана своими представленіями. Облачившись въ свой полный нарядъ, этотъ Сулье отправился къ Щербатову просить разрѣшенія давать свои представленія въ Москвѣ и выстроить для этого балаганъ. Какъ это

вышло — неизвѣстно, переврали ли его фамилію докладчики или самъ князь недослышалъ, но Сулье былъ немедленно принятъ внѣ очереди. Князь очень любезно поздоровался съ нимъ, жалъ ему руку, усадилъ возлѣ себя на диванъ и угостилъ его роскошной сигарою, разспрашивая его о путешествіи, о томъ, когда онъ пріѣхалъ и т. д. Но когда Сулье назвалъ ему себя и изложилъ сущность своего визита, то князь вдругъ побагровѣлъ.

— Встать!— закричалъ онъ,— какъ вы смѣли такъ фамильярно явиться ко мнѣ? Убирайтесь вонъ, стройтесь, пляшите, только оставьте меня въ покоѣ.

Сулье былъ очень сконфуженъ такимъ оборотомъ разговора и удалился, мысленно проклиная свой мундиръ, виновника всей этой исторіи. Но однако этимъ дѣло не кончилось. Вскорѣ пріѣхалъ и Чумаго, настоящій греческій консулъ, и, конечно, пріѣхалъ съ визитомъ къ губернатору. Случилось такъ, что о пріѣздѣ его доложили не князю, а княгинѣ, которая, какъ и всякая женщина, вышла къ нему не сразу. Въ ожиданіи хозяйки дома, подкрашенный и припудренный, Чумаго ходилъ по залу. На немъ былъ шитый золотомъ мундиръ, увѣшанный звѣздами. Въ это время князь, окончивъ свой утренній докладъ, проходилъ черезъ залъ и, увидя человѣка въ шитомъ золотомъ мундирѣ, со слѣпа (князь былъ близорукъ) принялъ его за Сулье. Онъ вдругъ остановился посреди зала и, замахавъ руками, закричалъ:

— Что вы пристаете ко мнѣ? Ну, да пляшите, я уже сказалъ вамъ пляшите, и опять-таки прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

Чумаго, ничего не понимая, озадаченный подобнымъ пріемомъ, стоялъ какъ вкопанный и если бы на этотъ крикъ не вышла княгиня, то онъ навѣрное бы уѣхалъ и дѣло приняло бы серьезный оборотъ.

Положительно чуть не каждый день что-нибудь да случалось съ этимъ злосчастнымъ губернаторомъ. Было это въ то время, когда соблюденіе формы строго преслѣдовалось и молодежь за каждую малость подтягивалась начальниками, въ особенности же студенты были подвержены строгости дисциплины. Между тѣмъ имъ строго на строго запрещалось курить, а подавно на улицахъ. Князь Щербатовъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро въ партикулярномъ платьѣ гулять по Тверскому бульвару. Ужъ и въ формѣ-то его фигура была неказиста, а въ статскомъ платьѣ онъ вовсе не имѣлъ никакого вида. Идетъ это онъ одинъ разъ по аллеѣ и видитъ на встрѣчу ему приближается преважно студентъ въ форменномъ сюртукѣ и съ папироской въ зубахъ. Забывъ, что онъ въ статскомъ костюмѣ, Щербатовъ пѣтухомъ налетѣлъ на студента и разразился крикомъ:

— Какъ вы смѣете курить?

Студентъ съ неудовольствіемъ взглянулъ на него и, повидимому, не зная его въ лицо, рѣзко отвѣтилъ:

— А вамъ то какое дѣло?

— Да вы знаете ли, съ кѣмъ вы говорите?—зеленѣя отъ злобы, продолжалъ кричать Щербатовъ.

— Нѣтъ, не имѣю этого удовольствія,—отвѣтилъ студентъ съ иронической улыбкой.

— Я здѣшній генералъ-губернаторъ,—уже задыхаясь, прошипѣлъ Щербатовъ.

Студентъ смѣрилъ съ ногъ до головы его неказистую фигурку и, пожавъ плечами, сказалъ:

— Не можетъ быть.

Щербатовъ такъ растерялся отъ этого искренно недовѣрчиваго отвѣта, что въ доказательство истины своихъ словъ, глядя въ упоръ на студента, осѣнилъ себя большимъ крестомъ и сказалъ: «ей-Богу», и произнесъ эту клятву съ такою наивностью, какъ божатся дѣти, когда имъ не вѣрятъ.

— Ну, не буду васъ вводить въ грѣхъ,—сказалъ студентъ и улыбнувшись, бросилъ папироску. И много много подобныхъ курьезовъ было съ этимъ почтеннымъ администраторомъ.

Мои уѣхали и я остался одинъ во всемъ домѣ. Какъ-то пусто и тяжело сдѣлалось на душѣ моей. Не знаю, предчувствіе ли это было чего-нибудь недобраго, но что-то сосало мою душу и я поспѣшилъ отправиться къ Ивановымъ. Около самаго ихъ домика я встрѣтился съ Екатериной Львовной.—«Павелъ Петровичъ!» воскликнула она и въ ту же минуту изъ окна выглянула бѣлокурая головка, блѣдная отъ волненія и ея лучистые глаза любовно устремились на меня. Я на скоро жму руку сестрѣ и мимо нея проскакиваю на крыльцо и въ темныхъ сѣняхъ меня обнимаютъ теплыя ручки, я впиваюсь въ трепетныя губы и урывками слышу.—«Милый... рада... счастливый день... тише... мамаша отдыхаетъ...» наконецъ выходитъ и старушка Александра Никифоровна и на меня сыплются разспросы и комплименты. Я поселился на время въ Останкинѣ, гдѣ меня охотно пріютилъ Подклюшниковъ, до такой степени мнѣ не хотѣлось разставаться съ близкими моему сердцу людьми. На третій день моего прибытія къ Степановымъ пріѣхалъ Шаповаловъ вмѣстѣ съ Булаховымъ, авторомъ извѣстныхъ тогда романсовъ. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, брюнетъ, довольно красивой наружности; онъ усиленно ухаживалъ за моей Соничкой и я чуть было не на шутку взревновалъ къ нему, но все какъ-то прошло благополучно. Булаховъ, аккомпанируя себѣ, самъ спѣлъ намъ нѣсколько романсовъ своего сочиненія, которые дѣйствительно были хороши, а Шаповаловъ сталъ опять приставать ко мнѣ, чтобы я уступилъ ему мой драгоцѣнный портретъ Пушкина, и говорилъ,

что у него есть оригинальныя картины, которыми онъ готовъ пожертвовать для этого портрета.

— У меня есть,—говорилъ онъ,—Жуковскій, Крыловъ, Державинъ, Давыдовъ и др., а Пушкина нѣтъ—это вѣдь ужасно обидно.....

Но я былъ непоколебимъ и ни за какія блага не разстался со своимъ сокровищемъ[1]), хотя и копіей, но какой копіей? которую самъ Тропининъ призналъ лучше оригинала. Такъ Шаповаловъ отъ меня ничего и не добился и настоятельно приглашалъ меня къ себѣ посмотрѣть его коллекцію.

На слѣдующій день я отправился съ визитомъ къ Маковскимъ, но по дорогѣ встрѣтился съ ѣхавшимъ въ коляскѣ графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ и онъ настоялъ, чтобы я пересѣлъ къ нему въ экипажъ.

— Слушайте, Павелъ Петровичъ, — сказалъ онъ, — я ѣду къ своей тетѣ обѣдать, поѣдемте со мною, я васъ ей представлю.

Я было началъ отговариваться, что я не во фракѣ, но онъ настаивалъ, сказавъ, что, во-первыхъ, я художникъ и мнѣ простительно подобное отступленіе, а во-вторыхъ, что онъ беретъ всю отвѣтственность на себя—и я согласился. Во время нашего пути онъ напомнилъ мнѣ о моемъ обѣщаніи пріѣхать къ нему погостить въ Богородицкое, куда онъ собирается на-дняхъ отправиться, но я положительно отказался отъ этого приглашенія, такъ какъ не окончилъ еще заказа для Рахманова.

— Ахъ, это вы для него рисуете,—сказалъ графъ,—преуморительный онъ толстякъ, всегда его можно видѣть сидящимъ на балконѣ и кричащимъ караулъ, если кто изъ его друзей, проѣзжая мимо, не завернетъ къ нему—презабавный.

Мы пріѣхали на Дмитровку и остановились у большого подъѣзда дома графини. Объ насъ доложили и мы вошли.

Графиня была красивая женщина, большого роста, настоящая grande dame; она очень любезно встрѣтила меня и познакомила съ своею дочерью, тоже очень красивой дѣвушкой, похожей на мать. У насъ завязался разговоръ про петербургскихъ общихъ знакомыхъ, и я разсказалъ о смерти князя Виктора Кочубея. Графиня знала князя и глубоко его уважала за его умъ и милый характеръ.

— Да,—сказала она,—хорошіе люди у насъ какъ-то не уживаются. Княгиня теперь вдова,—продолжала она,—и, конечно, вскорѣ выйдетъ вторично замужъ, она вѣдь такъ молода еще и такъ богата. Это такой лакомый кусочекъ для нашихъ разорившихся искателей богатыхъ невѣстъ,—прибавила она съ улыбкой.—Вотъ, Алексѣй,—

---

[1]) Однако впослѣдствіи онъ своего-таки добился и вымѣнялъ у меня этотъ портретъ на одну картину.

обратилась она къ племяннику,—приволокнись за вдовушкой, она сразу дастъ тебѣ «position».

— Во-первыхъ,—отвѣчалъ графъ,—я вовсе не изъ искателей, а во-вторыхъ, слава Богу, не разорившійся, а въ-третьихъ, совершенно не собираюсь жениться.—И въ это время я уловилъ его взглядъ, брошенный на хорошенькую кузину.

За обѣдомъ разговоръ оживился, оказалось, что графиня знакома съ Віельгорскими и удивлялась, какъ она не встрѣчалась со мною у нихъ: да и не мудрено во время такихъ многолюдныхъ собраній было не замѣтить меня, мелкаго художника. Заговорили про Соллогубовъ.

— Ахъ, графиня Соллогубъ такая милая женщина,—сказала графиня,—и мужа ея, графа Владимира Александровича, я тоже очень люблю, онъ талантливый человѣкъ; вѣдь это онъ написалъ повѣсть «Галоши», а потомъ «Тарантасъ»—все дорожныя вещи,—и графиня простодушно разсмѣялась.

— Нѣтъ, maman,—заговорила графиня дочь,—эта повѣсть «Галоши» написана съ большимъ и неподдѣльнымъ чувствомъ, а вотъ «Тарантаса» я еще не читала.

Я вкратцѣ посвятилъ ихъ въ содержаніе этой юмористической вещицы.

— А я такъ со своимъ заводомъ совершенно отбился отъ беллетристики,—замѣтилъ графъ,—и ничего этого еще не читалъ.

— И не мудрено, mon cher,—возразила графиня,—ты совсѣмъ зарылся въ своей химіи и ботаникѣ, и я могу тебѣ сказать, какъ въ «Горе отъ ума» говоритъ княгиня Тугоуховская:—«Онъ химикъ, онъ ботаникъ, иначе Алексѣй мой, племянникъ»,—продекламировала графиня и засмѣялась.

Удивительно, что дамы и молодежь того времени съ какимъ-то истиннымъ удовольствіемъ приводили фразы, изреченія и цѣлыя строфы произведеній геніальныхъ людей и всегда умѣли удѣлить имъ мѣсто въ обыденномъ разговорѣ, что дѣлало его болѣе живымъ интереснымъ; теперь же въ этихъ самыхъ салонахъ царитъ пустая свѣтская болтовня, часто безплодная и совершенно безсмысленная. Послѣ обѣда графъ Алексѣй Павловичъ подсѣлъ къ роялю и заигралъ Вебера: «Engagement à la dance»—меланхолическій вальсъ, который, стоя подлѣ рояля, слушала его кузина. Уѣхалъ я отъ графини Бобринской подъ самымъ лучшимъ впечатлѣніемъ простоты и радушія, встрѣченныхъ мною въ этомъ высокоаристократическомъ домѣ.

Вечеръ я провелъ у Миллеровъ и былъ встревоженъ сенсаціоннымъ извѣстіемъ, что въ полосѣ Харькова появилась холера. Это очень смутило меня и я, придя домой, написалъ письмо отцу, прося извѣстить меня, по возможности скорѣе, о здоровье нашихъ.

Работа моя, заказанная Рахмановымъ, подвигалась впередъ и вотъ въ одно утро, когда я ужасно досадовалъ, что у меня не было подходящаго натурщика для фигуры фавна, вдругъ ко мнѣ входитъ Петровскій.

— Вотъ люблю, братъ, за догадливость,—сказалъ я,—какъ разъ кстати пришелъ. Видишь, я пишу Помпею, то есть не послѣдній ея день, а фреску во вкусѣ того времени, и мнѣ требуется мужская фигура въ такомъ поворотѣ, что я не надѣюсь найти здѣсь случайнаго натурщика, который сумѣлъ бы вѣрно принять такую позу и выразить движеніе вотъ такое,—и я показалъ ему эскизъ.

— Да это значитъ постоять на натурѣ? изволь, братецъ,— сказалъ онъ.—Только онъ здѣсь у тебя почти голый, значитъ, и мнѣ надо раздѣться.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—ты видишь—у него драпировка перекинута черезъ плечо и летитъ? такъ вотъ я и разсчитываю, что ты примешь такую же позу и складки лягутъ такъ, какъ мнѣ нужно, чтобы выразить полетъ. Понялъ?

— Отчего же не понять, постараемся понять это,— засмѣялся онъ.—Эхъ, жаль, что вотъ только безъ этой канашки,—прибавилъ онъ, щелкнувъ по рисунку.—А премиленькую ты ее сдѣлалъ, вишь какъ обнимается, какъ она на него плутовски смотритъ. Гдѣ ты только ихъ такихъ видѣлъ? Должно быть въ Петербургѣ поплясывалъ вдоволь съ этими канашками?—и онъ захохоталъ.—Ну, а гдѣ же драпировка, въ которой я долженъ совершить полетъ?

Я подалъ ему кусокъ приготовленнаго для этого коленкора и онъ, снявъ свой пиджакъ, накинулъ его себѣ на плечо и сеансъ начался. Надо удивляться, съ какою охотою въ то время товарищи художники помогали другъ другу; ни у кого не проявлялось никогда ни зависти, ни злобы къ успѣхамъ другого, а что мы видимъ теперь? Тогда лучшія силы, ради товарищеской услуги, стояли на натурѣ, а теперь и дѣльнаго совѣта, и мнѣнія не дождешься, каждый другъ на друга волкомъ глядитъ, какъ будто съѣсть его хочетъ. Сеансъ нашъ вдругъ былъ прерванъ приходомъ швейцара отъ подъѣзда Юшковскаго дома, который доложилъ мнѣ, что какой-то господинъ желаетъ меня видѣть и при этомъ подалъ мнѣ карточку и я прочелъ: «Александръ Васильевичъ Пальчиковъ». Тутъ я вспомнилъ, что встрѣчалъ этого господина въ Петербургѣ и еще разъ видѣлъ его здѣсь же въ Москвѣ, когда онъ пріѣзжалъ со своею старушкой матерью. Отецъ мой съ нихъ обоихъ писалъ портреты. Пальчиковъ вошелъ и я представилъ ему Петровскаго, моего академическаго товарища.

— Я слышалъ,—началъ Пальчиковъ,—что вашъ батюшка уѣхалъ къ графу Орлову-Денисову въ Мерчикъ; очень жаль, но такъ какъ вы остались въ Москвѣ, то я счастливъ такому удачному случаю. Это лѣто гоститъ у меня въ моемъ подмосковномъ имѣніи братъ

Николай, и моей матушкѣ очень бы хотѣлось имѣть его портретъ. Ахъ, если бы вы согласились поѣхать туда со мною теперь же—вѣдь это недалеко у Хотькова монастыря по Троицкой дорогѣ.

Ужасно мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ Москвы, но заказъ мнѣ улыбался, потому что былъ очень выгодный; надо было рѣшить и я просилъ позволенія дать отвѣтъ на другой день. Пальчиковъ уѣхалъ, а я принялся за начатую работу. Голову моего Фавна я прописалъ съ Петровскаго же, пропустивъ въ его густые волосы узкую алую ленточку. Петровскій, на мою просьбу ѣхать со мною къ Пальчикову, выразилъ полное согласіе и на другой день, когда Пальчиковъ за нами заѣхалъ, мы были уже совершенно готовы къ отъѣзду. Дорога, по которой мы ѣхали, вначалѣ была мнѣ очень хорошо знакома, но отъ большого села Александровскаго начались для меня новыя мѣста. Небольшія рощи виднѣлись по обѣ стороны дороги, а навстрѣчу то и дѣло попадались идущіе группами пѣшіе богомольцы съ котомками за плечами и съ палками въ рукахъ. Нѣкоторые изъ нихъ отдыхали вблизи шоссе на густой травѣ, совершая свои вечернія трапезы. По небу тихо плыли красивыя облака, слегка розоватыя, какъ и общій тонъ открывавшагося передо мною пейзажа; солнце уже зашло, но день, какъ бы желая еще насладиться чуднымъ ароматомъ благоухающаго воздуха, медлилъ потухать и какой-то ласкающій глаза свѣтъ царилъ надъ землею. Но вотъ мало-по-малу начинало темнѣть и окрестности завернулись какъ бы въ темный непрозрачный вуаль, и, наконецъ, совершенно скрылись въ непроглядномъ мракѣ ночи. Экипажъ нашъ съѣхалъ съ шоссе и повернулъ на проселочную дорогу и точно мрачные призраки, начали мелькать мимо насъ огромные стволы вѣковыхъ дѣревьевъ, промелькнулъ какой-то мостикъ, затѣмъ двѣ-три жалкихъ лачужки, большимъ чернымъ пятномъ огромный сарай, тускло блеснула вода и мы въѣхали въ поле, а черезъ часъ уже подъѣзжали къ усадьбѣ «Дубки»—имѣнію Пальчикова. У крыльца дома, на побрякиваніе бубенцовъ уже толпилась выбѣжавшая кучка людей со свѣчами, встрѣчавшая своего барина, и мы поднялись по широкой лѣстницѣ въ просторныя сѣни. Въ гостиной насъ встрѣтилъ братъ Пальчикова, Николай Васильевичъ, съ обвязаннымъ горломъ; онъ простудился и не выходилъ, а потому и не могъ самъ пріѣзжать ко мнѣ для сеансовъ. Немного погодя вышла и мать, довольно полная дама, и я сразу узналъ ее по портрету, который видѣлъ у отца, такъ поразительно она была похожа на немъ.

— Очень рада съ вами познакомиться,—говорила Пальчикова, пожимая мнѣ руку,—вы вѣдь второй сынъ Петра Ѳедоровича? Какой почтенный старикъ вашъ отецъ и какой славный онъ художникъ. Вы вѣдь, конечно, видѣли, какіе онъ портреты написалъ съ меня и съ Саши. Мнѣ-то, старухѣ, вашъ батюшка даже немного польстилъ. Конечно,—продолжала она,—въ молодости я была очень недурна;

ну, а теперь ужъ какая во мнѣ красота, а вотъ на портретѣ Александра удивительно вышло его выраженіе, когда онъ это прифрантится, да еще въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, вѣдь онъ у меня камеръ-юнкеръ, батюшка, не шутите. Вы, я слышала, тоже, какъ и вашъ отецъ, прекрасно знаете свое дѣло, вѣдь въ Петербургѣ князей да графовъ разныхъ писали, такъ ужъ вы и моего Николашу, пожалуйста, потрафьте.

Въ это время вошелъ Пальчиковъ.

— Вѣроятно, уже мамаша здѣсь меня съ братомъ похваливаетъ, любитъ она это у насъ,—и онъ поцѣловалъ ея руку.

— Люблю я говорить правду,—сказала Марія Александровна,—въ особенности когда она хороша.

— Вотъ мамаша-то моя, когда была фрейлиной, въ самого государя Александра Павловича влюблена была, танцовала съ нимъ не разъ; погодите, она вамъ еще объ этомъ поразскажетъ,—смѣясь сказалъ Пальчиковъ,—это одна изъ ея самыхъ любимыхъ темъ.

При этихъ словахъ сына Пальчикова вся оживилась, глаза ея вдругъ какъ-то странно заблестѣли, и, видимо, отрадное прошлое ярко представилось передъ ней.

— Что же, и нельзя было его не любить,—сказала она,—не я одна, всѣ наши фрейлины по немъ съ ума сходили, а я имѣла высокую честь съ нимъ даже танцовать; но какъ онъ танцовалъ!—сказала она, закатывая глаза,—надо было только видѣть, какъ граціозно, мягко такъ, нѣжно... Богъ какой-то былъ, а не человѣкъ,—добавила она съ пафосомъ, доставая свой платокъ.

— Ахъ, мамаша, какъ же это вы Бога-то упоминаете всуе?—сказалъ Пальчиковъ, поддразнивая мать.

— Молчи, яица курицу не учатъ.

— Да какъ же,—не унимался Пальчиковъ,—вѣдь въ заповѣди сказано: не сотвори себѣ кумира развѣ мене.

— Не раздражай ты меня,—разсердилась вдругъ Пальчикова и, видимо, этотъ разговоръ могъ обостриться, но къ счастью вошелъ слуга и доложилъ, что чай поданъ. Я мелькомъ осмотрѣлъ стѣны комнаты, въ которой мы сидѣли, и увидѣлъ на нихъ нѣсколько старинныхъ портретовъ, изображавшихъ, повидимому, очень именитыхъ предковъ. Мебель и бронза были времени первой имперіи, очень красивы и массивны. Мы сѣли за столъ и началось чаепитіе, завязался разговоръ, конечно, о нашей спеціальности. Петровскій сидѣлъ и молчалъ, видимо, страдалъ отъ непривычной обстановки, и когда къ нему обратились съ вопросомъ, какая его спеціальность, то онъ отвѣчалъ: всякаго жита по лопатѣ: и портреты, и пейзажи, и жанры.

Я видѣлъ, что разговоръ какъ-то не клеился и вступился.

— Меня нерѣдко удивляетъ,—сказалъ я,—что въ живописи проводятъ какія-то разграниченія, мнѣ кажется, художникъ долженъ

такъ себя подготовить къ той школѣ, въ которой онъ образовался, чтобы умѣть рисовать все, что встрѣтится ему въ природѣ; также точно сама природа неразрывно связана въ тысячи милліоновъ различныхъ типовъ всевозможныхъ народовъ и царствъ; въ дѣятельности художника не разъ могутъ встрѣтиться такія задачи, когда образцы этихъ царствъ должны быть сгруппированы въ общую массу. Неужели, если въ задуманной мною картинѣ мнѣ понадобится сдѣлать воду, то я долженъ обратиться къ маринисту, какъ почему-то принято у насъ называть живописцевъ, занятыхъ писаніемъ воды и т. д. Положимъ, я видѣлъ подобныя картины, писанныя тремя или даже четырьмя художниками, но сейчасъ же видна пестрота этой работы и напоминаетъ мнѣ слова Репетилова въ «Горе отъ ума»:

— Другіе мысль эту же подцѣпятъ,
Глядь въ шестеромъ вдругъ водевильчикъ слѣпятъ,
Другіе пятеро его на музыку кладутъ.

Я по крайней мѣрѣ за себя поручусь, что ни за что не позволю постороннему, какъ бы онъ ни былъ силенъ по-своему вставлять куски своего произведенія въ мои картины. Рафаэль—царь живописи, совершенства рисунка и стиля, а посмотрите, какія у него лошади въ одной изъ его большихъ сложныхъ комнозицій, гдѣ онѣ везутъ колесницу тріумфатора. Онъ, однако, не стѣсняется этимъ и картина отъ этого не теряется, потому что она выдержана въ одномъ духѣ, въ одномъ стилѣ, безъ примѣси клочковъ изъ другого элемента и вставокъ.

Разговоръ нашъ тѣмъ и закончился, и мы пошли въ кабинетъ хозяина, гдѣ намъ были предложены ароматичныя сигары и легкая закуска, вмѣсто ужина, а затѣмъ мы отправились въ приготовленную намъ комнату въ мезонинѣ дома.

Утро было чудесное, и я, рано проснувшись, подошелъ къ окну. Картина передо мною открылась необыкновенно симпатичная до умилительности. Типъ природы, разстилавшейся передо мною, былъ чисто русскій средней полосы Россіи. Это не было нѣчто восхитительное, поражающее, нѣтъ, здѣсь не виднѣлось высокихъ горъ, ни моря, ни озера, ни даже судоходной рѣки или дремучихъ лѣсовъ, но въ этомъ скромномъ, полномъ дѣвственной поэзіи ландшафтѣ, было что-то такое, что такъ пріятно поражаетъ каждую русскую душу при видѣ русской дѣвушки въ своемъ русскомъ сарафанѣ. Здѣсь было столько ласкающаго, дружелюбнаго, улыбающагося сердцу, что нельзя было отвести глазъ отъ этой скромной картинки волшебницы природы. Влѣво виднѣлась проселочная дорога, по которой мы пріѣхали, тянувшаяся желтою лентою по кочковатому полю, на которомъ мѣстами группировались небольшіе дубки съ густою и желтою листвою. Прямо противъ меня зеленѣлъ садъ

въ старинномъ вкусѣ барскихъ садовъ прошлаго столѣтія и мнѣ такъ и мерещилось увидѣть бѣлое платье Татьяны, читающей свое завѣтное письмо. Правѣе опять поля и на горизонтѣ густой синей полосой тянущійся безконечно лѣсъ. На огромномъ пространствѣ между лѣсомъ и усадьбой виднѣлись въ безпорядкѣ раскинувшіяся деревеньки по берегу извивающейся лентою маленькой рѣчки, и большое село съ блестящимъ золотымъ крестомъ на куполѣ его церкви.

На сверкающей изъ-за густыхъ зарослей тростника рѣчки виднѣлась мельница. Время было перваго покоса и во многихъ мѣстахъ были видны собранныя уже скирды. Птицы ныряли въ воздухѣ, то и дѣло проносясь передо мною, и всюду слышалось ихъ веселое щебетанье и сладостная пѣсня. Вся эта картина была облита золотистыми лучами лѣтняго солнца и имѣла такую притягательную силу, что я наскоро одѣлся, взялъ фуражку и палку и спустился внизъ. Въ домѣ все еще спало и только изъ буфетной доносилось побрякиваніе посуды, въ залахъ работала метла и слышался сдержанный шопотъ изъ дѣвичьей. Я вышелъ на дворъ и мимо меня пронеслась кудахтая курица, а за нею пробѣжалъ кухонный мужикъ съ ножомъ— какой диссонансъ представляла эта сцена съ умиротворяющей роскошной природой, мнѣ на мгновеніе стало какъ-то неловко; но всего лишь на мгновеніе... Я вошелъ въ густой тѣнистый садъ и углубился по его туго утрамбованнымъ дорожкамъ, не засыпаннымъ пескомъ, а плотно уложеннымъ дерномъ съ короткою, но мягкою травкой и, казалось, что идешь по какому-то бархатистому ковру. Долго я гулялъ по саду, углубившись въ свои думы и наслаждаясь прелестями тѣнистаго сада въ тихое лѣтнее утро. Наконецъ, за мной прислали и я отправился пить чай.

Я началъ акварельный портретъ съ Николая Васильевича. Лицо моего кліента было очень невзрачно и далеко не представляло собою типъ какой-нибудь красоты, оно было слегка изъѣдено оспою, а волосы и брови какія-то безцвѣтные, бороду онъ брилъ, зато во взглядѣ его маленькихъ глазъ и складѣ тихой улыбки были замѣтны и умъ, и ровный, спокойный характеръ. Онъ былъ порою симпатичнѣе своего брата. Онъ пріѣхалъ въ гости къ брату, оставивъ свое семейство въ имѣніи. Это былъ настоящій типъ русскаго помѣщика, почти никогда не выѣзжавшаго изъ своей вотчины.

Остальныя два дня мы провели въ Дубкахъ очень пріятно: мы съ Петровскимъ ѣздили рисовать виды, катались на лошадяхъ верхомъ и въ экипажѣ, а въ это время я успѣлъ также совершенно закончить портретъ, но все же какъ ни хорошо мнѣ было здѣсь на лонѣ природы, все-таки тянуло въ Москву, гдѣ оставался кусочекъ моего сердца, да и жажда получить скорѣе извѣстіе изъ Харькова также не переставало мучить меня. Я простился съ Пальчиковыми и, уложивъ свои чемоданчики, покатилъ обратно.

XIX.

Первое извѣстіе о болѣзни отца.—Смерть отца.—«Евгеній Онѣгинъ».—Сочувствіе моихъ друзей.—Возвращеніе матери—Піанистъ Лянгеръ.—Глупѣйшій инцидентъ.

Войдя съ Петровскимъ въ мою комнату, я увидѣлъ на своемъ письменномъ столѣ лежащій конвертъ, схватилъ его и, вскрывъ дрожащими руками, пришелъ въ неописанное волненіе. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о болѣзни моего отца, онъ заразился свирѣпствовавшею въ Харьковѣ холерой и былъ на волосокъ отъ смерти; но благодаря уходу и искусному леченію доктора Зябловскаго, жившаго у графа, начиналъ поправляться. Я перекрестился, тяжело вздохнулъ и грустно опустился въ кресло. Петровскій, видя мое душевное состояніе, утѣшалъ меня и остался даже у меня ночевать. Мы еще разъ прочли письмо, въ которомъ мнѣ описывала мать, какъ народъ десятками ежедневно умиралъ въ окружности ихъ, но что теперь, слава Богу, эта ужасная болѣзнь какъ будто стихаетъ. Про доктора Зябловскаго мнѣ писали, что онъ очень энергичный полякъ, что ему только и можно быть признательнымъ за спасеніе отца, также разсказывали, съ какимъ онъ самоотверженіемъ, не боясь заразы, возился съ крестьянами, какъ неоднократно подвергался опасности быть убитымъ разсвирѣпѣвшей толпой, отказывавшейся сжигать вещи послѣ умершихъ, и я отъ души благодарилъ мысленно благодѣтеля-доктора и даже началъ любить всѣхъ поляковъ, которыхъ прежде сильно не долюбливалъ. Вотъ въ какомъ психическомъ состояніи находилась моя душа. Заснуть я не могъ и мѣрное похрапываніе Петровскаго, обнаруживавшее его присутствіе, сильно меня успокоивало. Проснулся я рано и, не тревожа товарища, отправился къ Миллерамъ, чтобы подѣлиться съ ними этимъ тревожнымъ извѣстіемъ. Тамъ также встрѣтили его съ волненіемъ и радовались, что бѣда уже миновала.

— Бѣдная Юлія Павловна!—воскликнула Варвара Егоровна,—воображаю какъ она-то перепугалась!

Такимъ образомъ сердечное отношеніе окружавшихъ меня людей сильно поднимало мою энергію, и я принялся за работу; закончилъ совершенно портретъ Пальчикова и даже спроектировалъ ему павильонъ въ стилѣ швейцарскаго шале. Послѣ обѣда я отправился пѣшкомъ къ Маковскимъ. День былъ очень хорошій, заходящее солнце свѣтило, играя своими лучами на безчисленныхъ куполахъ и крестахъ московскихъ церквей.

Настроеніе духа у меня было уже прекрасное и я шелъ Александровскимъ садомъ, подъ высокой стѣной Кремля, покрывавшей эту сторону своей широкою тѣнью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорожка круто поднимается на холмъ, я бѣгомъ поднялся на его вышку и увидѣлъ чудную панораму на Москву-рѣку и сталъ любоваться ею, напѣвая

какой-то мотивъ изъ «Севильскаго цирульника». Вдругъ, среди блеска чуднаго лѣтняго вечера, у меня потемнѣло въ глазахъ, въ груди моей стѣснилось дыханіе и я схватился за сердце. Внезапно, безъ всякаго повода, вдругъ меня осѣнила мысль объ отцѣ. Это было одно мгновеніе, но оно было какое-то паническое и привело меня въ безотчетный ужасъ. Я невольно перекрестился и тихо пошелъ дальше. У Маковскихъ я засталъ Егора Ивановича дома; онъ ужасно огорчился, выслушавъ извѣстіе, полученное мною изъ Харькова. Пребываніе въ этой теплой, дружеской мнѣ семьѣ, окончательно уже меня успокоило и я, вернувшись домой, съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра, чтобы ѣхать къ моей будущей женѣ и поговорить окончательно со старухой ея матерью о безповоротномъ моемъ рѣшеніи скорѣе скрѣпить узы съ ея дочерью таинствомъ брака. Идя отъ Сухаревой башни, по безконечной Мѣщанской, я опять предался своимъ размышленіямъ объ испытанномъ мною необыкновенномъ переполохѣ, устраняя вѣру во всякаго рода предчувствія. Однако мнѣ почему-то ясно припомнилось то время, когда у насъ въ домѣ разразилось страшное несчастіе. Это было во время болѣзни, а затѣмъ и смерти моей сестры Жени; я припомнилъ ужасное предчувствіе матери, предвѣщавшей близкую кончину бѣдной сестрички. Мама, несмотря на увѣщеванія цѣлаго консиліума докторовъ, оставалась въ полной увѣренности въ неизбѣжной скорой смерти. Мое сердце, пораженное внезапнымъ извѣстіемъ о болѣзни отца, хотя впослѣдствіи какъ будто успокоилось подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, но не могло сразу забыть удара, нанесеннаго ему и нѣтъ-нѣтъ да и возвращалось къ тяжелому моменту пережитаго волненія. Вотъ этимъ я и могъ себѣ объяснить тяжелое состояніе моей души и эти моменты, похожіе на галлюцинацію.

Выѣхавъ за Троицкую заставу, тяжелыя мысли мои какъ-то улеглись и на душѣ сдѣлалось такъ легко и отрадно. Вотъ уже и Останкино, виднѣется его церковь и домъ. Я торопливо расплачиваюсь съ извозчикомъ, вбѣгаю на крылечко и стучусь въ дверь.

— Кто тамъ?—раздался слабый старушечій голосъ Александры Никифоровны,—Соня, это ты?

— Нѣтъ, это я—отвѣтилъ я въ сильномъ волненіи.

— Кто ты?—повторилъ голосъ.

Я назвалъ себя.

— Батюшки, да это Павелъ Петровичъ!.. Ахъ, Боже мой!.. заговорила она, отворяя мнѣ дверь,—вѣдь нашихъ нѣтъ дома, я ожидала Сонечку изъ Москвы, она туда поѣхала съ сестрой Варей и вотъ я думала, что это она вернулась, а это вы!

Я подѣлился съ доброй старушкой своимъ горемъ, а самъ время отъ времени посматривалъ черезъ окно на Московскую дорогу.

— Да что это нашихъ-то дѣвочекъ все нѣтъ?—заговорила старушка,—вѣрно назадъ-то пѣшкомъ пошли!

Вдругъ я увидѣлъ двѣ женскія фигурки, приближавшіяся по этой дорогѣ къ Останкину. Я не вытерпѣлъ, схватилъ шляпу и бросился къ двери, сказавъ, что иду къ нимъ навстрѣчу, и выбѣжалъ на улицу.

— Развѣ нельзя было дождаться здѣсь ихъ прихода,—съ ласковымъ укоромъ погрозила мнѣ пальчикомъ добродушная старушка, когда мы возвратились домой. Я покраснѣлъ и вдругъ, не знаю откуда-то появилась у меня необыкновенная рѣшимость окончательно переговорить обо всемъ съ Александрой Никифоровной.

— Я долженъ переговорить съ вами объ очень серьезномъ дѣлѣ, перебилъ я ее опять и почувствовалъ, что густая краска разлилась по моему лицу. Старушка удивленно посмотрѣла на меня и когда мы остались вдвоемъ въ гостиной, сѣла на кресло и я, вооружившись храбростью, началъ изливать передъ ней мои чувства къ ея дочери и окончательно просилъ согласія на мой бракъ съ нею; я просилъ ее не откладывать надолго нашу свадьбу, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстояли большія работы въ Петербургѣ по реставраціи Эрмитажа, которыя мнѣ были обѣщаны дядей Александромъ Павловичемъ. (Тогда я еще не зналъ о томъ, что эти работы будутъ у него отобраны, и очень разсчитывалъ на нихъ).

— Конечно я согласна, Павелъ Петровичъ, но хорошо ли вы обдумали этотъ шагъ, вѣдь я вамъ и раньше говорила тоже, думая, что все это лишь увлеченіе одно вашей молодой натуры; вѣдь вы знаете, что за Софьей ничего нѣтъ.

— Я это прекрасно зналъ, Александра Никифоровна, и хотѣлъ ждать еще, чтобы окончательно устроить свои дѣла, но сердце мое ждать дольше отказывается, оно заставляетъ меня торопиться. Я ее такъ люблю душою, что добрыя начинанія должны найти поддержку въ собственномъ побужденіи, и авось судьба не захочетъ противодѣйствовать ему. Если же вы пожелаете, то я готовъ ждать и еще.

Въ это время вошла Софья и сразу поняла, о чемъ у насъ шла рѣчь. Она робко подошла къ намъ и Боже! какъ она была мила въ эту минуту. Старушка взяла ея руку и вложила ее въ мою, мы оба преклонились передъ нею и она обняла насъ, съ глазами, полными слезъ счастія. Въ это мгновеніе съ крыльца вышла Катя и увидавъ нашу группу, веселымъ голосомъ воскликнула:

— Вотъ какъ я потрафила! здѣсь, кажется, сговоръ?...

Вошла и Варя. Двѣ сестры обнимали мою милую объявленную уже невѣсту и я ликовалъ отъ счастія. Бываетъ же у человѣка такое безоблачное счастіе, но увы, какъ оно непродолжительно. Зачѣмъ это? За этими отрадными мгновеніями, за этимъ безконечнымъ, казалось, счастіемъ, для меня судьба готовила тяжелый ударъ, поразившій меня, какъ громомъ. Когда я вернулся въ Москву, за обѣдомъ у Миллеровъ, счастливый и веселый, мнѣ подали

письмо съ роковымъ извѣстіемъ о смерти моего дорогого отца. Мы всѣ сидѣли за столомъ и я, не дочитавъ этихъ ужасныхъ строкъ, грохнулся на полъ и потерялъ сознаніе, такъ онѣ меня поразили своимъ ужасомъ и неожиданностью. Дома меня приводили въ чувство и, наконецъ, я пришелъ въ себя. Когда я очнулся и оправился отъ перваго потрясенія я припомнилъ моментъ, когда я шелъ мимо Кремлевской стѣны, во время котораго мнѣ сдѣлалось дурно и я безотчетно вспомнилъ объ отцѣ. По письму было видно, что кончина его какъ разъ совпадала съ этими странными мгновеніями, и я былъ пораженъ этимъ таинственнымъ событіемъ. Съ ужасомъ и сердечною болью принялся я перечитывать письмо, и вотъ что я узналъ изъ этого траурнаго посланія.

Бѣдный отецъ мой, послѣ всѣхъ пароксизмовъ ужасной болѣзни, которую онъ геройски перенесъ, уже начиналъ поправляться, діэта соблюдалась полная и очень скоро онъ началъ уже садиться за общій столъ и силы его съ каждымъ днемъ замѣтно возвращались. Мать постоянно слѣдила за нимъ, чтобы онъ не соблазнился съѣсть чего-нибудь изъ фруктовъ, которые въ изобиліи подавались за графскимъ столомъ. Но, несмотря на этотъ тщательный надзоръ, больной, со свойственнымъ всѣмъ выздоравливающимъ малодушіемъ и капризомъ, украдкою стащилъ съ хрустальной тарелки персикъ и, когда остался одинъ, съѣлъ его. Вслѣдствіе этого безумнаго увлеченія у него сдѣлался параличъ желудка. Спасти его не было уже возможности и несчастнаго старика не стало.

Похоронили его около церкви въ оградѣ, гдѣ находились могилы всего семейства Шиловскихъ, владѣтелей этого богатаго имѣнія. Миръ праху твоему, почтенный старикъ. Ты, кромѣ добра и славы, ничего не оставилъ и нѣтъ человѣка, который бы могъ оскорбить благородную память твою какимъ-нибудь дурнымъ поминаніемъ.

Мы съ Софьей поплакали вмѣстѣ надъ моимъ горемъ. Она хотя и не знала отца моего, но такъ много слышала о немъ, что имѣла понятіе, что это былъ за добрый и простой человѣкъ и искренно скорбѣла, что судьба не судила ей услышать отъ него названіе «своей дочери».

Глупый случай и тутъ себя проявилъ вовсе не чудесно и, скрѣпя сердце, надо было покориться ему, но подобныя потери не проходятъ безслѣдно, они оставляютъ въ душѣ если не озлобленіе, то какую то апатію, отраву, которой нѣтъ противоядія. Все равно, все кончается однимъ—смертью...

Съ этой печальной эпохи моей жизни начинается новая эра моего существованія. Я самъ почувствовалъ, что постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ и уже потерялъ способность увлекаться всякимъ новымъ впечатлѣніемъ и даже искать ихъ. Я началъ собирать ихъ, пріобрѣтать, сохранять пріобрѣтенное, я началъ чувствовать себя

осиротѣвшимъ, но далеко не одинокимъ, для меня была теперь цѣль въ жизни, я былъ связанъ долгомъ и глубоко вѣрилъ, что выполню его добросовѣстно, какъ подобаетъ всякому глубоко порядочному человѣку. Я отдался весь своей работѣ. Работая надъ Рахмановскими заказами и для вечерняго занятія, чтобы отвлечь свои мысли отъ всякаго тяжелаго и грустнаго, навѣяннаго рядомъ послѣднихъ событій, я предпринялъ большой періодическій и послѣдовательный трудъ, а именно, я затѣялъ иллюстрировать одну изъ капитальнѣйшихъ поэмъ моего милаго поэта «Евгеній Онѣгинъ» и вскорѣ эта работа до того увлекла все мое вниманіе, что я, такъ сказать, нравственно поздоровѣлъ и воскресъ. Въ планѣ этого воссозданія картинъ, образовъ и типовъ этого произведенія, близкаго сердцу каждаго русскаго человѣка, представляющаго собою непрерывную панораму русской жизни извѣстной эпохи, я расположилъ крупныя и выдающіяся сцены въ небольшомъ количествѣ по выбору главныхъ сюжетовъ поэмы, которыя должны были быть сдѣланы въ величину всей страницы книги и затѣмъ въ перерывахъ текста нѣсколько менѣе размѣромъ, отдѣльныхъ фигуръ и группъ и остальное въ заголовкахъ и концахъ малыми фрагментами и пейзажами изображающими тотъ или другой видъ, уже написанный ноэтомъ. И какой это оказался благодарный и благодѣтельный для меня трудъ и какъ грустно мнѣ было такъ глупо утратить его. Я его оставилъ у Булгакова и послѣ смерти онъ былъ купленъ съ аукціона. Развѣ это не несчастіе? и не глупый случай?

Въ Останкино я ѣздилъ часто, почти каждый день, и всегда уѣзжалъ оттуда, какъ будто обновленный съ новыми силами и энергіей, и безъ сомнѣнія эта теплота, навѣваемая въ домѣ Ивановыхъ, отразилась и на характерѣ моего труда. Въ каждомъ штрихѣ виднѣлась какая-то нѣжность, отраженіе теплой дружбы и искренной чистой любви невиннаго существа. Друзья мои, жившіе тамъ, тоже встрѣчали и провожали меня своимъ участіемъ, осторожно обращаясь съ еще незажившею раной моего сердца. И вотъ тутъ я оцѣнилъ деликатность женской руки въ дѣлахъ перевязки этой раны. Мнѣ не выражалось участіе въ словахъ, они только еще болѣе рвали бы на части истерзанную душу, а мнѣ оно выражалось во всемъ безусловно, и во взглядѣ, и въ поступкахъ, и въ обращеніи, меня какъ-то охраняли отъ напоминанія о моемъ ужасномъ горѣ— и такъ поступали люди простые, не получившіе большого образованія, но честные и добрые по природѣ.

Николай Ивановичъ Подклюшниковъ усиленно вытиралъ у себя подъ носомъ, сильно покрякивалъ и говорилъ:

— Да, Петръ Ѳедоровичъ могъ бы того еще—пожить...

Но все-таки больше всего врачеванія я находилъ въ своей работѣ. Мой великій поэтъ давалъ мнѣ возможность жить двойною

жизнью, испытывая и радость и горе вмѣстѣ съ героями его прекраснаго романа.

Я какъ будто жилъ въ другомъ мірѣ, забывая свое существованіе, свои интересы и заботы, а потому, вѣроятно, мнѣ такъ многое удалось въ своихъ рисункахъ и я съ такимъ успѣхомъ передалъ на нихъ эти милые образы жизни, полные такой безконечной прелести въ началѣ и такимъ сильнымъ драматизмомъ въ концѣ.

Я находилъ для себя истинное наслажденіе останавливаться на малѣйшихъ подробностяхъ движеній всего сюжета. Нервы мои были сильно разстроены во все это время, на душѣ тяжелымъ камнемъ лежало пережитое горе, и только стоило мнѣ оторваться отъ моей милой работы, какъ чувство отчаянной тоски и грусти наполняло мое существо и я разстраивался при самомъ ничтожномъ поводѣ къ тому. Такъ однажды, утомившись своей работой, я пошелъ бродить по Москвѣ и забрелъ въ какой-то лабиринтъ безконечно поворачивающихъ улицъ и переулковъ и, наконецъ, совершенно случайно вышелъ къ Воспитательному дому. Вдругъ до моего уха долетѣли какъ бы волшебные звуки и я остановился, чутко прислушиваясь къ ихъ божественной мелодіи. Это было такъ внезапно для моей наболѣвшей души, что у меня въ груди сперло дыханіе и слезы вдругъ полились изъ глазъ, и вотъ я, какъ мальчикъ, стоялъ и обливался слезами. Органъ въ киркѣ продолжалъ гремѣть и вдругъ, издавъ нѣсколько громкихъ аккордовъ, умолкъ...

Постоявъ еще нѣсколько минутъ около лютеранской церкви, я пришелъ въ себя, и вдругъ у меня на душѣ сдѣлалось какъ-то легко и я бодро пошелъ дальше. Вотъ въ какомъ состояніи была моя душа въ это время моего пребыванія въ Москвѣ.

Наконецъ я получилъ извѣстіе, что наши должны были черезъ два дня пріѣхать въ Москву и мама просила приготовить все въ домѣ къ ея пріѣзду. Все я выполнилъ до самыхъ малыхъ мелочей, какъ просила она меня, и со стаканомъ кофе сѣлъ у окна въ ожиданіи экипажа. Вдругъ у крыльца нашего дома остановилась громоздкая карета, запряженная парою въ дышло и съ пристяжной съ одного боку. Я выбѣжалъ навстрѣчу и увидѣлъ выходящаго изъ кареты Родзіевскаго и за нимъ Аммона. Бросившись мимо нихъ, я сунулся въ карету и обнялъ свою мать, разрыдавшуюся у меня въ объятіяхъ. Когда она немного успокоилась, я бережно выпесъ ее на рукахъ и поставилъ на тротуаръ, а затѣмъ съ помощью Родзіевскаго и Аммона ввелъ ее въ комнаты и уложилъ въ отцовскомъ кабинетѣ. Сторы были припущены, и въ этой комнатѣ, гдѣ столько лѣтъ неустанно работалъ мой бѣдный отецъ, царилъ какой-то полумракъ и таинственная тягостная тишина. Мама неподвижно лежала на диванѣ, какъ будто погрузившись въ тяжелыя думы о всемъ пережитомъ и невозвратно утраченномъ, и такъ она пролежала до вечера и только благодаря увѣщеваніямъ Варвары Егоровны Миллеръ сог-

ласилась перейти въ спальню. Она такъ была проникнута своимъ горемъ, что совершенно забыла о насъ и лишь къ вечеру вспомнила обо мнѣ и позвала меня къ своей кровати.

Когда я подошелъ къ ея изголовью, она нѣжно посмотрѣла на меня глазами, полными слезъ, и сказала:

— Я не спала, но мнѣ страшно было начать говорить съ тобою объ отцѣ, я такъ еще слаба и горе настолько свѣжо и ужасно, что я не въ силахъ говорить о немъ спокойно. Вотъ если, Богъ дастъ, сонъ подкрѣпитъ меня, тогда я тебѣ все разскажу...

Я поспѣшилъ успокоить ее и отклонить въ эту минуту разговоръ на тему, раздиравшую ея измученное сердце, и подъ мои разсказы о моей жизни въ ихъ отсутствіе она успокоилась и заснула. Въ теченіе пяти дней мама не выходила изъ своей комнаты, не вставая съ кровати. Обстановка нашего дома, ежеминутно напоминавшая покойнаго отца, была тягостна для окружавшихъ и дѣлала наше горе еще болѣе ужаснымъ при сознаніи, что ужъ его не воротишь, такъ какъ положительно невозможно было предаться забвенію, все безусловно черезъ чуръ рельефно напоминало разразившуюся катастрофу и мы рѣшили совершенно измѣнить обстановку.

Предложено было, что я поѣду въ Петербургъ и, устроивъ тамъ свои дѣла, вернусь обратно и тогда займусь устрйствомъ нашихъ семейныхъ дѣлъ. О сватовствѣ своемъ я говорить своимъ еще не рѣшался и попрежнему часто бывалъ въ Останкинѣ, гдѣ находилъ миръ и успокоеніе для моей пострадавшей души. Посѣтилъ я и Шаповалова, который жилъ гдѣ-то у Зубовскаго бульвара; онъ-таки съумѣлъ у меня выманить моего Пушкина и утѣшалъ себя тѣмъ, что этотъ прекрасный портретъ попалъ въ дѣйствительно хорошія руки. У Шаповалова я нашелъ довольно богатую коллекцію картинъ и въ особенности мнѣ понравились двѣ баталіи Бургиніона и еще женская головка фламандской школы. На уступку Пушкина я согласился только подъ вліяніемъ озабоченности своими домашними дѣлами и впослѣдствіи попялъ, что сдѣлалъ большой промахъ но въ это ужасное время мнѣ было простительно сдѣлать его. Много я потомъ тужилъ объ этой утратѣ, но «что съ возу упало, то пропало».

Всѣ Маковскіе часто навѣщали насъ и поистинѣ явились намъ друзьями въ это скорбное время. Когда графиня Орлова-Денисова возвратилась въ Москву, она также побывала съ визитомъ у моей матери съ выраженіемъ своего соболѣзнованія ея горю. Пріѣзжалъ и Пальчиковъ съ братомъ, и много-много другихъ, знавшихъ и уважавшихъ отца; всѣ одинаково благословляли память покойнаго и отрадно было видѣть, какъ человѣкъ этотъ сумѣлъ завоевать себѣ сердца его окружавшихъ и въ то же время покрыть себя славой знаменитаго художника—многимъ ли это удалось изъ геніальныхъ людей міра сего?

Приближалось время моего отъѣзда въ Петербургъ и я уже совершенно собрался съ самыми благими намѣреніями свить себѣ гнѣздышко въ нашей сѣверной столицѣ, какъ вдругъ со мной произошелъ курьезный эпизодъ, какого я и во снѣ не предполагалъ увидѣть. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, черезъ Петровскаго я познакомился съ однимъ музыкантомъ—піанистомъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Лангеромъ. Это былъ обрусѣвшій австріецъ, жившій недалеко отъ Рождественскаго бульвара вмѣстѣ съ похищенной имъ соломенной вдовушкой. На видъ онъ былъ довольно грузный мужчина съ длинными бѣлобрысыми волосами à la List, съ большимъ, точно вырѣзаннымъ изъ дерева носомъ, на которомъ лежали золотые очки, прикрывавшіе своими темными стеклами его быстро мигающіе пытливые глазки. Большой ротъ и безцвѣтныя губы при красновато-буромъ цвѣтѣ лица довершали его непривлекательную наружность. Руки его были удивительной бѣлизны, но съ толстыми округленными на концахъ пальцами, очень напоминавшими собою барабанныя палки, и надо было удивляться, какъ онъ только могъ такъ прекрасно играть этими неуклюжими руками. Когда онъ не игралъ, а разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь то постоянно расправлялъ пальцы правой руки на своей же колѣнкѣ, отгибая ихъ чуть не на другую сторону ладони. Это былъ истинный спеціалистъ своей профессіи, только и думавшій о томъ, чтобы совершенствовать свое искусство. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, но я его считалъ попросту прекраснымъ мастеромъ своего дѣла, но никакъ не поэтомъ-артистомъ. Его сожительница, Елизавета Никитишна, была уже не молодая, но очень молодящаяся псковитянка съ черными густыми волосами и блѣдно-матовымъ цвѣтомъ лица, и по характеру своему и по наружности представляла собою полный контрастъ Лангеру. Она была когда-то очень хороша собою и теперь слѣды этой еще не совсѣмъ утраченной красоты были еще очень замѣтны. Смотря на эту пару, невольно думалось, какъ это люди сходятся, не имѣя положительно ничего общаго ни въ чемъ. Оригинальнѣе всего, что эта уже не молодая женщина была страшно довѣрчива къ своему другу и имѣя небольшое, но все же кругленькое состояньице при ихъ положеніи; отдала всѣ деньги ему и этотъ Лангеръ носилъ ихъ на своей груди зашитыми въ ладонку и никогда съ нею не разставался. Вотъ у этого-то музыканта я и сталъ бывать часто съ Петровскимъ и съ удовольствіемъ слушалъ его игру, хотя и не богатую по чувству, но поразительную въ техническомъ ея исполненіи и выборѣ пьесъ. Это немного развлекало меня и давало возможность съ болѣе спокойными нервами продолжать мои работы по иллюстрировкѣ «Евгенія Онѣгина».

Сидя у этого Лангера и слушая его игру, я часто бесѣдовалъ съ Елизаветой Ильинишной, не подозрѣвая совершенно, что эта барынька смотрѣла на меня совсѣмъ не тѣми глазами, какими обык-

новенно смотрятъ простые знакомые, а я-то, не подозрѣвая ничего, даже согласился взять у нихъ въ наемъ комнату и такимъ образомъ сдѣлался ея жильцомъ, и мой братъ Александръ, дѣлавшій большіе успѣхи въ музыкѣ, сталъ заниматься съ Лангеромъ и совершенствовать свои познанія на этомъ поприщѣ. Въ Останкинѣ я сталъ бывать рѣже, потому что работа, которую я спѣшилъ окончить, сильно тормазилась отъ этого и я большую часть времени проводилъ дома, коротая свободное время въ обществѣ моего піаниста и его дамы. Тутъ-то и началась комедія, окончившаяся довольно сильной драматической сценой. Я и не замѣчалъ, да и не думалъ объ этомъ, а между тѣмъ эта отживающая свой бабій вѣкъ женщина по уши влюбилась въ меня и перестала даже скрывать этотъ избытокъ ко мнѣ своихъ нѣжныхъ чувствъ... Несчастный піанистъ не на шутку испугался проявленіемъ такой нѣжности въ обращеніи ко мнѣ своей эксъ-супруги и серьезно приревновалъ ее ко мнѣ. Однажды онъ съ блѣдной физіономіей вошелъ въ мою комнату и, подбѣжавъ ко мнѣ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ прохрипѣлъ:

— Честный ли вы человѣкъ, Павелъ Петровичъ?

Лицо его было блѣдно, а носъ казался еще болѣе деревяннымъ. Я остолбенѣлъ отъ этого вопроса, и вскочивъ, схватилъ его за руки съ намѣреніемъ грохнуть его объ полъ. Въ это время вбѣжала и сама виновница этой сцены, вцѣпилась въ него, стала его ругать самыми отборными словами и увлекла вонъ изъ комнаты. Долго продолжалась у нихъ война и долго раздавались крѣпкія выраженьица разсвирѣпѣвшей барыньки.

Я поскорѣе собралъ свои вещи и поспѣшилъ перемѣнить квартиру. Хорошо бы мнѣ было жениху, если бы изъ этой глупѣйшей исторіи разыгрался вдругъ крупный скандалъ.

П. П. Соколовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА [1].

XX.

Въ Петербургѣ.—Графъ Павелъ Бобринскій.—Выставка картинъ въ академіи: «Святое семейство», «Дмитрій Самозванецъ»,—Пятницы въ Художественномъ клубѣ.—Зарожденіе декадентства въ живописи.—Въ Эрмитажѣ.—Крымская кампанія.—Отъѣздъ въ Москву.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ графа Соллогуба я не засталъ; онъ еще не возвратился изъ Дерпта, гдѣ графиня проводила лѣто; мнѣ было очень досадно, что я былъ лишенъ, благодаря этому, общества людей, искренне ко мнѣ расположенныхъ. Видѣлся я съ графомъ Александромъ Павловичемъ Бобринскимъ и его братомъ Павломъ, который нисколько не походилъ на него ни лицомъ, ни характеромъ, ни даже способностями. Это былъ человѣкъ ограниченный, некрасивый, съ очень крупнымъ носомъ. Онъ потомъ женился въ Москвѣ на очень богатой купчихѣ. Удивительная свадьба! Вѣдь не могъ же онъ польститься на ея капиталъ, когда былъ самъ очень богатъ, увлечься ею также было трудно, такъ какъ она была даже дурна собою. Какъ это произошло при тогдашнемъ взглядѣ аристократовъ на свадьбы подобнаго рода,—просто непостижимо.

Между тѣмъ въ Петербургѣ ожидалось въ этомъ году много интересныхъ событій. Оканчивалась постройка Николаевской желѣзной дороги, да и Николаевскій мостъ быстро подвигался своею надводною кладкой. Въ особенности первому обстоятельству я

[1] Окончаніе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXXII, стр. 478.

былъ очень доволенъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги больше не придется мучиться въ мальпостной каретк̀ѣ, а вѣдь мнѣ предстояло еще это удовольствіе. Петербургъ находился въ лихорадочномъ ожиданіи этихъ открытій, и многіе даже откладывали свои поѣздки въ Москву до этого момента.

Мраморный дворецъ тоже былъ обновкой, хотя по реставраціи изъ дѣдушкина наслѣдства. Еще была произведена закладка двухъ дворцовъ, для великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, а также предстояли большія передѣлки въ Зимнемъ дворцѣ и его эрмитажномъ отдѣленіи. Я уже говорилъ раньше о томъ, что эти работы были отданы моему дядѣ Александру Павловичу Брюллову, а затѣмъ отобраны отъ него послѣ обнаружившихся растратъ по Мраморному дворцу; но это случилось гораздо позднѣе. Теперь же дядюшка былъ еще на высотѣ своего генеральскаго величія и однажды, посѣтивъ Мраморный дворецъ, просилъ меня зайти къ нему на другое утро. Засталъ я дядю въ кабинетѣ, и онъ, выражая одобреніе моимъ работамъ, сообщилъ о своемъ намѣреніи передать мнѣ работы и въ Зимнемъ дворцѣ.

«Недурно пошли мои дѣла,—подумалъ я:—надо набивать себѣ деньгу!» и, поощренный этой мыслью, занялся усиленно окончаніемъ своей картины. Надо было въ то время подумывать объ устройствѣ себѣ помѣщенія, такъ какъ во дворцѣ оставаться уже приходилось недолго.

Между тѣмъ въ академіи опять начались сборы на выставку, и я сожалѣлъ, что у меня ничего не было готоваго для нея, кромѣ картины «Моцартъ и Сальери», еще не оконченной и стоявшей у меня въ станкѣ. Вдругъ въ моей головѣ родилась мысль, что я могу получить заказъ для внутренней отдѣлки храма Спасителя въ Москвѣ, и потому я рѣшилъ написать какую-нибудь картину въ церковномъ стилѣ, которая могла бы служить образцомъ того, что я могу сдѣлать въ живописи этого рода. Долго я думалъ надъ выборомъ сюжета и наконецъ остановился на одномъ, а именно: «Святое семейство въ Виѳлеемѣ». Я набросалъ эскизъ, и въ моей композиціи, столько разъ дѣланной многими живописцами разныхъ школъ, было новаго то, что въ группѣ Богоматери съ Младенцемъ не ея голова доминировала и короновала группу, а голова самого младенца Христа, такъ какъ Онъ у меня былъ изображенъ въ ясляхъ стоя, поддерживаемый руками Божіей Матери и глядѣлъ прямо впередъ изъ картины, обхвативъ своими ручками ея голову, образуя на ней какъ бы вѣнецъ. Свѣтъ всей картины разливался отъ головы Божественнаго Младенца на ясли и склонившагося надъ ними старика Іосифа. Композиція эта меня удовлетворила, и я началъ картонъ углемъ въ настоящую величину. Послѣ загрунтовки, вся картина была посыпана мелкимъ блестящимъ пескомъ, а потому она имѣла въ своихъ краскахъ какой-то особенный эффектъ,

какъ бы прозрачной, отъ чего она необыкновенно выигрывала и обращала на себя вниманіе[1]). Такъ какъ эта картина имѣла спеціальное назначеніе, то я не особенно озабочивался поспѣшить съ нею къ выставкѣ, къ которой мнѣ ужасно хотѣлось что-нибудь да подготовить, и я занялся опять выработкою сюжета. Въ виду того, что душа моя постоянно лежала къ творческимъ мыслямъ моего милаго поэта, то я началъ пересматривать сцены и сюжеты изъ его поэмъ и наконецъ остановился на «Борисѣ Годуновѣ», взявъ то мѣсто, когда лѣтописецъ Пименъ пишетъ свои сказанія, а Самозванецъ, лежавшій у стѣны на соломѣ, вдругъ просыпается. Тогда еще мною не былъ оконченъ портретъ князя Кочубея, и я очень сожалѣлъ объ этомъ, онъ, несомнѣнно, годился бы для выставки. Нарисовавъ еще двѣ женскія головки въ панданъ, я до начала новыхъ, задуманныхъ мною сюжетовъ, закончилъ сцену изъ «Моцарта и Сальери».

Выставка удалась какъ нельзя лучше, много талантливыхъ произведеній было представлено Петербургу академіей, и большинство изъ нихъ, все свои русскія, были дѣйствительно выдающимися. Время было тяжелое. Крымская кампанія была въ разгарѣ, и съ театра военныхъ дѣйствій приходили тяжелыя вѣсти. Началъ выходить «Художественный листокъ» Тимма, брата несчастной жертвы— жены дяди Карла Павловича. Новая опера «Русланъ и Людмила» Глинки давалась съ большимъ успѣхомъ, вопреки сомнѣніямъ, выраженнымъ раньше мнѣ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ. Наконецъ пріѣхали изъ Дерпта Соллогубы, и я часто сталъ бывать у нихъ. Праздники я встрѣтилъ скучно, отпускъ было взять невозможно и въ Москву предстояло попасть не раньше весны, и я убивалъ свое время, работая безъ отдыха съ утра до вечера.

Однажды ко мнѣ зашелъ Барбе и, удивившись моему грустному настроенію духа, сказалъ:

— Послушайте, Павелъ Петровичъ, я просто не понимаю, отчего вы не бываете на пятницахъ?—тамъ теперь превесело бываетъ, повѣрьте, что вы тамъ разсѣете вашу скуку; ужъ во всякомъ случаѣ на этихъ вечерахъ оживленія гораздо больше, чѣмъ въ другихъ собраніяхъ Петербурга. Во-первыхъ, вамъ анекдотовъ наскажутъ съ три короба и фокусы покажутъ, въ особенности по этой части проявляетъ теперь себя артиллерійскій офицеръ Бергъ, удивительный фокусникъ. Тутъ же вы можете и рисовать, для чего вамъ предоставлены всѣ удобства.

— Ну, нѣтъ,—сказалъ я:—ужъ во всякомъ случаѣ, если итти туда, то не рисовать; занятія подобнаго рода подъ шумъ вовсе не по моему характеру. Ну, подумайте сами, что можно путнаго сдѣлать подъ этакій барабанный бой? Мнѣ подобнаго рода занятія напоми-

[1]) За эту картину П. П. Соколовъ получилъ званіе академика.

наютъ обученіе полковой музыкѣ въ казармахъ, и я нерѣдко удивлялся, какъ это люди могутъ, занимаясь въ подобной обстановкѣ, сдѣлать что-либо, не говоря уже художественное, а попросту даже что-нибудь.

Несмотря, однако, на свои предубѣжденія противъ этихъ художественныхъ пятницъ, я пошелъ туда съ Барбе и засталъ тамъ сбродъ многочисленнаго и разнороднаго элемента. Тутъ были и военные, и статскіе, и литераторы, и художники, и актеры, и люди, не принадлежавшіе ни къ одному изъ разрядовъ служителей искусства и науки, а попросту такъ-таки убивающіе свое время за обильнымъ его избыткомъ. Словомъ, я очутился въ какомъ-то столпотвореніи вавилонскомъ, или просто въ самомъ центрѣ крыловскаго хора: кто въ лѣсъ, кто по дрова. Болѣе всего говорили о Юмѣспиритѣ, который тогда былъ въ самомъ зенитѣ своей моды и славы и манію котораго можно было бы назвать увеселительной, если бы въ ней не было такъ много страшнаго, что, впрочемъ, очень любятъ наши дамы и люди, обладающіе пылкимъ воображеніемъ. Что же касалось нашего спеціальпо-художественнаго элемента, то онъ привелъ меня въ какое-то уныніе. Я заглянулъ на столы, за которыми занимались этой профанаціей искусства, и страдалъ при видѣ, какъ эти молодцы, безъ всякой жалости, какъ истые башибузуки, разводили краску, которую хватали по тому же вдохновенію, какъ и гоголевскій поваръ спьяна хваталъ, что ему попадалось подъ руку: соль—такъ соль, перецъ,—такъ перецъ и т. д.

Наливали эти господа на свои такъ называемыя картины цѣлыя лужи очень сомнительнаго колорита, и терпѣливая бумага безропотно и какъ будто ежась выносила все это. И кого могли прельстить эти не только бездарныя, но и безобразныя, рѣжущія глазъ даже профана произведенія. Эти господа не рисовали по вдохновенію или изъ любви къ живописи, нѣтъ, они попросту отдавали долгъ уставу этого художественнаго клуба, вымазывая рисунокъ, только бы его съ глазъ долой, и затѣмъ пускали его въ продажу въ пользу этого же клуба, или разыгрывали въ лотерею. Но что это были за рисунки? Просто даже волосъ дыбомъ встаетъ при воспоминаніяхъ о нихъ.

Конечно, выигравшій подобный рисунокъ не имѣлъ права претендовать на какое-либо достоинство и стоимость подобнаго произведенія, но пользоваться этимъ по меньшей мѣрѣ было безсовѣстно.

Послѣ окончанія такъ называемой художественной половины вечера слѣдовала ѣда, сопровождаемая цѣлымъ неистощимымъ запасомъ сальныхъ анекдотовъ—«кто кого перепоганитъ». Мнѣ такъ стало противно за столомъ, что я мысленно сказалъ себѣ: «отойди отъ зла и сотвори себѣ благо», всталъ и уѣхалъ. Вотъ тутъ-то припомнились мнѣ вечера у графа Ѳедора Петровича Толстого или у Владимира Александровича Соллогуба, и я постигъ всю неизмѣри-

мую разницу въ нравственномъ уровнѣ между тогдашними и теперешними обществами, такъ рѣзко замѣтную на продолженіи какого-нибудь десятка лѣтъ. Положимъ, тамъ, какъ и здѣсь, люди стремились къ одному и тому же: провести пріятно время, но въ томъ-то и разница, что тогда въ этихъ симпатичныхъ салонахъ цѣль эта достигалась, а тутъ въ этомъ художественномъ клубѣ было одно убійство его, и вотъ здѣсь я подмѣтилъ нарождавшееся, теперь почти царствующее, декадентство. Въ рисункахъ это декадентство выражается до наивности прямолинейно. Разведутъ лужу помокрѣе, обведутъ его собственнаго измышленія грубымъ контуромъ, и вотъ вамъ картина; что называется, и дешево и сердито. Да если это сколько-нибудь похоже на трафаретныя безобразія средневѣковаго примитивнаго искусства святой старины, то они готовы были возвести эти обведенныя лужи въ перлъ искусства. Унынie и позоръ!

Чтобы сколько-нибудь сгладить тяжелое впечатлѣніе, навѣянное этимъ милымъ клубомъ художниковъ, я пошелъ въ Эрмитажъ. Тамъ были сдѣланы кое-какія перестановки въ залахъ французской и нѣмецкой школы, и это заинтересовало меня. Итальянская же, фламандская и испанская оставались не тронутыми, и онѣ, собственно, и представляли собою самый громадный вкладъ въ это по истинѣ роскошное собраніе произведеній генія и труда. Я узнавалъ своихъ истинныхъ учителей и, возвращаясь къ нимъ, утверждалъ себя въ принципахъ, которые они помогли мнѣ усвоить и въ которыхъ я находилъ силу творить что-нибудь самому, въ какомъ бы то ни было микроскопическомъ видѣ, въ сравненіи съ этими гигантами творчества. Конечно, вкусы и формы той или другой эпохи, покоряясь вѣянію и настроенію жизненныхъ вопросовъ, измѣняются, но чувство прекраснаго не перестаетъ царствовать и покорять себѣ ихъ, какъ бы они не измѣнились. Типъ иначе не можетъ создаться, какъ отраженіемъ той эпохи, въ которую онъ жилъ, и потому художникъ, желающій оставаться самостоятельнымъ, долженъ искать матерьяла для своей работы въ тѣхъ сферахъ и элементахъ, которые его самого окружали, не повторяя старыхъ покроевъ и шаблоновъ подъ чувствомъ увлеченія ихъ изяществомъ. Онъ долженъ только выработать въ себѣ эту вѣрность чувства воспріимчивости изящнаго, которое должно подсказывать ему, что онъ долженъ дѣлать.

Между тѣмъ на горизонтѣ нашего политическаго міра черная туча все разрасталась и разрасталась, съ театра военныхъ дѣйствій извѣстія до такой степени были тревожны, что весь Петербургъ былъ объятъ какимъ-то туманомъ грусти и унынія. Всѣ сочувствовали государю, удрученному великими заботами и безпрерывно раздражавшемуся непредвидѣнными неудачами. Недовольный и озабоченный, онъ рѣдко показывался на улицахъ, въ

тревожномъ ожиданіи печальной развязки, а тамъ, на севастопольскихъ бастіонахъ, умирали герои за свое родное отечество, грудью защищая его отъ пашествія многочисленной союзной арміи. Петербургъ пріунылъ, ни вечеровъ, ни театровъ уже не было, сѣверная столица какъ бы одѣлась въ трауръ въ ожиданіи кончины своего измученнаго дитяти, умирающаго подъ ударами непріятельскихъ бомбъ, и съ трепетомъ внимала каждой черной вѣсти, ежедневно привозимой оттуда фельдъегерями.

Весна наступила ранняя, какъ будто сама природа сжалилась надъ моимъ одиночествомъ; я отложилъ до осени наемъ своей квартиры и, лишь только получилъ отпускъ въ институтѣ, покатилъ опять въ Москву.

XXI.

Приготовленія къ свадьбѣ.—Я женатъ.—Разсужденіе о бракѣ.—Первые суружескіе дни.—Отъѣздъ.—Пріѣздъ жены въ Петербургъ.—Завтракъ у великой княгини Александры Іосифовны.—Опера «Гугеноты».—Маріо и Гризи.—Неожиданный арапъ.—Генералъ Ковалевскій.

Матушку засталъ я уже вполнѣ успокоенною и примирившеюся со своей утратой, а потому нашелъ умѣстнымъ теперь сообщить ей о своемъ сватовствѣ, что она, повидимому, приняла съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но не безъ удовольствія. Обнявъ меня и пожелавъ, чтобы выборъ мой былъ счастливый, она захотѣла немедленно познакомиться съ моей невѣстой. На другой же день я отправился въ Останкино. Засталъ я по обыкновенію всѣхъ дома; старушка заволновалась, когда узнала, что я пріѣхалъ за ея дочерью, стала крестить ее и напутствовать своими благословеніями, пожеланіями и совѣтами. Софья также очень была встревожена, она быстро одѣлась, и мы поѣхали. Матушка приняла ее съ такою ласкою и доброжелательностью, что бѣдная дѣвушка, такъ сильно волновавшаяся во время своей дороги, успокоилась, цѣловала ея руки, обѣщая заслужить ея любовь и уваженіе. Я нарочно не присутствовалъ во время этого разговора и ушелъ въ комнату брата Александра, который взялъ на себя трудъ похлопотать о наймѣ для всѣхъ насъ дачи въ Останкинѣ и съ успѣхомъ выполнилъ эту задачу. Владимиръ Аммонъ часто заходилъ къ намъ и привелъ своего брата. Подклюшниковъ попрежнему приходилъ посидѣть, потиралъ свой носъ, постоянно собираясь что-то говорить, и ограничиваясь всегда своимъ: «Ну да, ну да, вотъ и прекрасно», и схвативъ свой картузъ, исчезалъ такъ же скоро, какъ и появлялся, всегда нагруженный своими рабочими матерьялами и снастями. Миллеры заѣзжали рѣдко такъ какъ Александръ Степановичъ былъ сильно занятъ опять новыми передѣлками въ домѣ толстяка Рахманова, для котораго я продолжалъ дѣлать четвертую группу полета и еле-еле могъ удѣлить этой работѣ время.

Пріѣзжала къ намъ и Любовь Корниловна Маковская, несмотря на то, что ей для этого приходилось совершать огромную поѣздку. Лѣто того года было хорошее, не жаркое и сухое, но зато весна, по случаю слишкомъ ранняго тепла, вышла неудачною въ томъ отношеніи, что на деревья, въ особенности на фруктовыя, напалъ червь, и паутина такъ густо покрывала молодую листву, что она была просто неузнаваема, цвѣтъ былъ весь уничтоженъ, и листья и вѣточки походили на какія-то очень тонкія кружева. Зато грибовъ было много, и я нашелъ большой бѣлый грибъ на самой дорожкѣ, на которой впервые увидѣлъ свою теперешнюю невѣсту. Въ обращеніи нашемъ съ нею уже явилась милая короткость, предвѣстница болѣе тѣснаго сближенія въ недалекомъ будущемъ. Годъ кончины моего отца истекалъ, и мы начали чаще и чаще заговаривать о свадьбѣ. Моя мама познакомилась со старушкой Ивановой, и онѣ, повидимому, остались довольны другъ другомъ, сойтись же особенно близко не могли, ужъ очень большая разница была между ними и въ лѣтахъ, и въ степени умственнаго развитія. Моя мать, отпрыскъ талантливаго рода Брюлло, жена геніальнаго художника, всю жизнь вращавшаяся между свѣтилами науки и искусства, развитая, начитанная, умная, конечно, не могла найти себѣ подруги въ лицѣ забитой жизнью и горемъ скромной заурядной старушки, продукта захудалаго дворянскаго рода 20-хъ годовъ. Однако это имъ не помѣшало дружно приняться за совмѣстныя хлопоты по устройству дальнѣйшей нашей судьбы. Намъ была нанята маленькая дачка въ три комнатки, и очень мило устроена ея обстановка; но какихъ бы чудесъ онѣ тамъ ни надѣлали, мы едва ли бы замѣтили, такъ какъ сами собою наполняли все и вся, и трудно было бы намъ не угодить. Свадьбу было рѣшено сыграть самую скромную, я даже хотѣлъ пѣшкомъ итти со своею невѣстою въ церковь, до которой было всего нѣсколько шаговъ, но мать моя возстала противъ такой, будто бы утрированной, простоты и непремѣнно потребовала нанять карету для невѣсты въ церковь, я долженъ былъ прійти потомъ, какъ того требовали традиціонные обычаи и этикетъ. Въ этотъ торжественный день я былъ даже лишенъ возможности видѣться со своей нареченной, что просто возмущало меня. Ахъ, ужъ эти обрядности и церемоніалы, страшный я врагъ ихъ. Вѣдь совершались же браки просто увозомъ и оставались не менѣе того законными.

По правдѣ говоря, я расположенъ болѣе къ послѣднему образу брака и вижу въ немъ гораздо болѣе искренности и прямоты дѣйствій, тогда какъ первый, т. е. принятый и узаконенный, представляется какимъ-то насиліемъ, полнымъ недовѣрія къ честности обѣихъ сторонъ или по крайней мѣрѣ къ одной. Колодки, которыми думаютъ какъ будто бы связать на всю жизнь ненарушимымъ обязательствомъ, какъ будто могутъ заковать чувство искреннее,

настоящее, если оно только есть или было. И при этомъ еще приводятся свидѣтели для вѣрности закрѣпленія контракта. Вотъ тутъ-то и чувствуется что-то обидное для обѣихъ сторонъ. Не оттого ли бываетъ столько несчастныхъ браковъ?

Мой медовый мѣсяцъ прошелъ въ какомъ-то безсознательномъ туманѣ и не оставилъ по себѣ воспоминаній, это былъ волшебный сонъ, который уже не приснится во второй разъ, какъ бы ни жаждала душа его увидѣть снова. Я нѣжно оберегалъ свою молодую жену, видя въ каждой пылинкѣ, въ каждомъ взглядѣ кого-либо другого грозившую для нея, непонятную мнѣ, опасность.

Въ самой природѣ мы встрѣчаемъ какую-то таинственность въ этомъ отношеніи, и вотъ мнѣ припоминается одинъ эпизодъ, случившійся со мною на прогулкѣ въ окрестностяхъ одной фермы, гдѣ я залюбовался ухаживаньями одного красиваго, молодого бычка за излюбленной имъ коровой. Я слѣдилъ за нимъ, мысленно запоминая его красивыя линіи, какъ вдругъ бычокъ замѣтилъ мои наблюденія. Это не понравилось ему, и онъ, повидимому, испугавшись за безопасность своей подруги, вдругъ склонилъ свои высокіе рога и бросился бѣжать на меня. Къ моему великому благополучію, за мною стоялъ довольно высокій заборъ, и я въ одно мгновеніе съ ловкостью матадора перемахнулъ черезъ него, а разсвирѣпѣвшій бычокъ ткнулся въ деревянныя его перекладины и, повернувъ обратно, продолжалъ свои ухаживанія съ необыкновенной граціей, достойной кисти талантливаго художника.

Однако время моихъ каникулъ приближалось къ концу, и мнѣ опять предстояла разлука съ моимъ милымъ, молодымъ другомъ— женою.

Я понялъ всю вѣрность принятаго выраженія о супругахъ: «дражайшая половина», и мое сердце должно было разорваться пополамъ... Но нечего было дѣлать, и мнѣ и ей приходилось покориться, я ѣхалъ въ Петербургъ устраивать нашу квартиру, и она должна была пріѣхать туда по первому моему вызову. Какъ ни тяжело было разставаться, а все же пришлось покориться судьбѣ, и я уѣхалъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ удалось найти довольно приличное помѣщеніе для всѣхъ насъ, т. е. для меня съ женою, для матушки и брата Александра, пожелавшаго жить вмѣстѣ съ нами. Квартирка эта находилась на берегу рѣчки Мойки, близъ Круглаго рынка и Конюшеннаго моста, въ домѣ Китнера, извѣстнаго въ то время ламповщика, очень богатаго человѣка, имѣвшаго въ Петербургѣ нѣсколько такихъ домовъ. Квартирка моя была по парадной лѣстницѣ, въ четвертомъ этажѣ, въ пять комнатъ, и вотъ я приступилъ къ благоустройству своего домашняго очага и, когда все было на своихъ мѣстахъ, я сталъ нетерпѣливо ждать свою хозяйку. Она должна была пріѣхать раньше и одна, и вотъ наконецъ

получилось извѣстіе, что она выѣхала въ мальпостной каретк̀ѣ, и я сталъ съ математической точностью разсчитывать часы и минуты ея появленія у подъѣзда почтоваго дома. Но Боже! что я перенесъ за тѣ два часа ожиданія, на которые мальпостная каретка изволила, какъ на зло, опоздать на этотъ разъ. Я терялъ терпѣніе и нервно ходилъ по комнатѣ, присматриваясь къ воротамъ почтоваго дома; но нѣтъ, въ него въѣзжали какіе-то фургоны, фуры, запряженныя въ четверку лошадей, но каретки все не появлялось. Вдругъ въ воротахъ показалась такъ долго ожидаемая каретка, и въ окнѣ мелькнуло милое личико моей Сонички; она сейчасъ же узнала меня, и какъ бы я желалъ обладать талантомъ Греза, чтобы воссоздать эту чудную головку съ тѣмъ выраженіемъ, какимъ она была озарена въ рамѣ окна кареты, какъ картинка. Я бѣжалъ за каретой, пока она не остановилась, съ лихорадочною быстротою отворилъ дверь...

Около моего подъѣзда я немного задержался съ расчетомъ извозчиковъ, и въ это время Соничка поднялась уже по лѣстницѣ, я догналъ ее уже во второмъ этажѣ, а она обернулась ко мнѣ и со своей нѣжной улыбкой спрашивала: «Куда?» Но вотъ мы и дома, вотъ она уже сбросила свой дорожный нарядъ и застѣнчиво входитъ въ роль хозяйки. Вся она горитъ отъ счастія, а я, я-то! обо мнѣ и говорить нечего...

Такъ незамѣтно летѣли для насъ дни, недѣли и мѣсяцы. Я аккуратно посѣщалъ институтъ и пока никому изъ родныхъ и знакомыхъ не сообщалъ о пріѣздѣ моей жены, и мы спокойно уединились въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ. Между тѣмъ великая княгиня Александра Іосифовна удостоила меня приглашеніемъ къ завтраку въ Мраморный дворецъ, устроенному по случаю его окончанія. Завтракъ былъ роскошно сервированъ съ царскою пышностью. Великій князь и великая княгиня очень внимательно относились ко всѣмъ приглашеннымъ, въ числѣ которыхъ были и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ работахъ по реставраціи. Мой дядя Александръ Павловичъ Брюлловъ былъ героемъ дня, и ему было оказано особое вниманіе, но все же мои мысли были дома, и пышный великокняжескій обѣдъ не имѣлъ для меня той прелести, какую представлялъ собою мой скромный въ два блюда обѣдецъ, состряпанный подъ наблюденіемъ дорогой моей жены. Вскорѣ послѣ этого въ одно утро у насъ въ передней раздался звонокъ, и мнѣ служанка доложила, что какой-то маленькій кучеръ пришелъ ко мнѣ съ корзинкой. Я вышелъ и увидѣлъ молодого парня, одѣтаго въ кучерской костюмъ. Онъ объявилъ мнѣ, что его прислали изъ Зимняго дворца и что онъ можетъ мнѣ продать нѣсколько бутылокъ прекраснаго вина. Это меня удивило, но парень безъ всякаго стѣсненія разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ добывается это вино прислугой во время царскихъ обѣдовъ и продается на сторону.

Обыкновенно нераскупоренныя бутылки ловко снимаются со стола расторопными лакеями и въ карманахъ парадныхъ кафтановъ выносятся изъ буфетовъ въ какой-либо укромный уголокъ, а затѣмъ и къ себѣ на квартиры, и много-много дорогихъ винъ попадаетъ такимъ образомъ въ руки дворцовой прислуги. Я, конечно, не счелъ нужнымъ отказываться отъ такой прекрасной покупки и купилъ всѣ бывшія при немъ 12 бутылокъ. Но какое же это было вино!—по истинѣ царское. Парень обѣщалъ мнѣ принести черезъ нѣсколько дней еще такую же порцію вина, и я вторично купилъ у него все, что было, но вскорѣ мнѣ пришлось убѣдиться, на этотъ разъ, въ роковой ошибкѣ—я былъ обманутъ. Ловкій мошенникъ подсунулъ мнѣ какую-то ужасную кислятину самаго низкаго сорта и этимъ разъ навсегда отучилъ меня покупать вина изъ подобнаго погреба.

Наконецъ было получено извѣстіе изъ Москвы, что maman окончила свои дѣла и выѣзжаетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ Александромъ. По пріѣздѣ своемъ мама и братъ были очень довольны квартирою, и наша жизнь вошла въ свою обычную колею, но съ этихъ поръ у насъ начались визиты, пріемы гостей, и закипѣла та шумная, свѣтская жизнь, которой мы съ Соней такъ ужасно боялись. Мы начали ѣздить въ театры и чаще въ Александринскій, гдѣ съ восхищеніемъ упивались игрою безсмертнаго Мартынова. Въ оперѣ бывали рѣдко, это удовольствіе для насъ было слишкомъ дорого, но я одинъ, еще по старому академическому обычаю, посѣщалъ верхи, гдѣ, бывало, изображалъ собою каріатиду, поддерживающую потолокъ, и только такимъ образомъ мнѣ удавалось что-нибудь увидѣть, находясь въ полувисячемъ положеніи, захлебываясь отъ восторга и млѣя отъ наслажденія. Такимъ образомъ я слышалъ «Гугенотовъ» Мейербера, о которыхъ еще до ихъ постановки на нашемъ театрѣ дошли восторженные слухи изъ Парижа. Дѣйствительно, восторгъ, возбуждавшійся этою оперою, былъ какой-то особенно обаятельный. Сами итальянцы тогда говорили, что ни на одномъ оперномъ театрѣ всей Европы не было такого счастливаго соединенія всѣхъ силъ для роскошной постановки и такихъ отдѣльныхъ голосовъ для главныхъ ролей, съ Маріо и Гризи во главѣ, какъ у насъ на сценѣ Большого театра, который, кромѣ того, блисталъ своимъ полнымъ и прекраснымъ оркестромъ подъ управленіемъ талантливаго Бавери, а также хорами, изумительно поставленными этимъ же опытнымъ маэстро. Нечего и говорить, что декоративная часть была великолѣпна. Одинъ Маріо способенъ былъ наэлектризовать весь театръ, а онъ, при роскошныхъ голосовыхъ средствахъ и благородной наружности, обладалъ еще драматическимъ талантомъ, съ величайшимъ художественнымъ тактомъ выдерживая самыя патетическія сцены, нисколько нигдѣ не утрируя, но зато давая полную силу въ тѣ минуты, когда это было необходимо. Напримѣръ, въ

сепгуарѣ 3-го акта, когда идетъ униссонъ фортиссимо всѣхъ голосовъ, при усиленной работѣ въ оркестрѣ, его голосъ, все бѣлыми нотами, носился надъ массой звуковъ, какъ птица, доминируя надъ ними и въ то же время давая имъ тонъ. Да, театръ въ эти моменты зами ралъ, захлебываясь отъ истиннаго востòрга и вдругъ разсыпался громомъ рукоплесканій...

Въ моей маленькой мастерской у себя дома я продолжалъ писать начатую еще въ Мраморномъ дворцѣ картину «Моцартъ и Сальери» и приводилъ ее уже къ концу, предвкушая уснѣхъ, который она, по моему мнѣнію, должна была имѣть. Вдругъ въ передней раздался звонокъ, и наша дѣвушка съ страшнымъ крикомъ, выражающимъ ужасъ, бросилась изъ передней обратно въ столовую. Я положилъ свою палитру съ кистями и вышелъ посмотрѣть, что это тамъ произошло.

— Баринъ!—прерывающимся голосомъ, прижавъ руку къ сердцу, говорила блѣдная прислуга: баринь, чòртъ... ей-Бòгу, чòртъ!..

— Гдѣ? какой чортъ, что ты?—удивленно спрашивалъ я.

Но прислуга, блѣдная, прислонившись къ стѣнѣ и тяжело дыша, указала пальцемъ на переднюю и проговорила:

— Тамъ, баринъ!—и перекрестилась.

Я вошелъ въ переднюю и самъ пришелъ въ изумленіе. Передо мною стоялъ молодой и красивый арапъ въ полномъ своемъ національномъ костюмѣ. Веселое лицо его съ широкими и толстыми губами улыбалось, и бѣлые большіе зубы сверкали своей поразительной бѣлизной. Онъ, повидимому, понималъ, что появленіемъ своимъ произвелъ большой переполохъ въ душѣ отворившей ему дѣвушки, это очень его забавляло, и вотъ онъ сдержанно улыбался, довольный случаемъ, доставившимъ ему возможность разсказать въ своемъ кругу лакеевъ цѣлый веселый эпизодъ.

— Отъ господина моего, Егора Петровича Ковалевскаго!— проговорилъ негръ, протягивая мнѣ письмо, рѣзко выдѣлявшееся своею бѣлизною отъ его черныхъ нальцевъ, и казалось, что на немъ непремѣнно должны остаться слѣды ихъ. Я вскрылъ письмо; это было приглашеніе пріѣхать къ генералу по поводу одной картины. Я сказалъ, что буду, и арапъ исчезъ. Войдя въ столовую, я засталъ уже всѣхъ нашихъ, успокаивавшихъ дѣвушку, которая дѣйствительно не на шутку испугалась чернаго посланца и съ нею сдѣлалось что-то въ родѣ истерики.

— Ну, вотъ, смотри,—сказалъ я ей:—вотъ письмо мнѣ принесъ этотъ твой чортъ...

Она испуганно посмотрѣла на конвертъ и опять перекрестилась. И долго-долго мои дамы убѣждали ее опомниться, разсказывая, что это былъ за человѣкъ, и только когда ея нервы совершенно успокоились, она принялась за свое дѣло, но съ большою осторожностью и страхомъ теперь шла отворять двери послѣ раздававшагося

звонка, такъ что первое время я даже сопутствовалъ каждый разъ ей и дожидался у дверей столовой. Вотъ напугалъ-то бѣдную лакей Ковалевскаго своимъ чернымъ цвѣтомъ кожи, и немудрено—видъ у него былъ дѣйствительно страшный, въ особенности бѣлки и зубы, выглядывающіе изъ-за красныхъ зубъ, на черномъ фонѣ тѣла были ужасны.

Егоръ Петровичъ Ковалевскій, извѣстный, путешественникъ, жилъ тогда на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ у Краснаго моста, человѣкъ онъ былъ уже старый, но очень энергичный и подвижной. Принялъ онъ меня очень ласково и извинился, что по нездоровью не могъ заѣхать ко мнѣ самъ. Потомъ онъ принесъ мнѣ картину аршина въ полтора высотою, которую онъ привезъ изъ Рима, гдѣ она была начата по его заказу тогда только что скончавшимся русскимъ художникомъ Чернышевымъ. Я припомнилъ, что лично зналъ этого Чернышева еще въ академіи и потомъ встрѣчался съ нимъ у Александра Алексѣевича Агина. Это былъ очень талантливый рисовальщикъ, но всегда нуждавшійся человѣкъ, которому, какъ говорится, въ жизни не везло, онъ и умеръ-то въ Римѣ, при очень печальной обстановкѣ, такъ что похоронить его пришлось жившимъ тамъ товарищамъ, художникамъ, да и Ковалевскій принялъ немало участія въ оказаніи этого послѣдняго долга покойному. Картина изображала собою римскій карнавалъ, улицу, наполненную народомъ, одинъ изъ балконовъ кишѣлъ молоденькими женщинами въ разнообразныхъ пестрыхъ костюмахъ, въ маскахъ и безъ нихъ. Онѣ бросали въ толпу конфетти, а съ улицы на нихъ сыпался дождь конфетти и цвѣтовъ. Картина была далеко не закончена, и вотъ кто-то рекомендовалъ Ковалевскому обратиться ко мнѣ, какъ къ художнику въ томъ же жанрѣ, для окончанія ея. Я взялся, конечно, съ удовольствіемъ за эту работу, тѣмъ болѣе, что начало, сдѣланное Чернышевымъ, мнѣ очень нравилось, какъ вся конспекція, такъ и сдѣланныя уже детали. Бесѣдуя съ генераломъ Ковалевскимъ, я не могъ не обратить вниманія на убранство его квартиры. Это былъ какой-то роскошный музей, наполненный разнообразными предметами, вывезенными имъ изъ Азіи, Африки и вообще изъ южной полосы историческаго міра, гдѣ онъ безпрерывно въ теченіе многихъ лѣтъ путешествовалъ. Тутъ было и оригинальное оружіе разныхъ народностей, развѣшенное въ живописныхъ арматурахъ по стѣнамъ, тутъ же виднѣлись также цѣлые костюмы и вооруженіе, отъ панцырей и кольчугъ до шкуръ дикихъ звѣрей и кожаныхъ щитовъ, разная домашняя утварь жителей востока и юга и драгоцѣнныя ткани самаго разнообразнаго вида, цвѣта и рисунка. Генералъ очень много разсказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ, и когда я впослѣдствіи часто бывалъ у него, то съ удовольствіемъ слушалъ эти разсказы, переполненные живыми красками дѣйствительности, безъ малѣйшаго хвастовства и неправды. Да, для меня это знакомство было

въ высшей степени пріятно и полезно. Жаль, что Егоръ Петровичъ прожилъ недолго. Петербургъ-таки доканалъ этого, какъ казалось, крѣпкаго человѣка, столько разъ подвергавшагося въ своей жизни опасностямъ и самымъ разнообразнымъ испытаніямъ, не говоря уже о лишеніяхъ, которыя неизбѣжны въ каждомъ, даже очень богато обставленномъ путешествіи по невѣдомымъ, дикимъ странамъ. Да, я долженъ считать себя особенно выносливымъ, что ужился съ этимъ губительнымъ климатомъ, такъ сказать, акклиматизировался въ немъ, потому что почти никуда не ѣздилъ изъ него и получилъ ту крѣпость, такъ сказать, прививку къ нему, которая и спасала меня отъ простуды и болѣзней. Одинъ разъ я былъ серьезно боленъ, это въ годъ кончины А. С. Пушкина (что и лишило меня возможности проститься съ его прахомъ), больше же во всю свою жизнь я ни разу не болѣлъ, оставаясь всегда жителемъ въ Петербургѣ.

Картину для Ковалевскаго я скоро окончилъ, и онъ былъ очень доволенъ моею работой, что и доставило мнѣ истинное удовольствіе' такъ какъ я всей душой хотѣлъ угодить этому симпатичному старику, котораго успѣлъ полюбить за короткій періодъ моего съ нимъ знакомства, да и нельзя было иначе относиться къ Егору Петровичу, видя его постоянное вниманіе и радушіе, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ окружающимъ его. Просто невѣроятно, что въ то время деспотическаго обращенія съ крѣпостными среди баръ того закала и пошиба, къ которымъ принадлежалъ Ковалевскій, могъ явиться подобный ему человѣкъ. Въ его обращеніи даже съ прислугой слышалась какая-то особая кротость, и это отзывалось на всемъ его домѣ. Прислуга его, отличавшаяся необыкновенной исполнительностью, была какая-то особенная, что-то привѣтливое было замѣтно даже въ его арапахъ. Зато какою любовью всей своей дворни пользовался этотъ почтенный старикъ, и когда его не стало, то, кажется, никто не пролилъ такихъ искреннихъ, горькихъ слезъ, какъ его же собственные люди, столько лѣтъ служившіе ему и никогда не испытавшіе, что такое обида. Да, въ то время такое явленіе, какое представлялъ собою Егоръ Петровичъ Ковалевскій, было исключительнымъ, почему онъ особенно имѣлъ право на всеобщее уваженіе и добрую память.

XXII.

Встрѣча съ М. В. Степановой.—Братъ Пьеръ.—На дачѣ въ Полюстровѣ.—Архитекторъ Горностаевъ.—Праздникъ у графа Кушелева-Безбородка.

Въ одинъ прекрасный день къ женѣ моей заѣхала Марья Васильевна Степанова, но, Боже мой, какъ она перемѣнилась за то время, какъ мы ея не видѣли! Она превратилась въ очень красивую и представительную даму въ роскошномъ модномъ костюмѣ; но куда дѣвались эта свѣжесть и жизнерадостность, которыя были въ ней

такъ милы и привлекательны. Повидимому, жизнь, да еще петербургская, изломали ея физическое и нравственное существованіе. Она была говорлива, любезна и даже весела, но въ этой веселости чувствовалась какая-то усталость, пресыщенность свѣтскими удовольствіями и фальшь. Какая-то затаенная грусть читалась въ ея взглядѣ, и ловкая маска поддѣльнаго веселья не могла совершенно укрыть ее отъ проницательнаго взгляда художника-физіономиста, у котораго вдругъ явилось чувство глубокой жалости къ ней. Какъ страшно коверкаетъ людей этотъ шумный водоворотъ петербургской жизни, просто невѣроятно, до какой степени они выходятъ изъ него измѣнившимися и непохожими на тѣ милые образы, къ которымъ мы привыкли до тѣхъ поръ, пока судьба не окунула ихъ въ этотъ мишурный, полный лжи и обмана гибельный омутъ. Есть, впрочемъ, люди, которые сумѣли-таки уцѣлѣть и въ этой обстановкѣ, но у этихъ людей, вѣроятно, имѣется талисманъ, подобный талисману Леонида, спасшему его въ пещерѣ львовъ. Люди, желавшіе отдалиться отъ главной струи шумной петербургской жизни, ютились тогда по окраинамъ города, не потому, что у нихъ не было средствъ жить въ его центрѣ, а просто съ цѣлью избѣжать этого шума и необходимости, заведенной этикетомъ того времени, бывать «въ свѣтѣ». Дальность разстоянія, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія являлись въ этомъ случаѣ извинительными аргументами. Тогда еще не было конно-желѣзныхъ дорогъ, и ходили щапинскіе дилижансы, и то лишь по очень немногимъ направленіямъ. Впрочемъ, близость этой всасывающей въ себя и губительной атмосферы не могли оставаться безъ вліянія даже и на эти уединенныя мѣстечки окраинъ города, и туда нерѣдко проникали эти заразные микробы, подтачивающіе лучшіе задатки человѣческой души: мягкость, довѣрчивость, прямоту и не загрязненную еще опытомъ вѣру и любовь, дружбу и равенство.

Въ одно утро, когда я сидѣлъ въ своей маленькой мастерской и работалъ, въ передней раздался слабый звонокъ, какъ обыкновенно звонятъ чужіе люди; какая-то всегда нерѣшительность слышится въ немъ. Такъ оно и вышло, мнѣ доложили, что какой-то незнакомый господинъ желаетъ меня повидать. Я вышелъ и увидѣлъ передъ собою довольно франтоватаго француза, парижанина чистой воды. Онъ отрекомендовался маркизомъ Лекокъ и передалъ мнѣ въ краткихъ словахъ, что братъ мой Пьеръ Соколовъ уполномочилъ его обратиться ко мнѣ съ претензіей на оставшіяся послѣ смерти нашего отца деньги, и только тутъ я узналъ, что отецъ, кромѣ всего имущества, оставленнаго имъ нашей матери, между прочимъ оставилъ еще три тысячи рублей, которыя лежали въ безыменныхъ билетахъ въ московскомъ банкѣ и по закону должны были быть выданы намъ, тремъ братьямъ, что, повидимому, и имѣлъ въ виду заботливый и добрый старикъ.

Братъ Пьеръ, повидимому, провѣдалъ объ этомъ и вотъ теперь заявилъ свою претензію на свою тысячу. Я попросилъ неожиданнаго посѣтителя обождать въ гостиной, а самъ пошелъ къ maman. Она очень взволновалась, услышавъ отъ меня требованіе Пьера, и сначала наотрѣзъ отказала выдать полученныя уже ею деньги изъ банка, говоря, что отецъ предоставилъ все свое имущество послѣ своей смерти въ ея пользу и что братъ Пьеръ еще менѣе насъ съ Александромъ имѣетъ право претендовать на какое-нибудь полученіе ихъ, потому что вотъ уже сколько времени онъ исчезъ съ глазъ, не давая о себѣ никакой вѣсти. Я настаивалъ, однако, что поведеніе брата относительно насъ не имѣетъ ровно никакого отношенія къ этому случаю, и что непремѣнно слѣдуетъ ему выдать эту тысячу. Мама расплакалась и наконецъ, убѣжденная мною и во избѣжаніе скандала, который могъ разгорѣться въ случаѣ ея отказа, согласилась, и я вынесъ довѣренному брата деньги, отказавшись въ пользу матери отъ полученія своей тысячи. Мнѣ лично больно было, что maman утаила отъ меня существованіе этихъ билетовъ и этимъ доказала полную индифферентность къ моимъ многимъ нуждамъ и интересамъ въ то время, когда я особенно нуждался въ ея поддержкѣ и когда всячески старался устроить ей спокойную и удобную жизнь. Это обстоятельство было продолженіемъ начала моихъ разочарованій, которымъ впослѣдствіи суждено было прогрессивно продолжиться.

Не правда ли, странно, что я въ продолженіе цѣлаго періода своихъ записокъ почти ничего не говорилъ о своемъ братѣ Петрѣ Петровичѣ, впослѣдствіи сдѣлавшемся извѣстностью своими картинами изъ охотничьей жизни. Жизнь этого человѣка протекала всегда вдали отъ нашего дома, и только онъ успѣлъ опериться, какъ выпорхнулъ изъ родного гнѣзда, и я очень рѣдко встрѣчался съ нимъ и наконецъ совершенно упустилъ изъ виду. У него былъ свой кругъ знакомыхъ, своя среда, въ которой онъ вращался. Еще въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ имѣлъ склонность связываться съ шалопаями-кутилами, промотавшими свое и отцовское состояніе, и находилъ въ этой средѣ почти удовлетвореніе своей ищущей сильныхъ впечатлѣній натурѣ. Хорошо подготовленный для жизни въ шумномъ свѣтскомъ водоворотѣ столицы, Пьеръ, благодаря своей наружности и прекраснымъ манерамъ, вскорѣ попалъ въ большой свѣтъ, а его недюжинный талантъ открывалъ ему двери повсюду, но, насколько этотъ человѣкъ обладалъ внѣшнимъ блескомъ и шлифованностью манеръ, настолько внутренній міръ его былъ покрытъ какимъ-то таинственнымъ мракомъ. Онъ не любилъ своей семьи, держался всегда въ сторонѣ и для оправданія этихъ своихъ отношеній къ намъ, особенно рѣзкихъ въ то время, когда еще слово «семья» было священнымъ для каждаго изъ ея членовъ, онъ придумалъ довольно-таки ловкій способъ объясненій задававшимъ ему

вопросы о причинахъ, побудившихъ его отдалиться отъ родительскаго дома. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что я и мать ненавидимъ его, наговариваемъ постоянно отцу про него разныя небылицы и тѣмъ постоянно возбуждаемъ отца противъ ни въ чемъ неповиннаго Пьера. Какой, однако, ловкій пріемъ и выходъ для обѣленія себя! Ненавидѣть своего брата, съ которымъ протекло мое дѣтство, котораго я не могъ не любить, было невозможно для моей, по природѣ мягкой, души, я даже старался не осуждать его, находя оправданіе многимъ его поступкамъ, толкуя ихъ увлеченіемъ его возраста и вліяніемъ той среды, въ которой онъ вращался; но мы положительно не знали, гдѣ онъ находился и что дѣлалъ. Однажды отецъ спросилъ меня: «Скажи, пожалуйста, правду ли говорятъ, что Пьеръ связался съ какой-то французской актрисой? До меня дошли слухи, что онъ ведетъ очень разгульную жизнь?» На это я отвѣчалъ ему, что ровно ничего не знаю, и не лгалъ, потому что о своемъ братѣ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Правда, мнѣ говорилъ одинъ изъ моихъ свѣтскихъ пріятелей, что послѣ какого-то крупнаго скандала съ французскимъ актеромъ на сценѣ, Пьеръ уѣхалъ съ какой-то барыней въ провинцію и больше о немъ не было ни слуху, ни духу. Что меня возмущало больше всего, это индифферентность, съ которою онъ относился къ смерти нашего отца. Слухъ объ этомъ роковомъ событіи, облетѣвшій художественный міръ всей Европы, конечно, не могъ не дойти и до него, и вотъ первымъ его выраженіемъ сочувствія моей матери было требованіе этой тысячи рублей, о существованіи которой онъ какъ-то сумѣлъ пронюхать. Какъ могъ онъ не отозваться на это наше крупное горе? Что мы ему сдѣлали?

Этимъ безсердечіемъ и эгоизмомъ онъ мнѣ напомнилъ моего дядю Карла Павловича Брюллова, и, вѣроятно, при рожденіи Пьеръ унаслѣдовалъ черезъ мать эту отличительную черту всѣхъ Брюлловыхъ.

Въ продолженіе долгаго времени Пьеръ жилъ съ французской актрисой Genie Falcon и тратилъ огромныя деньги, поддерживая знакомство съ богатою и знатною молодежью. Откуда у него могло хватить средствъ на такую разорительную жизнь, просто невѣроятно; правда, онъ много зарабатывалъ своими рисунками, но все же, какъ бы много онъ ни пріобрѣталъ, этого заработка не могло хватить для покрытія тѣхъ колоссальныхъ и непроизводительныхъ тратъ, которыя дѣлалъ онъ чуть ли не ежедневно. Его закадычный другъ и театралъ Голохвастовъ, съ которымъ онъ даже одно время жилъ на одной квартирѣ, кончилъ очень дурно. Въ одно несчастное утро его нашли зарѣзавшимся бритвою. Какое безуміе платиться жизнью за такую пустую, хотя и блестящую жизнь! Положеніе матерьяльныхъ дѣлъ брата сильно мѣнялось, то онъ, какъ говорится, кутилъ во всю, то онъ оставался ровно безъ ничего,

и вотъ тутъ-то передъ нимъ развертывалась ужасная пропасть, въ которую онъ могъ свалиться ежеминутно. Одинъ изъ моихъ товарищей, архитекторъ Бравура, разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ водевильной сцены, во вкусѣ тѣхъ, что происходили не разъ въ Парижѣ, на Итальяскомъ бульварѣ.

— Сижу я какъ-то разъ въ ресторанѣ Излера,—разсказывалъ мой пріятель:—какъ вдругъ туда бойко входитъ молодой человѣкъ, очень франтовато одѣтый, въ цилиндрѣ и въ перчаткахъ, небрежно садится за столикъ около самаго окна и заказываетъ себѣ обѣдъ. Цилиндръ его отверстіемъ вверхъ поставленъ на свободный стулъ, а перчатки небрежно брошены въ него. Ресторанная прислуга, всегда почему-то съ особеннымъ почтеніемъ относящаяся къ господамъ въ цилиндрахъ, съ необыкновеннымъ усердіемъ и поспѣшностью, стараясь заслужить хорошій на-чай, подавала ему блюдо за блюдомъ. Очевидно, молодой франтъ очень проголодался, такъ какъ съ поспѣшностью уничтожалъ подаваемое и когда было уже съѣдено сладкое и выпитъ кофе, онъ вдругъ, какъ бы увидя черезъ окна своего знакомаго (ресторанъ былъ почти въ уровень съ землею), громко крикнулъ:

— Постой, голубчикъ, я сейчасъ на минутку къ тебѣ выйду, только два слова!—и съ этими словами онъ вышелъ изъ ресторана. А цилиндръ продолжалъ красоваться на прежнемъ мѣстѣ, и слуги, глядя на него, были совершенно спокойны, что господинъ сейчасъ вернется и уплатитъ по счету, нельзя же безъ шляпы, да еще такому франту, итти по улицамъ. Но господинъ не возвращался. Онъ преспокойно вынулъ изъ кармана своего пиджака маленькую дорожную шапочку и, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣлъ ее при выходѣ изъ ресторана и спокойно продолжалъ свою дальнѣйшую прогулку. А цилиндръ все попрежнему продолжалъ красоваться на старомъ мѣстѣ.

И увы! этотъ франтъ былъ мой братъ Петръ Петровичъ, вотъ въ какомъ иногда, значитъ, безвыходномъ положеніи бывалъ онъ въ тяжелыя минуты жизни, что долженъ былъ прибѣгать къ подобнымъ фокусамъ, чтобы наполнить свой желудокъ; не изъ другого же чего онъ шелъ на это, жертвуя цилиндромъ, стоящимъ гораздо больше, нежели обѣдъ. Дальнѣйшая судьба Петра Петровича, какъ художника, извѣстна: послѣ смерти его было много некрологовъ, посвященныхъ его памяти, какъ талантливаго художника, но характеристики его отношеній къ семьѣ и его внутренней жизни, конечно, не было, а между тѣмъ это такъ иногда бываетъ важно составителямъ біографій впослѣдствіи, когда уже о человѣкѣ почти не осталось даже слѣдовъ; каждое слово, каждое выраженное мнѣніе о немъ тогда имѣетъ огромное значеніе. Издатель Вольфъ, помѣщая некрологъ Петра Соколова, между прочимъ приписываетъ ему нѣкоторыя мои скульптурныя работы (вазы), которыя и были вос-

произведены въ этой статьѣ и подписаны, какъ работы Петра Соколова, тогда какъ онѣ принадлежатъ мнѣ, и сняты съ нихъ фотографіи были у меня въ квартирѣ, когда я ихъ только отдѣлывалъ. Довольно странное недоразумѣніе!

Зима проходила, уже первые проблески весны носились въ воздухѣ, и мы съ женой стали задумываться надъ тѣмъ, гдѣ провести бы поуютнѣе лѣто. Оставаться въ городѣ было прямо невыносимо. Вы представить себѣ не можете, что такое въ то неблагоустроенное время происходило въ лѣтніе мѣсяцы на улицахъ столицы. Теперь, при заведенномъ благоустройствѣ, и то замѣтна тягость пребыванія отъ различныхъ зловоній и пыли, сопровождающихъ лѣтній ремонтъ и постройки новыхъ зданій, а тогда это было просто нѣчто ужасное, вы подвергались всякому непредвидѣнному случаю: васъ обливали краской, засыпали пескомъ, рвали ваше платье тачками и досками, и, наконецъ, на вашу совершенно неприготовленную голову сыпалось все, что угодно. Пользуясь лѣтними теплыми днями, когда выставлялись рамы и окна почти всегда были открыты, кухарки и не особенно опрятныя хозяйки выбрасывали и выливали изъ оконъ различные остатки, которые зачастую сыпались на спину изумленнаго прохожаго, убѣждавшагося въ томъ, что его пальто или пиджакъ безвозвратно погибли отъ пятенъ, оставленныхъ этимъ своеобразнымъ душемъ. Вотъ какъ пріятно было въ Петербургѣ во время его лѣтнихъ мѣсяцевъ, и, конечно, все стремилось оттуда итти куда-нибудь, лишь бы подальше отъ этой вони и грязи.

Мы остановили нашъ выборъ на Полюстровѣ, деревнѣ, расположенной за большою дачей графовъ Кушелевыхъ-Безбородковъ. Въ концѣ этой деревни былъ ключъ съ довольно сильной желѣзной водой, замѣченный еще зоркимъ глазомъ императора Петра I, и при немъ уже надъ круглымъ прудомъ нѣмецкимъ медикомъ было устроено нѣчто весьма примитивное для пользованія этой водою. Сюда стекалось много больныхъ пить эту воду, и почти вся деревня была ими переполнена. Кушелевскій паркъ имѣлъ свободный доступъ для дачниковъ, и только въ тѣ дни, когда у графа бывали вечера, входъ въ него постороннимъ возбранялся. Дворецъ графа находился на набережной Невы и имѣлъ свою пристань, отъ которой шла крытая галерея къ саду. Боже мой, какъ это съ тѣхъ поръ все измѣнилось, и того духа стариннаго барства, который царилъ тамъ и который мы еще застали, теперь уже нѣтъ и въ поминѣ. Матушка моя не переѣзжала туда вмѣстѣ съ нами, и мы наняли себѣ просторную и чистенькую избу. Maman же, по приглашенію моего дяди Александра Павловича Брюллова, собиралась ѣхать съ братомъ Александромъ на лѣто въ Павловское, на его роскошную дачу, выстроенную имъ на мѣстѣ, подаренномъ ему великимъ княземъ. Это была дѣйствительно дача со всѣми удобствами и комфортомъ, какіе можно было только придумать

талантливому архитектору, не стѣснявшемуся въ средствахъ для осуществленія своей идеи, а потому за душевный покой моей матери я былъ совершенно спокоенъ. Живя у своего брата на дачѣ, она была вполнѣ обезпечена, и о спокойствіи ея нечего было заботиться. Зато съ нами переѣзжала мать моей жены. Старушка была очень довольна нашимъ устройствомъ и усердно принялась помогать женѣ въ хозяйствѣ, и вотъ жизнь наша вскорѣ вошла въ общую колею дачной жизни, а тутъ еще пріѣхала изъ Москвы погостить къ намъ сестра жены Катя, и мы зажили превесело, довольные тѣмъ немногимъ, что послала намъ судьба. Мы часто гуляли въ Кушелевскомъ паркѣ, наслаждаясь его пріятною прохладой, и съ удовольствіемъ просиживали тамъ по нѣсколько часовъ сряду. Та часть сада, которая находилась въ этой сторонѣ за канавой, называлась почему-то Тиволи, и тамъ было построено что-то увеселительное, молочный домикъ и кегельбанъ. Далѣе красиво раскинулся, какъ большой обломокъ зеркала, отражающій въ себѣ окрестныя высокія деревья, почти круглый прудъ съ маленькими островами. На противоположномъ берегу его виднѣлись каменныя постройки съ рядомъ столбовъ съ перекладинами для виноградника, совершенно въ итальянскомъ вкусѣ, что, можетъ быть, и подало поводъ назвать такъ это мѣсто. Видъ пруда былъ очень кокетливый и живописный, берега его окаймляла дорожка, отъ которой шли еще другія безчисленныя дорожки и тропинки во всѣ части парка, гдѣ были поставлены различные бесѣдки и павильоны и другія украшенія въ видѣ статуй, саркофаговъ и т. п., которыми въ то время украшались почти всѣ болѣе или менѣе богатые сады. Не доходя до графскаго дома съ особеннымъ проѣздомъ къ Невѣ, стоялъ деревянный театръ съ заколоченными ставнями и, повидимому, уже много лѣтъ пустовавшій, еще далѣе виднѣлся съ круглымъ куполомъ на колоннахъ греческій павильонъ, развалины котораго и теперь еще стоятъ на прежнемъ мѣстѣ. Во время одной изъ такихъ прогулокъ я встрѣтилъ архитектора Горностаева, брата того, что строилъ Сергіевское подворье на Фонтанкѣ подлѣ дома Бѣлосельскаго (потомъ дворецъ вел. кн. Сергѣя Александровича) и часовню въ концѣ Гостинаго двора, около городской думы. Этотъ мой пріятель былъ человѣкъ очень веселаго темперамента, а потому и былъ желаннымъ гостемъ въ моемъ домѣ, гдѣ скукѣ не было мѣста. Съ нимъ мы и совершали наши дальнѣйшія прогулки и посѣщали танцовальные вечера, устраиваемые дачниками. Какъ просто и весело было на этихъ вечерахъ! Нанимался случайный оркестръ, и въ садикѣ около водъ публика веселилась и танцовала до утра въ устроенномъ продолговатомъ павильонѣ. Въ другіе дни играла военная музыка и собиралось множество гуляющихъ. Скуки не испытывалось, и все какъ-то дышало жизнерадостностью, удивительный контрастъ теперешнимъ дачнымъ мѣстамъ, гдѣ царитъ какой-то мракъ и уныніе.

Въ городъ я ѣздилъ рѣдко и, когда это бывало необходимымъ, садился въ общественную щапинскую карету и черезъ часъ съ лишнимъ бывалъ уже въ Петербургѣ. Но вотъ наступило воскресенье, и въ нашемъ саду былъ объявленъ балъ. Везъ всякихъ приготовленій туалетовъ, о чемъ насъ предупредилъ Горностаевъ, и, по его выраженію, «по простотѣ» мы всей гурьбой, даже въ сопровожденіи старушки мамаши жены, отправились пѣшкомъ къ мѣсту увеселенія. Галерея была освѣщена, и павильонъ разукрашенъ разноцвѣтными фонарями, придававшими ему особенно нарядный и праздничный видъ. У входа уже толпилась молодежь, въ ожиданіи прихода своихъ дамъ, которыя мало-по-малу прибывали и парами со своими кавалерами уходили внутрь павильона. Заплативши входную плату и записавшись въ книгу, мы вошли туда за другими. Франтоватый молодой человѣкъ съ розеткой уже суетился, бѣгая изъ одного конца павильона въ другой, осматривая внимательно каждаго вошедшаго. Вскорѣ заигралъ оркестръ, состоявшій изъ пяти какихъ-то чумазыхъ артистовъ, и начались танцы. Веселились всѣ отъ души, и раскраснѣвшіяся личики барышень сіяли довольствомъ и счастіемъ. Я также танцовалъ, но моя жена принуждена была сидѣть среди нашихъ новыхъ знакомыхъ: ея положеніе, называемое почему-то интереснымъ, не позволяло ей пуститься танцовать. Далеко за полночь царило веселье въ павильонѣ, и только со вторыми пѣтухами публика стала рѣдѣть и расходиться по дачамъ. Ночь была свѣтлая и даже уже начала заниматься заря, когда мы подошли къ нашей избушкѣ.

На слѣдующее утро я поднялся раньше обыкновеннаго и пошелъ въ паркъ, совершая свою ежедневную утреннюю прогулку. Выйдя изъ парка въ поле, я залюбовался чуднымъ пейзажемъ, на которомъ паслось стадо, разбредшееся по зеленой травѣ. Далѣе виднѣлась роща; чѣмъ ближе я подходилъ къ ней, тѣмъ гуще становилась она, и вотъ я наконецъ между стволами ея тѣнистыхъ деревьевъ. Но вотъ и лѣсъ, густой, черный, какъ будто закоптѣлый; какая-то тишина царитъ въ немъ, даже пѣнья пташекъ не слышно, стоитъ, словно дремлетъ, погрузившись въ тяжелыя думы. Въ одной изъ прогалинъ этого лѣса я нашелъ ферму и съ удовольствіемъ выпилъ вкуснаго, холоднаго молока. Ферма представляла собою деревянное строеніе съ высокой башней на углу и имѣла очень живописный видъ. Утро было чудесное, воздухъ прозрачный и чистый, въ которомъ было только слышно щебетаніе птицъ, мычаніе коровъ и щелканье пастушьяго кнута.

Однажды, когда я заканчивалъ «Римскій карнавалъ» для Ковалевскаго, ко мнѣ зашелъ Горностаевъ, работа моя ему понравилась, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что графъ Кушелевъ-Безбородко большой любитель живописи и у него во дворцѣ имѣется прекрасная картинная галерея. Онъ совѣтовалъ мнѣ посмотрѣть

ее, говоря, что бываетъ у графа и встрѣчаетъ въ его домѣ постоянно радушіе и гостепріимство.

— Какъ же,—сказалъ я,—удастся мнѣ это сдѣлать, когда я лично не знакомъ съ графомъ?

— Ахъ, это ничего не значитъ,—отвѣчалъ Горнастаевъ:—вы художникъ, а графъ вообще ко всѣмъ артистамъ относится очень сочувственно. Да вотъ,—вспомнилъ онъ,—у нихъ на будущей недѣлѣ будетъ праздникъ и съѣдется много гостей, между прочимъ будетъ какая-то знаменитость пѣвица. На прудѣ будетъ устроена иллюминація и съ острововъ пущенъ фейерверкъ, а на водѣ будутъ плавать лодки, убранныя гирляндами изъ цвѣтовъ и фонарями. Я буду тоже тамъ, хотите, я и васъ проведу?

Но я поспѣшилъ отказаться отъ этого предложенія, такъ какъ не считалъ возможнымъ быть въ домѣ не приглашеннымъ.

— Жаль, что мы раньше не заговорили объ этомъ, а то бы я васъ успѣлъ представить графу,—сказалъ Горностаевъ:—но все же я васъ проведу на очень удобное мѣсто въ паркъ, откуда вы прекрасно увидите все празднество.

На это я согласился.

Картину я свезъ въ Петербургъ, но Ковалевскаго не засталъ дома, онъ уѣхалъ въ Петергофъ и не скоро долженъ былъ возвратиться. Оставивъ картину камердинеру, я просилъ меня извѣстить о возвращеніи Ковалевскаго, но не присылать на этотъ разъ арапа, до смерти напугавшаго мою прислугу, и уѣхалъ на дачу. Дни шли за днями и я каждый день подолгу просиживалъ въ саду съ книжкою въ рукахъ, и не читалъ, потому что мнѣ не давали читать знакомые, подходившіе съ привѣтствіями и разговорами, передо мною текла вода того желѣзнаго источника, которому была обязана своимъ существованіемъ вся деревня. Вода эта журчала у моихъ ногъ довольно быстрымъ потокомъ, мѣстами задерживаемая искусственными плотинами изъ группы камней. Моимъ наблюденіямъ представлялся неистощимый матеріалъ. Тутъ рѣзвились и бѣгали беззаботныя дѣтки, тутъ, весело болтая, съ жизнерадостными личиками проходили барышни въ толпѣ веселыхъ же жизнерадостныхъ молодыхъ людей, тамъ толстякъ, переваливаясь медленно, двигался къ источнику со своей кружкой, тутъ дама съ дѣвочкой торопливо проходили, при чемъ дѣвочка не поспѣвала переставлять свои маленькія ножки и ежеминутно спотыкалась. Все это сливалось въ большую, типичную картину, представлявшую собою богатый матеріалъ для художника. Съ лѣвой стороны передо мною открывалось довольно большое поле и къ вечеру оно обливалось румяной зарею и было ослѣпительно прелестно въ лучахъ заходящаго солнца. Но вотъ приближался день графскаго праздника, и мы всѣ готовились хоть издали полюбоваться на предстоявшее чудное зрѣлище и послушать пѣніе знаменитой пѣвицы. Въ цѣлой компаніи нашихъ

дачныхъ знакомыхъ мы отправились на противоположной берегъ озера, откуда видѣть все было возможно какъ съ большого амфитеатра. Весь прудъ былъ красиво освѣщенъ множествомъ огней, а по берегу суетливо двигались огоньки; это бѣгала прислуга съ маленькими факелами и фонариками. Въ зеркальной глади пруда вся эта картина красиво отражалась своими разноцвѣтными цвѣтами множества фонарей, и какъ будто какая-то фантастическая декорація открылась передъ моими глазами, но на сценѣ пока было еще пусто, какъ бы передъ шумнымъ и большимъ выходомъ. Башня съ виноградниками тоже одѣлась въ свой разноцвѣтный нарядъ, какъ бы весело любуясь на свой красивый обликъ, отражавшійся въ тихихъ водахъ пруда. Но вотъ на поверхности воды его показалась лодка съ гребцами, одѣтыми въ фантастическіе костюмы, съ цвѣтами на шляпахъ и съ бортами, украшенными всевозможныхъ цвѣтовъ фонарями. Все это двигалось по разнымъ направленіямъ, и брызги отъ взмаховъ веселъ красивымъ фейерверкомъ разлетались въ стороны. Всплескъ воды и веселый разговоръ и смѣхъ слышались надъ озеромъ и нарушали царственную тишину роскошнаго лѣтняго вечера. Черезъ нѣсколько времени по аллеѣ, ведущей отъ графскаго дома къ пристани, показался цугъ огней, среди которыхъ были видны графскіе гости и наконецъ самъ графъ съ сыновьями, приближавшіеся веселой и шумной толпой къ пруду. Вся эта веселая компанія расположилась на причалившія лодки и яхты съ мачтами, и вотъ подъ звуки оркестра, расположившагося на одномъ изъ судовъ, маленькая флотилія двинулась по пруду. Когда оркестромъ была окончена вступительная кантата, въ нѣкоторыхъ лодкахъ вдругъ поднялись мужскія фигуры, закутанныя въ темные плащи, съ нотами въ рукахъ, и по данному знаку раздалось пѣніе стройныхъ голосовъ, которымъ нѣжно аккомпанировала музыка. Когда замеръ послѣдній аккордъ этого чуднаго хора, все смолкло... и вотъ вдругъ надъ гладью какъ бы застывшаго озера раздался одинъ только, но великолѣпный голосъ, женскій контральто, пропѣвшій романсъ изъ «Севильскаго цырульника». Это пѣла заграничная знаменитость и пѣла такъ, что казалось, будто берега, громадныя деревья, вода и мерцавшія на темномъ небосклонѣ звѣзды, все внимало этимъ волшебнымъ звукамъ, раздававшимся изъ густой темноты, среди которой фантастически блестѣли разноцвѣтные фонари плавающихъ лодокъ. Все замерло, и лишь голосъ умолкъ, то на лодкахъ и съ берега раздался громъ аплодисментовъ, и снова наступила тишина. Голосъ запѣлъ вальсъ, потомъ баркароллу, и такимъ образомъ всѣ лодки, сопровождаемыя этими чудными звуками, объѣхали весь прудъ при ностоянныхъ аплодисментахъ и крикахъ «браво», и наконецъ причалили у террасы, за которой въ нѣкоторомъ разстояніи среди густой листвы сада виднѣлся бѣлый каменный графскій домъ, пылавшій снаружи и из-

нутри разноцвѣтными огнями. Всѣ гости во главѣ съ хозяиномъ, шедшимъ подъ руку со знаменитой пѣвицей, направились къ дому, откуда раздавались звуки музыки. Очарованный небывалымъ зрѣлищемъ этого торжества на водѣ, я вернулся домой и, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнной эффектной картины, взялъ листъ бристольской бумаги, сдѣлалъ два рисунка, изображавшіе графскій праздникъ, и они очень удались. Къ обѣду къ намъ пришелъ Горностаевъ и, увидя эти рисунки, пришелъ въ неописанный восторгъ, прося меня разрѣшить ему показать графу эти два вида. Конечно, я не протестовалъ и отдалъ Горностаеву мои картины, и онъ съ ними сейчасъ же отправился къ графу.

На другой день Горностаевъ пришелъ къ намъ утромъ и объявилъ, что графъ мои рисунки оставилъ у себя и очень желаетъ со мною познакомиться. Приведя себя въ порядокъ, какъ подобало для даннаго случая, я въ сопровожденіи Горностаева отправился къ графу. Онъ принялъ насъ въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, и какъ только я увидѣлъ самого хозяина дома, то сразу узналъ въ немъ старика графа Кушелева-Безбородка, уже немного знакомаго мнѣ, у котораго я какъ-то разъ былъ съ моимъ отцомъ зимою въ Петербургѣ и осматривалъ его коллекцію картинъ. Графъ очень любезно встрѣтилъ насъ, а когда я ему напомнилъ о визитѣ моемъ къ нему зимою, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ, тѣмъ лучше, значитъ, мы съ вами старые знакомые!

Тутъ началъ онъ восхищаться моими рисунками и выразилъ желаніе пріобрѣсти ихъ въ собственность. Я очень былъ радъ доставить удовольствіе графу и, конечно, охотно согласился уступить ихъ ему.

— Скажите, какая должна быть у васъ богатая память,—сказалъ графъ, разсматривая рисунокъ:—что вы такъ вѣрно и такъ скоро могли ихъ исполнить, тѣмъ болѣе, что вѣдь это было ночное зрѣлище и вы иначе не могли сдѣлать эти вполнѣ законченные рисунки, какъ у себя дома, а слѣдовательно безъ натуры.

На это я отвѣтилъ графу, что, дѣйствительно, памятью Богъ меня не обидѣлъ и что впечатлѣніе было настолько сильно, что я безъ особеннаго труда перенесъ его на бумагу.

— Ну, я очень радъ,—продолжалъ графъ,—познакомиться съ вами и надѣюсь, что вы не откажете впослѣдствіи еще мнѣ написать что-нибудь, а теперь не хотите ли осмотрѣть мою дачу? Можетъ быть, и въ ней вы найдете для себя что-нибудь интересное.—Съ этими словами онъ повелъ насъ въ свои залы, блиставшіе золотомъ и разными дорогими вещами. Между множествомъ фресокъ, бюстовъ и статуй я увидѣлъ двѣ мраморныя статуи изящной итальянской работы, великолѣпныя бронзовыя отливки, нѣсколько большихъ масляныхъ картинъ, вывезенныхъ изъ-за границы, нѣсколько крупныхъ портретовъ, и женскихъ и мужскихъ, серьезно или съ нѣжной улыбкой смотрѣвшихъ на меня съ холста, заключеннаго въ толстыя,

богато вызолоченныя рамы. На столахъ было разложено множество дорогихъ и изящныхъ вещей: альбомы дорогихъ изданій съ гравюрами, старинныхъ и новѣйшихъ временъ миніатюры, табакерки и прессъ-папье художественной отдѣлки. Насмотрѣвшись вдоволь на эти прелестныя рѣдкія вещи, я сталъ прощаться съ графомъ, онъ просилъ посѣщать его домъ и вдругъ спросилъ, сколько онъ мнѣ долженъ за оставленные два рисунка. Я сказалъ, что, начавъ ихъ, вовсе и не думалъ о продажѣ, но что обыкновенно за акварели такой же величины я беру по 50 рублей. Графъ просилъ меня обождать, пошелъ въ свой кабинетъ и вынесъ мнѣ двѣ сторублевыя депозитки.

— Случай съ этими рисунками совершенно необыкновенный,— сказалъ онъ,—и для меня настолько пріятный, что я не долженъ жалѣть вознаградить художника, такъ кстати доставившаго мнѣ удовольствіе, тѣмъ болѣе, когда этотъ художникъ черезчуръ дешево оцѣниваетъ свой трудъ.

Вотъ какъ поступали настоящіе баре добраго стараго времени. Положимъ, въ то время денегъ у нашихъ аристократовъ было побольше, да вкусы поизысканнѣе, умѣли они также цѣнить таланты и искусства, да и сами люди были гораздо утонченнѣе и интеллигентнѣе, и подобная щедрость, кромѣ того, объяснялась просто привычкою къ большимъ тратамъ и немедленнаго удовлетворенія своей прихоти. Я простился съ графомъ и ушелъ, очень довольный неожиданнымъ результатомъ визита моего къ нему. Но этимъ не исчерпывались мои удачи того блаженнаго времени. Подѣлившись съ Соней ровно пополамъ полученными деньгами, я поѣхалъ въ Петербургъ къ Ковалевскому и на этотъ разъ засталъ его дома. Егоръ Петровичъ ласково встрѣтилъ меня и немедленно заплатилъ мнѣ четыреста рублей, и я, уже совсѣмъ счастливый, нагруженный разными покупками, явился домой настоящимъ дачнымъ мужемъ, завьюченнымъ съ головы до ногъ, но не съ заказанными порученіями, а съ добровольнымъ грузомъ.

Но въ моей жизни всегда слагались такъ обстоятельства, что за удачами или параллельно съ ними всегда готовился ударъ на непріуготовленную голову. Наша старушка Александра Никифоровна стала вдругъ прихварывать и, какъ оказалось, у нея была затаенная женская болѣзнь, начавшаяся послѣ родовъ Вари, а такъ какъ ограниченныя средства не давали ей возможности лечиться, то она терпѣливо переносила ее. Но теперь ей стало невмоготу, и она слегла. Жена моя сильно взволновалась отъ этого, и я ужасно боялся, чтобы подобная тревога не отразилась и на ея собственномъ здоровьѣ, тѣмъ болѣе, что каждое нервное потрясеніе могло кончиться очень скверно въ ея тогдашнемъ положеніи. Къ счастью, недалеко отъ насъ жилъ докторъ, спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ, который и сталъ аккуратно навѣщать нашу боль-

пую. Казалось, она начала поправляться, даже встала на ноги, но все же опять слегла, и здоровье ея оказалось въ безнадежномъ состояніи. Докторъ бывалъ ежедневно, но больной становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, и появились всѣ признаки водяной, начавшейся съ опухоли ногъ. Надо, какъ было видно, быть готовымъ ко всему. Я ужасно опасался за жену, которая лишилась сна и, какъ тѣнь, бродила по ночамъ около постели больной. Старушка же съ большимъ терпѣніемъ переносила свои страданія, но спасенія ея уже не предвидѣлось, и вотъ незадолго до ея кончины изъ Москвы пріѣхала Варя проститься съ умирающей, которая въ страшныхъ страданіяхъ окончила свою благочестивую, честную и полную испытапій жизнь.

Опять облако грусти и унынія окутало наши сердца, но мы, какъ еще молодые душою, скоро оправились, и жизнь наша попрежнему вошла въ свою колею. У меня между тѣмъ нашелся еще одинъ товарищъ по академіи, живописецъ Козловъ, котораго я встрѣтилъ на вечерѣ у графа Ѳедора Петровича Толстого и который меня познакомилъ съ художникомъ Ѳедотовымъ. Я его встрѣтилъ во время своихъ обычныхъ прогулокъ, и, какъ оказалось, онъ жилъ теперь въ собственномъ домѣ на Невѣ. Я навѣстилъ своего академическаго товарища, идя купаться па Неву, такъ какъ домъ его съ тѣнистымъ садомъ былъ какъ разъ по дорогѣ къ купальнѣ. Домъ оказался во дворѣ, построенный на барскую ногу, съ широкимъ парадным входомъ, но сильно запущенный и не ремонтированный. Въ бельэтажѣ былъ даже большой залъ съ выходомъ на террасу въ садъ, а во всей отдѣлкѣ дома были замѣтны остатки прежней роскоши. Прекрасныя зеркала въ золоченыхъ рамахъ украшали простѣнки, также на каждомъ шагу попадалось много обветшалыхъ украшеній и фресокъ, говорившихъ о былом богатствѣ этого дома. Низъ зданія былъ пустъ, и жилье помѣщалось во второмъ этажѣ. Садъ былъ также очень запущенъ. Козлова я засталъ, и онъ меня водилъ по всему дому и все самъ показывалъ. Какъ оказалось, домъ этотъ достался ему по закладной и онъ только что вступилъ во владѣніе этой недвижимостью. Однако это былъ не простой домъ, а имѣющій свое небезынтересное прошлое и связанный въ нѣкоторомъ родѣ съ историческим прошлым капитальнѣйшей изъ русскихъ построекъ—Исаакіевскаго собора. Построенъ онъ былъ знаменитымъ зодчимъ Монферраномъ, воздвигнувшимъ этотъ колоссальный соборъ. Очень удачный экспромтъ однажды былъ наклеенъ на ограду, окружавшую мѣсто построекъ собора:

«Вотъ памятникъ двумъ царствіямъ приличный:
Низъ каменный, а верхъ кирпичный»,

И дѣйствительно, настоящій мраморъ былъ только въ обложкѣ низа зданія, а въ куполѣ онъ былъ уже фальшивый.

Домъ, который я теперь осматривалъ, строился изъ матеріала, принадлежащаго этой монументальной постройкѣ, но почему-то, должно быть, по разсѣянности, попавшаго на Выборгскую Сторону. Когда мы съ Козловымъ осматривали его и взошли на чердакъ, то я былъ пораженъ богатствомъ его стропилъ и откосовъ, они были сдѣланы изъ корабельнаго мачтоваго лѣса и такъ какъ по положенію своему не могли подвергнуться никакой порчѣ, даже отъ продолжительнаго времени, то имѣли видъ, по своему объему и тщательной отдѣлкѣ, скорѣе какого-то столярнаго произведенія, нежели обыкновенныхъ плотничьихъ балокъ. Весь домъ былъ такъ прочно выстроенъ, что когда въ 1871 г. разразилась страшная катастрофа взрыва на Пороховыхъ, ударъ, отразившійся въ землѣ во всей этой мѣстности, былъ настолько силенъ, что повалилось много строеній, но монферановскій домъ только дрогнулъ, но устоялъ, не давъ ни одной трещины. У Козлова я встрѣтилъ его сестру, Матильду Алексѣевну, которую зналъ еще дѣвочкой и съ которой былъ очень радъ встрѣтиться, такъ какъ очень любилъ ея добрый и симпатичный характеръ. Съ нею былъ ея маленькій сынокъ, котораго она взяла съ собою погостить у брата.

Послѣднее событіе въ Крыму, гдѣ положеніе нашей арміи принимало самый ужасный характеръ, заставило меня подписаться на какую-нибудь газету. Я выбралъ «Петербургскій Листокъ», который тогда началъ уже издаваться А. А. Соколовымъ, моимъ однофамильцемъ и хорошимъ знакомымъ, сдѣлавшимъ себѣ имя своими беллетристическими произведеніями, начавшимися, кажется, съ его «Театральныхъ болотъ». Кромѣ того, я купилъ нѣсколько нумеровъ «Художественнаго Листка» Тимма, очень хорошо передававшаго военныя и другія сцены этой, можно сказать, эпопеи. Тамъ же помѣщались очень хорошо сдѣланные портреты нашихъ героевъ и генераловъ. Героями я называю не однихъ незабвенныхъ Корнилова, Нахимова и другихъ, но также пластуновъ и простыхъ матросовъ, покрывшихъ неувядаемой славой своею личною храбростью русское воинство и представлявшихъ собою настоящій типъ русскаго солдата, съ его геніальною терпѣливостью и выносливостью, воспитанными въ немъ въ зачаткѣ еще Суворовымъ. Не даромъ же первый военный геній Наполеонъ зоркимъ своимъ глазомъ опредѣлилъ эти качества русскаго солдата, сказавъ, что, если бы у него были такіе солдаты, то онъ завоевалъ бы міръ. Каждое утро я прочитывалъ газету и съ трепетомъ ожидалъ слѣдующаго нумера. Сила и значеніе событій уже не находили препятствій въ цензурѣ и говорили сами за себя. Больше уже лгать было невозможно, ужасная истина раскрывалась сама собою. Притихли и наши гулянья съ музыкой и съ разными затѣями, чувствовалось

какое-то неприличіе поддаваться веселости, когда въ другомъ концѣ родины кровь нашихъ братьевъ лилась рѣкою за вѣру, царя и отечества. Севастополь стоналъ отъ ударовъ непріятельскихъ бомбъ, и эти стоны отражались въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка глубокою неизлечимою раною.

Графское гулянье на прудѣ уже не повторялось, и вообще въ его домѣ какъ будто все застыло, и лишь въ саду изрѣдка раздавался шумъ отъ катанія кегельныхъ шаровъ. Даже шарманки перестали раздирать наши уши, словомъ, всюду господствовали мракъ и уныніе. Былъ уже августъ мѣсяцъ, дни становились короче и вечера длиннѣе, и это особенно замѣчалось въ нашей деревнѣ, гдѣ освѣщеніе было очень скудно, а тутъ начались дожди и непролазная грязь, выводившая меня положительно изъ терпѣнія. Я поѣхалъ въ городъ, но прежде, чѣмъ нанять квартиру, отправился въ Павловскъ повидаться съ maman и спросить ее, намѣрена ли она жить попрежнему съ нами, или остаться у своего брата. Я былъ почти увѣренъ, что maman не останется у дяди, такъ какъ до меня дошли уже слухи о томъ, что ей тамъ оказалось не такъ хорошо на самомъ дѣлѣ, какъ мы предполагали вначалѣ. Брюлловъ былъ уже богатый человѣкъ, сдѣлавшійся ужаснымъ эгоистомъ, а его сонная жена была совершенно лишена всякихъ чувствъ, и, конечно, не могла войти въ положеніе моей матери, оказать ей нравственную поддержку. Не такіе люди были Брюлловы, и ожидать отъ нихъ собственно другого было довольно трудно. Теперь они съ нетерпѣніемъ ожидали отъѣзда maman и съ дѣланной лаской встрѣтили меня, видя приближеніе этого момента. Мамаша, со своей стороны, также не осталась бы у своего брата и просила меня нанять такое помѣщеніе, чтобы и для нея была только одна отдѣльная комната. Братъ же Александръ уже почти условился жить со своимъ однимъ товарищемъ по гимназіи. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ поисковъ я нанялъ-таки очень удобную квартиру на Сергіевской улицѣ, гдѣ были для всѣхъ насъ очень удобно расположенныя комнаты. Работать продолжалъ съ прилежною настойчивостью и охотою еще потому, что вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться отцомъ, и это чувство придавало мнѣ еще больше энергіи—теперь уже не одно, а цѣлыхъ два существа должны были быть на моихъ плечахъ.

Какъ разъ кстати я получилъ крупный заказъ для Преображенскаго полка, предоставленный мнѣ моимъ товарищемъ по академіи архитекторомъ Бравура. Я долженъ былъ написать большой образъ Преображенія, который долженъ былъ быть помѣщенъ на задней сторонѣ большого иконостаса въ Преображенскомъ соборѣ. Такъ какъ образъ этотъ предполагался быть очень большихъ размѣровъ, то и помѣщеніе для работы въ моей квартирѣ было недостаточно и мнѣ было предложено помѣститься въ арсеналѣ полка,

большомъ залѣ въ шесть оконъ, находящемся въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщался лазаретъ для высшихъ чиновъ. Въ арсеналъ же и библіотеку былъ ходъ изъ сѣней налѣво въ нижніе этажи, что для меня было очень удобно. Съ другой стороны этого зала помѣщалась комната для дежурнаго офицера, и тамъ часто собиралась довольно веселая компанія его товарищей-офицеровъ, происходили оживленныя бесѣды, и часто это милое общество воспитанной и образованной молодежи приглашало меня позавтракать въ ихъ компаніи. Хотя эти завтраки и отвлекали меня отъ работы, но я съ удовольствіемъ удѣлялъ имъ это дорогое время потому, что дѣйствительно была очень пріятна бесѣда съ этими людьми. Какіе, какъ вспомнишь, тогда встрѣчались развитые и глубоко начитанные юноши, свѣдущіе и понимающіе искусство, интересующіеся литературой и науками; какъ все рѣзко измѣнилось съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи, и теперешній офицеръ уже далеко не тотъ въ своемъ развитіи, какимъ онъ былъ въ тѣ времена, давшія изъ этой среды военныхъ столько выдающихся талантовъ и дѣятелей на славу Россіи.

За образецъ своей работы я, конечно, взялъ Рафаэля и, доставъ съ этой композиціи гравюру, разбилъ ее на грады и привелъ въ большую величину. Окончивъ абрисъ, я принялся за краски, и дѣло пошло двигаться своимъ порядкомъ. Большею частью меня окружали тишина и спокойствіе, и я пользовался этимъ временемъ, чтобы загнать работу на случай новой помѣхи. Самый залъ, въ которомъ я работалъ, заключалъ въ себѣ очень много интересныхъ предметовъ, потому что это былъ полковой арсеналъ, въ которомъ сохранялись образцы всевозможнаго оружія и формъ, употреблявшихся въ Преображенскомъ полку со дня сформированія.

Мнѣ разсказывали офицеры, что у нихъ недавно праздновался юбилей по случаю двухсотъ лѣтъ существованія полка, и въ этомъ самомъ залѣ былъ накрытъ банкетъ, за которымъ прислуживали гостямъ полковые драбанты, одѣтые въ различныя формы полка, періодически перемѣнявшіяся въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій. Зрѣлище было великолѣпное. Въ числѣ замѣчательныхъ вещей, бывшихъ въ этомъ залѣ, мнѣ показали на связку знаменъ, стоявшихъ въ углу его, и когда мнѣ ее развернули, то одно древко обратило на себя вниманіе своей уже черезчуръ грубою простотою. Это была просто длинная, толстая палка, наподобіе тѣхъ, что употребляются на баркахъ при отпихиваніи, съ навернутымъ на нее грубымъ кускомъ полотна довольно широкихъ размѣровъ, походившимъ скорѣе на простыню, чѣмъ на знамя. На этой-то простынѣ были написаны толстой кистью, обманутой, вѣроятно, въ жидко разведенный деготь, слова, изъ смысла которыхъ не трудно было догадаться, что это была одна изъ тѣхъ прокламацій, которыя высылалъ впередъ Пугачевъ, когда подходилъ къ какому-нибудь

городу или крѣпости передъ ихъ штурмомъ. Эта прокламація была пересыпана кое-какими крѣпкими словцами безъ всякаго стѣсненія и деликатности.

Тутъ же было и кое-какое оружіе и предметы самаго примитивнаго вида, захваченные, вѣроятно, солдатами отряда Михельсона при пораженіи и поимкѣ Пугачева; эти вещи представляли собою пеструю смѣсь топоровъ, дреколій съ наконечниками наподобіе пикъ и, наконецъ, попросту—дубинъ.

Смежно съ этимъ арсеналомъ помѣщалась полковая библіотека, изъ которой, благодаря любезности офицера-библіотекаря, я пользовался книгами, но и въ этой богатой библіотекѣ, какъ и во многихъ другихъ, оказалось много разбитыхъ и разрозненныхъ отъ неаккуратнаго съ ними обращенія читателей. Ужъ такова участь всѣхъ почти библіотекъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ.

Работа моя была блестяще окончена, а съ нею окончилась и первая половина моей, все же радостной, жизни; начались невѣдомыя мнѣ дотолѣ испытанія и непріятности. Въ домѣ у меня начались ссоры: двѣ хозяйки, конечно, не могли ужиться въ полномъ согласіи, и на меня часто выпадала тяжелая доля миротворца. Правда, моя, теперь уже покойная, жена много выносила отъ моей матери и мнѣ отъ души бывало ее жаль порою, но я былъ безсиленъ,—привычка уважать родительницу была выше всего для меня, и я не могъ съ нею бороться. Словомъ, впервые въ моей тихой и жизнерадостной семьѣ зародились раздоръ и неудовольствіе, а съ ними вдругъ свалился и розовый флёръ, окутывавшій меня до этихъ поръ, я увидѣлъ всю печальную изнанку будничной жизни женатаго человѣка: потребности увеличились, средствъ оказалось недостаточно, а работа была все та же, и вотъ я уже началъ вскорѣ замѣчать быстрое приближеніе начала неизбѣжнаго конца.

XXIII.

На старомъ пепелищѣ.

Какъ-то въ минуты душевнаго гнета я посѣтилъ наше старое пепелище и зашелъ къ Егору Ивановичу Димерту, такъ какъ не видалъ его со времени смерти моего отца и мнѣ хотѣлось подѣлиться съ нимъ моимъ горемъ, хотя и минувшимъ, но еще свѣжей раной лежавшимъ на моей душѣ. Старика, друга моего отца, я засталъ дома, онъ съ волненіемъ выслушалъ подробности о кончинѣ моего родителя, снялъ съ своего крупнаго носа большія очки и сталъ вытирать платкомъ искреннія, непритворныя слезы, покатившіяся по его сморщеннымъ старымъ щекамъ. Давно не плакали, вѣроятно, его добрые проницательные глаза, да и плакали ли они когда-нибудь?.. А тутъ не выдержали... Старикъ не наста-

ивалъ на разспросахъ о подробностяхъ смерти своего друга, ему, очевидно, было довольно и того сознанія, что онъ уже болѣе не увидитъ его и что навсегда лишился человѣка, съ которымъ провелъ свою юность и лучшіе годы своей жизни въ полномъ согласіи и взаимной поддержкѣ. Но Боже! какъ постарѣлъ самъ Егоръ Ивановичъ, какой-то землистый оттѣнокъ легъ на его лицѣ, а въ его взглядѣ читалось утомленіе жизнью и жажда полнаго, вѣчнаго покоя. Мнѣ стало тяжело при видѣ этого отживающаго близкаго мнѣ человѣка, и я поспѣшилъ скорѣе уйти отъ него, оставивъ старика одного переживать эти тяжелыя минуты. Меня потянуло на мое родное пепелище, въ нашъ домъ, гдѣ протекло мое дѣтство, гдѣ я ребенкомъ беззаботно бѣгалъ по двору, и вотъ воспоминанія о прошломъ яркими картинами стали проноситься передо мною одна за другой. Съ особенной яркостью припомнилась мнѣ беззаботная жизнь въ нашемъ домѣ, когда въ немъ была полная чаша всего, и я, не вѣдая ни заботъ, ни горя, еще мальчуганомъ, съ особенною любовью посѣщалъ конюшни, гдѣ стояла тройка отцовскихъ лошадей, ходившихъ въ каретѣ, двухмѣстной коляскѣ и дрожкахъ. Особенно рельефно припомнилась мнѣ рыженькая лошадка, называвшаяся Нортонъ, которую я особенно часто навѣщалъ въ ея стойлѣ, и уже при приближеніи моемъ раздавалось ея милое ржаніе и нетерпѣливое постукиваніе копытами о плотно утрамбованную землю, а изъ другихъ стойлъ выглядывали славныя морды милыхъ лошадей въ ожиданіи кусочка сахара, который я всегда приносилъ съ собою. Вспомнилъ я добродушное лицо кучера-татарина, почему-то называвшагося Николаемъ, любившаго меня и съ необыкновенною нѣжностью сажавшаго меня то на одну, то на другую изъ лошадокъ. Этого Николая уже не было, онъ умеръ еще до переѣзда нашего въ Москву. Вспомнилъ я вдругъ о своемъ другѣ дѣтства—собакѣ Азоркѣ. Его деревянная конура, отличавшаяся необычайными размѣрами, была снабжена такимъ большимъ отверстіемъ, что я могъ свободно влѣзать черезъ него и укладываться на соломѣ въ этомъ собачьемъ покоѣ. Въ такихъ случаяхъ Азорка оказывался очень гостепріимнымъ хозяиномъ, онъ вытягивался во весь свой гигантскій ростъ около своей хижины и заглядывалъ туда своей толстой мордой, помахивая въ знакъ особеннаго удовольствія хвостомъ.

Подлѣ этой конуры обыкновенно стояла деревянная чашка съ остатками его ѣды, въ которую я подбавлялъ чего-нибудь повкуснѣе, чѣмъ еще наканунѣ запасался послѣ обѣда или ужина, за что Азорка дѣлалъ мнѣ очень умильные глазки, вертѣлъ хвостомъ и всѣмъ своимъ задомъ, переступая довольно деликатно съ одной ноги на другую, какъ балетный танцоръ.

О милѣйшій Азорка! о тебѣ я до конца буду вспоминать безъ малѣйшей горечи, потому что ты не подалъ мнѣ никакого повода въ тебѣ разочароваться.

Послѣ визита къ этимъ друзьямъ моимъ, мнѣ припомнилось, какъ я съ братомъ Пьеромъ отправлялся за книжками и тетрадками, съ которыми мы размѣщались за небольшими столами въ комнатѣ нашего учителя Ивана Васильевича Саврасова, пріѣхавшаго къ намъ изъ Пензы. Почему-то вдругъ съ особенною яркостью возникла передо мною эта личность, впрочемъ, очень типичная и характеризующая молодыхъ людей того времени изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Это былъ человѣкъ провинціальнаго покроя, со сдержанными, но порывистыми движеніями, улыбался онъ какою-то деревянною улыбкою, въ которой его безцвѣтные глаза не принимали никакого участія, по-русски говорилъ правильно, но въ его произношеніи слышался какой-то акцентъ, похожій на хохлацкій, съ удареніемъ на букву «о». У него, какъ у природнаго дворянина и сына помѣщика, были свои крѣпостные люди, изъ которыхъ одного онъ, по уговору съ моимъ отцомъ, держалъ при себѣ; онъ у него и спалъ въ комнатѣ на полу, какъ собака, да и вообще обращался съ нимъ Саврасовъ съ возмутительной жестокостью. Этотъ крѣпостной былъ молодой придурковатый парень, находившійся въ строгомъ повиновеніи у своего господина, котораго боялся больше всего на свѣтѣ. При воспоминаніи объ этихъ двухъ противоположныхъ типахъ того времени, вдругъ воскресла въ моей памяти разыгравшаяся при мнѣ очень характерная сцена. Аѳанасій, слуга Саврасова, стоялъ въ его комнатѣ около двери, когда я вошелъ на урокъ. Лѣвая щека парня была значительно краснѣе правой, а глаза, и безъ того маленькіе, усиленно мигали. Самъ грозный баринъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, повидимому, сильно взволнованный, и не замѣтилъ даже моего появленія.—«Аѳонька!—какимъ-то задавленнымъ голосомъ вдругъ закричалъ Саврасовъ, останавливаясь противъ своего крѣпостного.— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, мерзавецъ ты этакій!.. Говорилъ ли я тебѣ? Отвѣчай же, негодяй... Говорилъ?..» не кричалъ уже, а какъ-то злобно шипѣлъ онъ и вдругъ, быстро выдернувъ руку изъ кармана, рѣзанулъ съ размаха своего слугу по щекѣ.

Эта сцена меня ужасно смутила, и я сконфуженно подошелъ къ столу. «Пошелъ вонъ!» крикнулъ Саврасовъ своему слугѣ, очень смущенный моимъ появленіемъ въ эту минуту. Мы начали урокъ, и я взволнованный прислушивался къ всхлипываньямъ, раздававшимся въ коридорѣ.

Когда мы окончили наши занятія, то мой учитель вкрадчивымъ голосомъ обратился ко мнѣ. «Вы, пожалуйста, — сказалъ онъ,— ничего мамашѣ не говорите, эти скоты лучшаго обращенія не заслуживаютъ. Вѣдь не скажете —да?» повторилъ онъ. Чувство страха къ этому человѣку наполнило мою маленькую душу, и я тихо сказалъ: «Нѣтъ, не скажу»...

Саврасовъ успокоился, а я долго не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня этой пощечиной, и теперь, когда я мыслями перенесся въ счастливое прошлое моего дѣтства, эта возмутительная сцена живо представилась въ моемъ воображеніи.

Вспомнилъ я и отца своего, когда мы съ братомъ послѣ урока шли съ нимъ здороваться. «А, здорово, парнишки!» привѣтствовалъ онъ насъ, и начинался тотъ милый разговоръ, который уже больше никогда не повторится. «Пьерушка!—раздавался изъ столовой голосъ мамаши;—иди же скорѣе, вѣдь яйца и котлеты простынутъ». «Я не хочу, мнѣ некогда,—отвѣчалъ отецъ;—ты вѣдь знаешь, что, поѣвши, я спать завалюсь, а у меня сегодня сеансъ!»—и отецъ снова брался за кисть, а мы шли въ столовую...

Подходя къ нашему бывшему дому, мысль о моемъ другѣ Азоркѣ особенно одолѣла меня. Живъ ли только онъ? И съ этою мыслью я вошелъ въ ворота. Домъ былъ все такимъ же, какимъ я его покинулъ, его наружный видъ нисколько не измѣнился, но на дворѣ не было прежняго оживленія, и все мнѣ показалось какъ-то особенно пусто. Будка стояла все на томъ же мѣстѣ, но Азорки не было видно; сердце мое защемило отъ тяжелаго предчувствія, но тутъ я съ радостью замѣтилъ, что цѣпь отъ кольца уходила въ круглое отверстіе, значитъ собака была тамъ, не Азорка ли? Я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ будки и окликнулъ моего косматаго друга.

Цѣпь загремѣла, и въ кругломъ отверстіи показалась морда съ мутными глазами. Вдругъ глаза эти оживились—это былъ онъ, мой милый Азорка! Еще мгновеніе, и онъ уже лежалъ у моихъ ногъ, жалобно визжа и торопливо облизывая мнѣ то лицо, то руки. Сколько радости было видно во всѣхъ его движеніяхъ, сколько преданности и вѣрности было въ этой вспышкѣ потухающихъ его глазъ. Вдругъ сзади меня раздался голосъ, я обернулся и увидѣлъ дворника, смотрѣвшаго съ видимымъ изумленіемъ на меня и на собаку.—«Ахъ, баринъ,—сказалъ онъ,—стою я и диву даюсь, что это сдѣлалось съ нашей собакой? Она вѣдь никого къ себѣ не подпускаетъ, я самъ съ опаскою и чашку-то ей ставлю; да кто вы такой будете?» спросилъ онъ.

Я сказалъ, что сынъ бывшаго владѣльца, и снова принялся ласкать Азорку. Меня растрогало, что онъ такъ скоро узналъ своего бывшаго друга, несмотря на то, что много лѣтъ не видался со мною. Я попросилъ дворника, чтобы онъ сходилъ въ лавочку и принесъ чего-нибудь полакомѣе для моего милаго друга.—«Эхъ, баринъ,—сказалъ дворникъ:—напрасно вы это дѣлаете, вѣдь собака-то стара, вотъ-вотъ околѣетъ, почти ничего она и не ѣстъ-то, а и Богъ-то ее знаетъ, какая-то она норовая, не больно-то ее приласкаешь»...

Но, видя, что я неуклонно рѣшился исполнить свое намѣреніе, онъ взялъ деньги и пошелъ.

Изъ окна дома на меня смотрѣла какая-то блѣднолицая дѣвочка, и я вспомнилъ мою бѣдную сестричку Женю, такъ рано умершую и часто также смотрѣвшую черезъ окно на дворъ, гдѣ мы съ братомъ рѣзвились и бѣгали.

Дѣвочка, раскрывъ свои большіе сѣрые глазки, удивленно смотрѣла на меня и Азорку. Я всталъ и пошелъ по двору и заглянулъ въ садъ. Онъ былъ все тотъ же, только грядъ въ немъ уже больше не было, каждое деревцо, каждый кустикъ носили на себѣ отпечатокъ стараго прошлаго, и я глубоко и тяжело вздохнулъ.

Вдругъ короткій лай Азорки заставилъ меня опомниться, мой вѣрный другъ соскучился по мнѣ и звалъ меня къ своей будкѣ; я пошелъ къ нему, и снова начались наши милованія. Въ это время вернулся и дворникъ, принеся кусокъ мяса, фунтъ ситнаго и молока и изъ этихъ продуктовъ я устроилъ аппетитную похлебку, которой бы позавидовала самая избалованная собака. Азорка смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія довольно равнодушно, поглядывая больше все на меня, и, когда я пригласилъ его отвѣдать угощеніе, онъ, повидимому, только чтобы доставить мнѣ удовольствіе, видя мои заботы о немъ, лакнулъ раза два изъ чашки и, отойдя отъ нея, снова легъ около моихъ ногъ. Что это была за спокойная, довольная поза!

У меня въ груди сжалось, слезы выступили изъ глазъ, и мнѣ стало вдругъ такъ больно, что я едва сдерживался, чтобы не разрыдаться, сердце мое какъ бы предчувствовало, что это мое послѣднее свиданіе съ этимъ истиннымъ моимъ другомъ, не забывшимъ меня въ теченіе многихъ лѣтъ разлуки. Дворникъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на насъ, а я, утеревъ глаза, Христомъ Богомъ просилъ его заботиться о собакѣ, оставилъ ему денегъ и свой адресъ, умоляя извѣстить меня, когда моего Азорки не станетъ.

— Я хочу непремѣнно похоронить его самъ,—сказалъ я и, обнявъ еще разъ своего милаго друга, долго и пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и мнѣ казалось, что этотъ косматый старый Азорка понялъ меня. Выраженіе его глазъ было тихое и грустное, неподдѣльная скорбь читалась въ нихъ и вотъ мнѣ показалось, что крупная слеза заблестѣла и покатилась по его черной мордѣ, въ глазахъ у меня все перекосилось, я крѣпко схватилъ его шею и заплакалъ. «Бѣдный, бѣдный мой Азорка, увижу ли я тебя», прошепталъ я, цѣлуя его мокрую морду, какъ это дѣлалъ много лѣтъ назадъ, и, поднявшись, всталъ, не оборачиваясь дошелъ до калитки, но не выдержалъ и взглянулъ назадъ: вытянувши цѣпь, Азорка стоялъ, опустивши голову и провожая меня глазами, выраженіе ихъ было грустное, какое-то безотрадное,—«прощай, мы больше не увидимся», какъ будто говорилъ этотъ милый, грустный взглядъ...

П. П. Соколовъ.